TALISMAN", ILI RIŠARD" V" PALESTINL·. IZ" ISTORII VREMEN" KRESTOVYH...

Walter Scott

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
A
5293 /1
ROMA

ТАЛИСМАНЪ,

или

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ТАЛИСМАНЪ,

ИЛИ

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

ИЗЪ

ИСТОРІИ ВРЕМЕНЪ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ.

ВАЛТЕРА-СКОТТА.

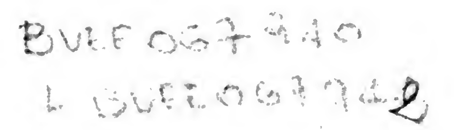

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1827.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, три для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Декабря 23 дня 1826 года. Рукопись въ 3 частяхъ разсматривалъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

Дмитрій Перевощиковъ.

ТАЛИСМАНЪ,

или

РИШАРДЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

КНИГА I.

„Спокойно уклонились они въ сторону, оставаяся вооруженными.“

Мильтонъ.

Знойное солнце Сиріи не достигло еще высшей степени горизонта, какъ Рыцарь краснаго креста, покинувшій отдаленное свое жилище въ Сѣверной Европѣ, чтобы присоединиться къ войску Крестоносцевъ въ Палестинѣ, медленно проѣзжалъ песчаныя степи въ окре-

стностяхъ Мертваго моря, называемаго иначе Асфальтитскимъ озеромъ, гдѣ струи Іордана впадаютъ въ него, какъ въ Средиземное море, котораго воды стоятъ неподвижно, безъ всякаго теченія.

Воинъ Богомолецъ съ ранняго утра переѣхалъ трудный путь между скалъ и пропастей; потомъ оставя крутыя и опасныя ущелья, онъ выѣхалъ на пространную степь, гдѣ нѣкогда города преданные проклятію, возбудили мщеніе Всемогущаго.

Странникъ забывалъ усталость, голодъ и опасности пути при воспоминаніи страшнаго бѣдствія, превратившаго въ безплодную и ужасную степь прекрасную, плодоносную долину Содома, орошаемую прежде источниками, цвѣтущую красотою, какъ земной рай, преобразившуюся потомъ въ знойную, безводную пустыню, осужденную на вѣчное безплодіе.

Онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, увидя черныя воды Мертваго моря, не похожія ни цвѣтомъ, ни качествомъ ни съ какимъ дру-

гимъ озеромъ, и содрогнулся воспоминая, что подъ мутнымъ, тинистымъ его иломъ, погребены горделивые города, долины, разрушенные небеснымъ громомъ, или подземнымъ огнемъ. Развалины ихъ остались поглощенными на днѣ моря, внутрь котораго не плаваетъ ни одной живой рыбы, по поверхности его не несутся суда; и оно, какъ бы чуждаясь другихъ водъ, вмѣщая въ себѣ одномъ нечистыя струи свои, не шлетъ ихъ въ дань Океану, подобно прочимъ озерамъ. Почва окружной земли, какъ и во времена Моисея, осталась при сѣрномъ, смолистомъ своемъ свойствѣ; ее не засѣвали, и она ничего не произращала; ни травы, ни былинки не пробивалось сквозь нее. Названіе Мертваго равно могло относиться къ морю и землѣ, потому что никакого произрастенія не показывалось, и даже птицы не летали по воздуху, какъ видно удаляемыя сѣрными и тлетворными парами, подымавшимися съ моря, отъ притяженія лучей палящаго солнца. Пары его расстилались въ видѣ тумана, образуя иногда

водяные столбы. Массы сѣрнаго и клейкаго сшаго вещества, называемаго нефтью, медленно двигаясь надъ поверхностью равно мрачныхъ и сонныхъ водъ, еще больше сгущали облака, очевидно подтверждая истинну Моисеева повѣствованія.

Солнце сильно палило дикую, знойную степь, и казалось вся природа скрывалась отъ лучей его, выключая уединеннаго путника, пробирающагося тихимъ шагомъ по сыпучему песку; его однимъ присутствіемъ оживлялось все пространство долины. Даже и воинственный уборъ его, и снарядъ его лошади составляли разительную противуположность съ тѣми мѣстами, по которымъ онъ странствовалъ. Кольчуга съ длинными рукавами, нарукавники, покрытые желѣзными бляхами, и стальная броня, были еще легкимъ для него вооруженіемъ: трехъугольный щитъ висѣлъ у него на шеѣ; на головѣ надѣтъ стальной шишакъ, отъ котораго развѣвался капишонъ, и колетъ изъ мѣдныхъ колецъ, покрывая шею, плеча воина, занималъ

пространство отъ панцыря до шишака; ноги и лядвеи его, какъ и все тѣло, были покрыты легкими кольчугами, башмаки украшены бляхами, какъ и нарукавники. Широкій длинный мечь съ острымъ съ обѣихъ сторонъ лезвеемъ, съ крестообразною рукояткою, висѣлъ на лѣвомъ бедрѣ его; на правомъ боку длинный кинжалъ. Сидя крѣпко на сѣдлѣ, Рыцарь держалъ въ рукѣ обыкновенное свое оружіе, длинное вороненое копье, съ стальнымъ наконешникомъ, которымъ опирался онъ на стремѣ, а на верхушкѣ его прикрѣпленъ былъ значекъ, развѣваемый вѣтромъ въ задъ, или приникавшій къ древку въ тиши. Къ полному его вооруженію должно еще прибавить епанчу суконную съ шитьемъ, ветхую и полинялую, но не меньше того полезную, потому что она защищала его отъ солнечныхъ лучей; иначе онъ не могъ бы вынести несноснаго жара, притяженнаго его кольчугою. На епанчѣ, во многихъ мѣстахъ, видѣнъ былъ гербъ рыцаря, хотя отъ ветхости и не совсѣмъ явственно. Онъ озна-

чалъ спящаго барса, съ надписью вокругъ: « Я сплю, не разбуди меня. « Тотъ же девизъ, казалось, украшалъ и щитъ его, пробитый во многихъ мѣстахъ, на которомъ едва остались замѣтны слѣды его. Плоская верхушка тяжелаго, цилиндрическаго шишака его, была безъ всякаго украшенія. Сѣверные крестоносцы, сохраняя свое оборонительное вооруженіе, казалось, хотѣли преодолѣть свойство климата и страны, куда пришли они воевать.

Конская збруя не меньше была груба и полновѣсна, какъ и воинской снарядъ рыцаря: тяжелое сѣдло, чеканное съ сталью, къ которому прикрѣплялся желѣзный нагрудникъ спереди, и такой же щитокъ съ зади, для охраненія хребта и груди лошади. Стальная сѣкира, родъ молота, называемаго палицей, привѣшена была къ лукѣ сѣдла; къ возжамъ его были придѣланы мѣдныя цѣпочки, а чолка узды изъ стальной бляхи, съ отверзтіемъ для глазъ и ноздрей, оканчивалась короткимъ остроконечникомъ, какъ бы выходящимъ по срединѣ лба ло-

шади, подобно какъ у баснословнаго единорога.

Но привычка, часто превращающаяся во вторую натуру, облегчала тягость вооруженія коня и всадника. Хоть и правда, что большая часть Западныхъ воиновъ, отправившихся въ Палестину, прежде нежели успѣли привыкнуть къ знойной етой сторонѣ, лишились жизни; но для другихъ тамошній климатъ не только не былъ вреденъ, но даже сдѣлался спасительнымъ. Въ числѣ этихъ щастливцевъ былъ и уединенный Рыцарь, ѣхавшій по берегу Мертваго моря.

Природа надѣливъ его крѣпкимъ сложеніемъ, снабдила необыкновенными силами, и кольчужный панцырь съ латами такъ же легко носилъ онъ, какъ бы они были сплетены изъ шелку. Какъ всѣ члены его были тверды, такъ и душевныя способности сильны и могущественны; онъ преодолѣвалъ перемѣны воздуха, суровости климата, усталость, жажду, и всякаго рода нужды. Свойства его нрава отъ части соотвѣтствовали крѣпкому его сло-

женію; имъ превозмогалъ онъ всѣ трудности, бодро перенося ихъ; душа его, не смотря на спокойную и безмятежную наружность, сгорала пламенными восторгами, жаждала славы, составляющей главное свойство знаменитаго Нормандскаго этаго поколѣнія, преобразившее отважныхъ этихъ пришлецовъ въ Владѣтельныхъ Князей по всѣмъ частямъ Европы, куда перенеслись они войною.

Однакожъ, щастіе не всѣ отрасли этаго поколѣнія надѣлило такими приманчивыми наградами; полученныя уединеннымъ Рыцаремъ въ продолженіе двухлѣтняго похода въ Палестинѣ, состояли въ временной славѣ, которую, не относя къ личному достоинству, пріучили его приписывать Промыслу Божію и Его благодати. Между тѣмъ кошелекъ его, не слишкомъ туго набитый при началѣ похода, совсѣмъ истощился, тѣмъ больше, что онъ никогда не прибѣгалъ къ низкимъ средствамъ, употребляемымъ его сотоварищами, Крестоносцами, для доставленія себѣ новыхъ пособій

которыми отягощали они нещастныхъ жителей Палестины; онъ не требовалъ отъ нихъ подарковъ за охраненіе ихъ имуществъ, во время битвъ съ Сарацинами; и ему не случилось обогатиться выкупомъ какого знатнаго плѣннаго. Небольшая свита, сопутствовавшая ему изъ отечества, постепенно уменьшалась, по мѣрѣ истощенія средствъ содержать ихъ; одинъ только щитоносецъ, оставшійся при немъ, бывъ тогда боленъ, лежалъ на смертномъ одрѣ и не могъ сопровождать своего господина, который, какъ мы уже видѣли, ѣхалъ одинъ. Ето обстоятельство казалось слишкомъ маловажнымъ крестоносцу, привыкшему почитать мечь свой вѣрнѣйшимъ охраненіемъ и надежнѣйшимъ сподвижникомъ, а благочестивые размышленія лучшимъ собесѣдникомъ.

Однакожъ не смотря на тѣлесную крѣпость и терпѣливое свойство Рыцаря Спящаго Барса, натура требовала отдохновенія и пищи; и въ полдень, отъѣхавъ на довольное разстояніе отъ Мертваго моря, остав-

шагося у него вЪ правѢ, онЪ сЪ радостію увидѢлЪ двѢ или три пальмы, возвышавшіяся близь источника, на берегу котораго онЪ располагался остановиться для отдыха. Добрый конь его, преодолѢвшій трудный путь сЪ неменьшею бодростію и терпѢніемЪ, какЪ и всадникЪ его, началЪ подымать голову, пыша ноздрями, удвоивая шаги свои, какЪ бы послышавЪ чутьемЪ своимЪ близость воды, которая доставитЪ ему прохладу и отдохновеніе. Но много еще оставалось перенесть трудовЪ и преодолѢть опасностей, чтобЪ достигнуть желаннаго мѢста.

Тогда какЪ Рыцарь Спящаго Барса со вниманіемЪ устремлялЪ глаза свои на видимую имЪ вЪ дали пальмовую рощицу, ему показалось, что какое-то живое существо движется за кустами; наконецЪ существо ето отдѢлилось отЪ деревьевЪ, скрывавшихЪ его, и подошедЪ кЪ стоящей вблизи лошади, проворно вскочило на нее; чалма, дротикЪ и зеленое полукафтанье, развѢвающееся по вѢтру, означали вЪ немЪ Сарацина.

—Не встрѣтишь друга въ пустынѣ, говоритъ восточная пословица; но крестоносецъ не заботился, другъ или недругъ былъ Музульманинъ, несшійся къ нему стрѣлой на Арабской лошади. Какъ поборникъ креста, обрѣкшійся на служеніе ему, статься можетъ, онъ желалъ бы лучше видѣть въ немъ недруга. Высвободивъ копье свое изъ стремя, онъ схватилъ его въ правую руку, наклонивъ остріемъ, сжалъ возжи лѣвою рукой, пришпорилъ лошадь, чтобъ придать ей огня, приготовясь такимъ образомъ къ встрѣчѣ незнакомца, съ спокойною довѣренностію, приличною побѣдоносному рыцарю въ столькихъ сраженіяхъ.

Сарацинецъ скакалъ къ нему во весь опоръ, по обычаю Арабскихъ всадниковъ, понуждая лошадь свою больше жатіемъ колѣнъ и тѣлодвиженіями, нежели поводами, висящими въ лѣвой рукѣ его, такъ что онъ могъ свободно дѣйствовать круглымъ щитомъ своимъ, сдѣланнымъ изъ кожи Носорога, украшеннымъ серебрянымъ снуркомъ и лежащимъ на рукѣ его,

который повернулЪ онЪ, какЪ бы для отраженія тяжелыхЪ ударовЪ западнаго копья. Длинный его дротикЪ не былЪ наклоненЪ какЪ копье его сопротивника: онЪ крѣпко держалЪ его вЪ правой рукѣ, ухвативЪ посрединѣ, махая имЪ надЪ головой своей поднятою кЪ верьху рукой. Приближаясь кЪ непріятелю своему во весь опорЪ, онЪ казалось ожидалЪ, что Рыцарь Барса также поскачетЪ кЪ нему на встрѣчу; но крестоносецЪ зная совершенно всѣ обычаи восточныхЪ воиновЪ, не счелЪ нужнымЪ утомлять превосходную свою лошадь безполезными усиліями. НапротивЪ, онЪ вдругЪ остановилЪ ее, зная, что если дойдетЪ у нихЪ дѣло до битвы, то тяжелаго его напора достаточно будетЪ для превосходства силЪ, безЪ быстрыхЪ движеній.

Сарацинской воинЪ думалЪ тоже; и опасаясь слѣдствія такого напора, когда подъѣхалЪ онЪ кЪ Христіянину на нѣсколько шаговЪ, то повернувЪ лошадь свою вЪ лѣво сЪ неимовѣрнымЪ проворствомЪ, объѣхалЪ два раза вокругЪ своего со-

противника, который также повертывая кругомъ лошадь свою, стоя на одномъ мѣстѣ, оборачиваясь лицемъ къ непріятелю, опровергнулъ всѣ покушенія его, такъ что Сарацинъ, сдѣлавъ на скакунѣ своемъ пространный кругъ, принужденъ былъ отъѣхать отъ него на пятьдесятъ саженъ.

Однакожъ, какъ соколъ налетаетъ на аиста, такъ и Мавръ вскорѣ опять началъ свои приступы, и снова былъ принужденъ отступить безъ нападенія. Онъ подъѣхалъ опять также въ третій разъ; но Христіянской Рыцарь, желая прекратить такого рода нападенія, въ которыхъ наконецъ онъ могъ бы уступить быстротѣ своего непріятеля, схватилъ вдругъ палицу, привѣшенную къ сѣдлу, и мощною рукой, при вѣрномъ глазомѣрѣ, ударилъ по головѣ своего сопротивника, который по видимому былъ Эмиръ. Сарацинецъ лишъ успѣлъ къ оборонѣ своей подставить щитъ между головою своею и палицею крестоносца: отъ сильнаго удара щитъ приклонился къ чалмѣ, и хотя спасъ голову Му-

зальманина, однакожъ онъ не могъ удержаться на лошади, и повергнулся на землю. Но прежде нежели Христіянинъ успѣлъ воспользоваться его паденіемъ, проворный Сарацинъ всталъ, кликнулъ лошадь свою, которая тотчасъ подбѣжала къ нему, вскочилъ на сѣдло не дотрогиваясь до стремя, съ новою готовностію къ бою.

Между тѣмъ Рыцарь Барса поднялъ свою палицу, а Сарацинъ помня, съ какою силою и ловкостью непріятель его управлялъ этимъ оружіемъ, повидимому не желая подвергаться новымъ ударамъ, отклонился отъ него, чтобы издали продолжать битву, надѣясь другаго рода оружіемъ, въ которомъ онъ былъ искуснѣе, преодолѣть своего сопротивника. Воткнувъ длинный дротикъ свой въ песокъ въ нѣкоторомъ разстояніи, съ большою ловкостью натянулъ маленькой лукъ, висѣвшій у него за плѣчьми, и пустивъ лошадь свою въ скачь, объѣхалъ еще два или три раза вокругъ Христіянина, гораздо въ большемъ отдаленіи противъ прежняго, потомъ такъ

мѣтко пустилъ шесть стрѣлъ въ него, что если не всѣ онѣ ранили непріятеля, то онъ обязанъ былъ за то бронѣ своей. Седьмая стрѣла казалось подѣйствовала сильнѣе, потому что Рыцарь Барса вдругъ упалъ съ лошади.

Но какъ велико было изумленіе Сарацина, когда спрыгнувъ съ сѣдла, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находится повергнутый имъ непріятель, вдругъ почувствовалъ, что Европеецъ схватилъ его, прибѣгшій къ этой хитрости, чтобы привлечь къ себѣ Музульманина! Въ смертельномъ етомъ бою, лишь присутствіе ума и проворство могли спасти его. Развязавъ тотчасъ свой кушакъ, за который держалъ его Рыцарь Барса, и тѣмъ высвободясь изъ мощныхъ рукъ его, онъ вскочилъ опять на лошадь, которая, казалось, съ неимовѣрнымъ понятіемъ въ животномъ слѣдовала за всѣми движеніями своего всадника, и снова удалился. Но въ послѣдней этой стычькѣ Сарацинъ потерялъ свой палашъ и колчанъ наполненный стрѣлами, потому что они привязаны были къ его

кушаку, который онъ долженъ былъ снять. И чалма его, въ короткомъ этомъ противоборствѣ, спала съ него. Всѣ эти невыгоды, повидимому побудили Музульманина предложить перемиріе. Онъ приближился къ Христіанину, протянулъ правую руку, но уже не въ знакъ угрозы, а мира.

— Между нашими народами существуетъ перемиріе, сказалъ онъ, на Левантскомъ языкѣ, которымъ изъяснялись крестоносцы съ Сарацинами: за чѣмъ же быть войнѣ межъ нами? Да будетъ также миръ.

— Согласенъ, отвѣчалъ Рыцарь Барса; но какой залогъ ты дашъ мнѣ въ сохраненіи перемирія?

— Никогда еще служитель Пророка не измѣнялъ своему слову, отвѣчалъ Эмиръ. Мнѣ бы должно было требовать отъ тебя залога, храбрый Назарянинъ, есть ли бъ я не зналъ, что измѣна рѣдко соединяется съ мужествомъ.

Довѣренность Сарацина пристыдила крестоносца въ оказанной имъ недовѣрчивости.

— Клянусь крестомъ моей сабли, сказалъ онъ, опираясь рукою на мечь

свой, быть вѣрнымъ твоимъ товарищемъ, Сарацинъ, до тѣхъ поръ, покуда случай, сведшій насъ, не разлучитъ.

— Клянусь Магометомъ, Пророкомъ Божіимъ, Аллою, Богомъ Пророка, возразилъ бывшій его непріятель, что измѣны и вражды нѣтъ въ моемъ сердцѣ противъ тебя. Теперь пойдемъ къ этому источнику, наступилъ часъ покоя; я едва лишь коснулся устами до воды, какъ твое присутствіе призвало меня къ битвѣ.

Рыцарь Барса тотчасъ съ вѣжливостью согласился на то; оба воина, бывшіе враги, вмѣстѣ отправились къ пальмовой рощицѣ, и ни одно движеніе не показывало въ нихъ ни малѣйшей другъ къ другу недовѣрчивости, ни одинъ взглядъ не означалъ неудовольствія.

КНИГА II.

„Когда случится другъ съ другомъ разговаривать, и вмѣстѣ путешествовать, то нужно, чтобы въ лицахъ, во вкусахъ и склонностяхъ было сходство."

Шакеспиръ.

Въ военное время всегда и въ особенной степени, бываютъ минуты перемирія и безпечности. Особенно были онѣ извѣстны въ ленныя времяна, потому что во нравахъ того вѣка, война составляла главное и благороднѣйшее упражненіе человѣческаго рода; промежутки заключаемаго мира, или лучше сказать перемирія, тѣмъ пріятнѣе казались воинамъ, чѣмъ меньше имѣли они случая ими пользоваться; тѣмъ сладостнѣе они бывали, чѣмъ рѣже случались. Они почитали для себя низкимъ, сохранять постоянную вражду противъ непріятеля, съ которымъ нынче сражаясь какъ съ храбрымъ сподвижникомъ, на завтрешнее утро могли вступить опять въ бой. Время и обстоятельства предста-

вляли столько средствЪ кЪ удовлетворенію буйственныхЪ страстей, что эти воины, естьли особенная вражда, или личныя непріятности не раздражали ихЪ воспоминанія, сЪ удовольствіемЪ проводили вмѣстѣ короткое время перемирія, выдавшееся имЪ вЪ ратоборной жизни, посвященной воинскимЪ подвигамЪ.

Не смотря на различіе вѣрЪ, пылкое рвеніе, одушевлявшее другЪ противЪ друга служителей креста и полумѣсяца, смягчаемо было снисхожденіемЪ великодушныхЪ воиновЪ, особенно поддерживаемое духомЪ рыцарства. Послѣднее и сильное это побужденіе постепенно распространилось отЪ ХристіанЪ до смертельныхЪ ихЪ враговЪ, ГишпанскихЪ и ПалестинскихЪ СарацинЪ. Они не походили уже на тѣхЪ дикихЪ, необузданныхЪ фанатиковЪ, которые выступивЪ изЪ АравійскихЪ степей сЪ мечемЪ вЪ одной рукѣ, сЪ кораномЪ вЪ другой, предлагали выбирать смерть или МагометовЪ законЪ, или брали вЪ плѣнЪ, налагая дани на осмѣлившихся отказываться отЪ поклоненія пророку Мекки.

Таковъ былъ предложенъ выборъ миролюбивымъ Грекамъ и Сиріанамъ; но сражаясь съ Западными Христіанами, одушевленными равнымъ съ ними усердіемъ къ вѣрѣ, такою же неукротимою храбростью, одаренными ловкостью, искусствомъ, отличными успѣхами, Сарацины мало по малу заимствовали отчасти ихъ обхожденіе, особливо рыцарскіе обычаи, которые легко могли плѣнить умъ гордаго и побѣдоноснаго народа. У нихъ были ихъ ристалища и сраженія; у нихъ даже были и рыцарскія постановленія, или что-то похожее; но свыше всего, Сарацины съ такою ненарушимостью сохраняли данное слово, что непоколебимость ихъ могла пристыдить иногда людей исповѣдающихъ чистѣйшую вѣру. Народные и частныя ихъ перемирія свято соблюдались; изъ того и выходило, что война, бывъ сама по себѣ величайшимъ зломъ, доставляла случаи обнаруживать съ обѣихъ сторонъ великодушіе, правоту и милосердіе. Сладкія эти чувства, статься можетъ, бываютъ рѣже въ мирныя

времяна, когда страсти находя меньше средствъ къ своему удовлетворенію, долго таятся въ сердцѣ тѣхъ, которые по нещастію предаются ихъ влеченіямъ.

Подъ вліяніемъ этихъ-то чувствъ, смягчающихъ ужасы войны, Христіанинъ и Сарацинъ, за нѣсколько минутъ употреблявшіе всѣ средства къ пораженію другъ друга, тихимъ шагомъ направляли путь свой къ источнику пальмовой рощицы, куда ѣхалъ Рыцарь Барса, когда опасный и проворный соперникъ преградилъ ему путь. Оба нѣсколько времяни были погружены въ размышленіе, какъ бы переводя духъ послѣ встрѣчи, угрожавшей опасностью тому и другому, а могло статься и обоимъ; лошади ихъ, казалось равно наслаждались минутнымъ отдыхомъ. Лошадь Сарацина хоть и больше должна быть утомлена быстрыми и многочисленными движеніями, но гораздо меньше чувствовала усталости, нежели лошадь Европейскаго Рыцаря, которой вся грива облита была потомъ, тогда какъ нѣсколько тихаго шагу, достаточно было для прохлаж-

денія благороднаго Арабскаго скакуна; пѣна была видна только на уздѣ и попонѣ ея. Вязкой и сыпучій песокъ, по которому онѣ ѣхали, до такой крайности измучилъ лошадь Христіанина, что онъ сошедъ съ сѣдла, повелъ ее подъ узду, посреди густыхъ облаковъ пыли песчаной этой пустыни, раскаленной знойнымъ солнцемъ, превращающимъ самый песокъ въ какое-то горючее вещество, осудивъ себя такимъ образомъ на новое утомленіе, чтобы облегчить вѣрнаго своего коня, потому что ноги его вязли въ пескѣ по лодышку, на каждомъ шагу, по рыхлому этому грунту земли.

— Такъ и должно, сказалъ Сарацинъ, и это было первое слово, произнесенное имъ со времяни заключеннаго ими перемирія. Добрый этотъ конь заслуживаетъ твое попеченіе; но какъ могъ ты рѣшиться ѣхать на немъ по этой степи, гдѣ на каждомъ шагу онъ вязнетъ по грудь, точно какъ бы ему хотѣлось запустить ноги свои на ровнѣ глубиною съ корнемъ фиги.

— Ты судишь, Сарацинъ, по своему, отвѣчалъ Христіанской рыцарь, негодуя на критику, съ какою невѣрный охуждалъ любимаго его коня, то есть, по мѣрѣ твоего понятія и наблюденій. Но въ моемъ отечествѣ я проѣзжалъ на доброй этой лошади озеро, которое равняется пространству вашего Мертваго моря, и даже не взмокла у ней шерсть надъ копытомъ.

Сарацинъ поглядѣлъ на него съ изумленіемъ, умѣреннымъ вѣжливостью, изъявляя удивленіе свое легкою усмѣшкою, похожею на презрѣніе, почти непримѣтною, отъ которой едва пошевелились густые усы, покрывавшіе верхнюю часть его губы.

— Оно легко сказать, Христіанинъ, возразилъ онъ, принявъ тотчасъ спокойный видъ и обыкновенную свою важность: послушай Франка, и онъ наскажетъ тебѣ небылицъ.

— Ты невѣжливъ, невѣрный, отвѣчалъ крестоносецъ, сомнѣваясь въ словахъ Рыцаря; и естьлибъ я не зналъ, что ты говоришь это по незнанію, а не по грубости, то наше

перемиріе, такъ недавно заключенное, сей же часъ бы прекратилось. Не ужъ ли ты думаешь, что я лгу, сказывая тебѣ, что я и пять сотъ всадниковъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, мы проѣхали нѣсколько миль по водѣ, которая тверда была какъ стекло, но не такъ хрупка?

— Что за розсказни? вскричалъ Музульманинъ. Свойство нашего Мертваго моря отлично тѣмъ, что будучи проклято Богомъ, оно не вмѣщаетъ въ себя ни какого вещества, и выбрасываетъ на берегъ все, что въ него ни попадаетъ; но ни Мертвое море, и ни одно изъ семи Океановъ, окружающихъ землю, не потерпитъ на поверхности своей лошадинаго слѣда, точно какъ Чермное море не попустило Фараону съ войскомъ перейти по немъ.

— Ты говоришъ по мѣрѣ твоихъ познаній, Сарацинъ, и однакожъ, повѣрь словамъ моимъ, я сказалъ тебѣ истинну. Здѣсь палящій жаръ превращаетъ этотъ песокъ въ пыль, которая движется какъ вода и разсыпается подъ ногами; въ моемъ отечествѣ холодъ превращаетъ ино-

гда самую воду въ твердое вещество какъ камень. Но оставимъ этотъ разговоръ; мысль о синемъ, тихомъ озерѣ, въ зимнее время отражающемъ блескъ отъ свѣта сіяющей луны и звѣздъ, умножаетъ ужасы знойной этой степи, гдѣ воздухъ, которымъ дышатъ, походитъ на раскаленное жерло.

Сарацинъ пристально посмотрѣлъ на него, какъ желая бы увѣриться, въ какомъ смыслѣ онъ долженъ принимать слова его, которыя казались ему чѣмъ-то таинственнымъ, или вымышленнымъ. Наконецъ онъ повидимому рѣшился остаться при своемъ мнѣніи, принимая слова новаго своего товарища за сказку.

—Народъ вашъ, сказалъ онъ, веселый и любитъ забавляться на щетъ другихъ, разсказывая имъ несбыточныя вещи, которыхъ никогда не могло случаться. Ты изъ числа Рыцарей Франковъ, которые для забавы и препровожденія времени любятъ *трунить* надъ другими, какъ они сами признаются въ томъ, хвастаясь подвигами, которые свыше человѣческихъ силъ. Непроститель-

но было бы мнѣ теперь оспоривать тебя, потому что хвастовство вамъ свойственнѣе истинны.

Мое отечество не Францiя, отвѣчалъ Рыцарь, я не заимствовалъ ихъ обычаевъ. У нихъ точно въ модѣ *трунить*, какъ говоришь ты, надъ всѣми; хвастаться тѣмъ, чего они не сдѣлали, предпринимая то, чего не могутъ совершить. Но я не меньше глупо поступилъ какъ и они говоря тебѣ, храбрый Сарацинъ, о такихъ вещахъ, которыхъ ты не въ силахъ постигнуть. Сказавъ тебѣ сущую правду, я заслуживаю почитаться въ глазахъ твоихъ *балагуромъ;* и такъ, не станемъ больше поминать о томъ.

Въ эту минуту они подъѣхали къ пальмовой рощицѣ, которая защищала отъ солнца прохладный источникъ, текущiй подъ тѣнiю ея вѣтвей.

Мы говорили о минутномъ перемирiи посреди войны, а прекрасная эта долина, посреди безплодной степи, представляла успокоенiе, не меньше сладостное. Въ другихъ мѣстахъ, она, можетъ быть, не заслу-

жила бы и вниманія; но вЪ этой сторонѢ это одно только было мѢсто вЪ необозримомЪ пространствѢ, гдѢ нашлася тѢнь для прохлады и вода для утоленія жажды; двойная эта выгода, ничего не значущая, когда встрѢчается она на каждомЪ шагу, превращала источникЪ и тѢнь пальмовой рощицы вЪ рай.

Какая-то благотворная или человѢколюбивая рука, до бѢдственныхЪ времянЪ Палестины, окружила этотЪ источникЪ каменной оградой сЪ крытымЪ сводомЪ, чтобы не засыпало его пескомЪ, который при малѢйшемЪ дуновеніи вѢтра подымался столпомЪ, несяся вЪ вихрѢ по степи. Часть свода была уже обрушена, и распадалась. Но его еще оставалось довольно для защиты источника отЪ солнца, котораго косвенный лучь едва касался воды; этотЪ потокЪ, тогда какЪ всѢ окрестности представлялись безплодною пустынею, струя прозрачныя свои воды, обворожалЪ глаза и воображеніе. Выходя изЪ-подЪ сводовЪ, вода лилась вЪ мраморный бас-

сейнъ, полуобрушенный, но пріятный для глазъ, служа доказательствомъ, что тутъ нѣкогда бывалъ отдыхъ; что человѣческая рука обработала его, и что были люди, которые пеклись о человѣческихъ нуждахъ. Оно напоминало путникамъ, утомленнымъ жаждою и усталостью, что другіе, также какъ и они, подвергались равнымъ трудамъ, отдыхали на этомъ мѣстѣ, и вѣроятно благополучно возвратились въ плодоноснѣйшія страны. Малый ручей, едва примѣтный, текущій изъ бассейна, орошалъ деревья окружавшія огражденный родникъ, и мѣсто, гдѣ терялся онъ подъ землею, скрываясь, заросло густою травою.

Въ этомъ-то прелестномъ убѣжищѣ остановились оба воина, и каждый изъ нихъ, по обычаю своей земли, разсѣдлалъ свою лошадь, снялъ съ нее узду и мунштукъ; обѣ онѣ утолили жажду свою въ бассейнѣ, тогда какъ всадники ихъ, почерпнувъ воды подъ сводомъ, напились ее. Потомъ пустили они коней своихъ гулять на свободѣ, зная

очень, что по привычкѣ къ домашней жизни, они не зайдутъ далеко отъ водопоя и свѣжаго корма.

Христіянинъ и Сарацинъ сѣвъ другъ подлѣ друга на травѣ, вынули изъ котомокъ взятый ими небольшой сьѣстной запасъ; но прежде нежели начался ихъ обѣдъ, они посмотрѣли другъ на друга съ любопытствомъ, которое возбуждалось въ нихъ упорнымъ ихъ противоборствомъ. Каждый изъ нихъ, казалось, хотѣлъ измѣрять глазами силы грознаго своего сопротивника, составить себѣ понятіе о свойствѣ его; и каждый изъ нихъ долженъ былъ признаться, что еслибъ случилось ему пасть въ бою, то онъ принялъ бы смерть отъ достойной его руки.

Лице и наружность обоихъ ратоборцевъ составляли совершенную противоположность; они отличались разительными чертами различныхъ ихъ земель. Европеецъ былъ крѣпкаго сложенія и силенъ; темнорусые, густые его волосы, отъ природы кудреватые, вились по плечамъ, когда онъ снялъ шишакъ свой. Лице его было смугло, но повидимо-

му загорѣлое отъ солнца, потому, что шея его, меньше открытая, была гораздо бѣлѣе; голубые, большіе глаза, густые усы, борода обритая, по обычаю Нормандцевъ; прямой, Греческой носъ; ротъ довольно большой; ровные, чистые зубы удивительной бѣлизны, маленькая, складная голова, составляли пріятную наружность. Онъ казался не старѣе тридцати лѣтъ, но соображая понесенные имъ труды и вліяніе климата, можно было предположить ему двадцать шестой или двадцать седьмой годъ. Онъ былъ превысокаго роста, широкоплечь, и по видимому склоненъ къ толщинѣ, хотя всѣ движенія его означали легкость и проворство. Когда онъ снялъ нарукавники, то обнажилъ широкую, складную, бѣлую руку; кулаки его были велики, мышцы сильны. Военная смѣлость и выраженіе беззаботной откровенности обнаруживались во всѣхъ его словахъ и движеніяхъ; звукъ голоса его, означалъ человѣка, привыкшаго больше повелѣвать, нежели повиноваться, который не скрываетъ своихъ

мнѣній при встрѣчающихся случаяхъ и обнаруживаетъ ихъ прямо.

Сарацинской Эмиръ составлялъ разительную противоположность съ западнымъ крестоносцемъ. Ростъ его былъ хоть и выше средняго, но гораздо ниже Европейца. Сухощавость его; длинныя, тощія руки хоть и соотвѣтствовали размѣру его тѣла, однакожъ не предвѣщали гибкости и силѣ оказанныхъ имъ въ бою. Но разсмотря его съ большимъ вниманіемъ, судя по обнаженнымъ членамъ, можно было заключить, что самая сухощавость его, избавляя отъ излишняго мяса, способствовала его легкости и проворству; онъ точно какъ будто составленъ былъ изъ одниxъ костей, жилъ и мускуловъ. Станъ его казался созданнымъ для трудовъ и подвиговъ, которыхъ не могъ бы вынесть ратоборецъ обремяненный дородностью, потому, что толщина его, служа перевѣсомъ его крѣпости, истощила бы всѣ его усилія. Видъ Сарацина не отмѣнялся отъ физіогноміи восточныхъ народовъ, отъ которыхъ онъ происходилъ, и ни

мало не походилЪ на уродливыя изображенія *менгстрелей* тѢхЪ времянЪ, искажавшихЪ МузульманскихЪ ратоборцевЪ, ни на баснословныя лица, которые и теперь еще маляры продолжаютЪ малевать на вывѢскахЪ. ВсѢ черты его были нѢжны, малы, правильны, хоть и загорѢлые отЪ знойнаго солнца; черная, курчавая борода его была разчесана и разглажена. Глаза его, немного вдавшіяся, были быстры, блестящія и черныя; носЪ прямой и правильной, зубы неуступающіе бѢлизною слоновой кости. СловомЪ, наружность и стройность Сарацына, лежащаго на муравѢ подлѢ сильнаго его сопротивника, можно было сравнить сЪ свѢтлой его сѢкирой, выгнутой полукружіемЪ, сЪ легкимЪ, узкимЪ лезвеемЪ, отполированнымЪ и блѢстящимЪ, вЪ противуположность сЪ длиннымЪ, тяжелымЪ, стариннымЪ палашемЪ, брошеннымЪ близь него. ЭмирЪ былЪ во цвѢтѢ лѢтЪ, и могЪ бы почесться прекраснымЪ мущиной, еслибЪ лобЪ его былЪ немного пошире, а щеки и все лице полнѢе, потому что у ЕвропейцевЪ излиш-

няя сухощавость почитается недостаткомъ.

Обхожденіе восточнаго воина было исполнено важности, пріятности и приличія, означавшее однакожъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ принужденность, которую иногда налагаютъ на себя люди, одаренные запальчивымъ и властолюбивымъ нравомъ, умѣряя его по необходимости; въ то же время обнаруживалось въ немъ и чувство собственнаго достоинства, которое обязывало къ осмотрительности всякаго съ нимъ бывшаго.

Это надмѣнное чувство превосходства можетъ быть таилось въ душѣ и новаго Европейскаго его знакомца; но оно производило въ обоихъ товарищахъ совсѣмъ противныя дѣйствія. Оно придавая Христіанскому Рыцарю смѣлый, откровенный видъ, и даже безпечный, какъ человѣку слишкомъ увѣренному въ своемъ достоинствѣ, который не заботится о людскомъ мнѣніи, казалось предписывало Сарацину особеннаго рода учтивость, сообразную съ строгими правилами церемоніала. Они

оба были вѣжливы, но вѣжливость Христіянина повидимому происходила отъ знанія, чѣмъ обязаны мы другимъ, а Мусульманова отъ увѣренности, чего должны ожидать отъ него другіе.

Съѣстные припасы, взятые на дорогу обѣими путниками, были самые простые; а Сарациновы слишкомъ умѣренные. Горсть фигъ и кусокъ ячменнаго хлѣба достаточны были для удовлетворенія человѣка, привыкшаго къ пустынной жизни, хотя по завоеваніи Сиріи, простота Аравскихъ нравовъ часто уступала мѣсто самой неумѣренной роскоши. Нѣсколько глотковъ ключевой воды, близь которой они сидѣли, дополнили его обѣдъ.

Пища Христіанина, хоть и нелакомая, была гораздо сытнѣе. Свѣжепросольная вепчина, отвращеніе Музульманъ, составляла большую часть его кушанья; напитокъ его, питый имъ изъ кожаной фляжки, гораздо былъ вкуснѣе чистой воды. Въ ѣдѣ и питьѣ своемъ, онъ гораздо больше находилъ услажденія, нежели сколько по мнѣнію Музульманина

казалось приличнымъ полагать въ удовлетвореніи желудка. И конечно тайное презрѣніе, чувствуемое ими другъ къ другу, вдвое увеличилось различіемъ ихъ пищи и поступковъ. Но каждый изъ нихъ, испытавъ тяжесть руки своего сопротивника, и взаимное уваженіе, внушенное имъ противоборствомъ ихъ, достаточны были для заглушенія всякаго другаго чувства.

Однакожъ Сарацинъ не могъ удержатся, чтобъ не здѣлать своихъ замѣчаній на то, что не нравилось ему въ поступкахъ Христіанина; пробывъ нѣсколько времяни безмолвнымъ свидѣтелемъ его пресыщенія, онъ заговорилъ съ нимъ слѣдующими словами:

— Храбрый Назарянинъ, прилично ли тому, кто умѣетъ сражаться какъ человѣкъ, наѣдатся подобно жадному скоту или алчному волку? Даже нечестивый Жидъ возгнушался бы мяса, которое ты ѣшъ съ такимъ вкусомъ, какъ бы оно было плодъ райскаго древа.

— Отважный Сарацинъ, отвѣчалъ Христіанинъ, посмотрѣвъ на

него съ удивленіемъ, возбужденнымъ въ немъ такимъ неожиданнымъ упрекомъ: познай, что я пользуюсь преимуществами Христіанина, питаясь мясомъ, которое Жидъ воспрещаетъ себѣ, какъ оскверненное, или почитаетъ его не позволительнымъ, будучи подчиненъ древнему Моисееву закону. Знай, что мы послѣдуемъ другимъ важнѣйшимъ постановленіямъ, *слава Пресвятой Богородицѣ.*— И какъ бы для прерванія недоумѣнія своего сотоварища, онъ выпилъ еще нѣсколько глотковъ изъ кожаной своей фляжки, прочитавъ нѣсколько Латинскихъ молитвъ.

— И это въ числѣ же вашихъ, такъ называемыхъ преимуществъ, сказалъ Сарацинъ! Вы столько же невоздержны въ выборѣ вашей пищи, какъ лѣсные звѣри, и даже ставите себя ниже животныхъ, употребляя питье, которому и онѣ не захотѣли бы коснуться.

—Познай, безразсудный Сарацинъ, отвѣчалъ незапинаясь Рыцарь Барса, что ты богохульствуешъ противъ даровъ Божіихъ, какъ богохульствовалъ праотецъ твой Изма-

илъ. Виноградный сокъ обращается въ даръ тому, кто умѣренно употребляетъ его, какъ питье веселящее сердце человѣческое въ трудахъ его, облегчающее его въ болѣзняхъ, услаждающее въ горестяхъ. Кто употребляетъ его такимъ образомъ, тотъ можетъ воздать Богу хвалу за чашу вина, какъ и за насущный хлѣбъ, а кто упивается имъ безъ мѣры, тотъ равно глупъ въ пьянствѣ своемъ, какъ ты въ непомѣрномъ своемъ воздержаніи.

Быстрый взоръ Сарацина воспламенился при этой насмѣшкѣ, и онъ схватился было рукою за кинжалъ. Но минутная эта мысль промчалась, когда онъ вспомнилъ мужество своего сопротивника и желѣзныя его руки, сжавшія его такъ крѣпко, что слѣды ихъ чувствительны еще были на тѣлѣ его; и онъ ограничился словесною ссорою, какъ приличнѣйшею для той минуты.

— Слова твои, Назарянинъ, сказалъ онъ, могли бы возбудить гнѣвъ, естьлибъ невѣжество твое не возраждало соболѣзнованія. Слѣпѣйшій изъ всѣхъ слѣпцевъ, питающихся

милостынею при дверяхъ мечети, не ужъ ли ты не видѣшь, что преимущество, которымъ ты хвалишся, ограниченно въ томъ, что есть драгоцѣннаго для щастія человѣка и необходимѣйшаго для домашней жизни? Твой законъ, естьли ты соблюдаешъ его, не приковываетъ ли тебя къ одной женщинѣ, тогда какъ пророкъ позволилъ намъ выбирать разнообразныхъ красотъ, обѣщая, за предѣлами гроба, черноокихъ райскихъ Гурій.

— Клянусь боготворимымъ мною въ небесахъ, и чтимой мною на землѣ, вскричалъ Христіанинъ, что ты заблуждшійся и ослѣпленный Музульманинъ. Бриліантъ, который ты носишъ на рукѣ, не почитаешъ ли ты драгоцѣннымъ?

— Въ Бальзорѣ и Багдадѣ нѣтъ ему подобнаго. Но какая можетъ быть связь между этимъ вопросомъ и предметомъ нашего разговора?

— Самая ближайшая, какъ ты самъ послѣ въ томъ признаешся. Возьми мою палицу, и раздроби этотъ бриліантъ на двадцать кусковъ. Каждый изъ этихъ отломковъ будетъ

ли для тебя драгоцѣннѣе цѣлаго камня, и всѣ частицы вмѣстѣ не будутъ ли стоить въ десятеро меньше?

— И робенокъ можетъ разрѣшить этотъ вопросъ. Цѣна обломковъ такого бриліанта и въ сотую долю не будетъ стоить противъ цѣлаго камня.

— И такъ, Сарацинъ, любовь, которую питаетъ истинный Рыцарь къ одной женщинѣ, прекрасной и вѣрной, есть цѣльный бриліантъ; а склонность, расточаемая тобою невольницамъ, твоимъ женамъ, или лучше сказать, невольницамъ полуженамъ, столько же малоцѣнна въ сравненіи, какъ и обломки этаго камня.

—Клянусь Святымъ Каабомъ! ты сущій безумецъ, прилѣпленный къ желѣзнымъ твоимъ оковамъ, какъ бы они были золотыя. Этотъ перстень лишился бы въ половину красоты своей, естьлибъ драгоцѣнный камень не былъ осыпанъ мѣлкими бриліантами, придающими ему цѣну. Средній этотъ камень есть мущина, твердый, неизмѣнный, котораго

достоинство не зависимо и заключается въ немъ самомъ; а мѣлкіе бриліанты, которыми онъ осыпанъ, есть женщины, заимствующія отъ него блескъ свой, отражаемый имъ по произволу его, или приличію. Вотъ настоящее истолкованіе твоей притчи; да и что повѣствуетъ стихотворецъ Мансуръ? „Любовь мущины даруетъ женщинѣ красоту и любезность; она подобно ключевой водѣ перестаетъ блистать, когда солнечные лучи не ударяютъ въ нее.„

—Сарацинъ, ты говоришъ какъ человѣкъ, никогда невидавшій женщины достойной любви воина. Повѣрь мнѣ, еслибъ ты могъ видѣть Европейскихъ женщинъ, которымъ мы, посвященные въ Рыцари, даемъ клятвы вѣрности и преданности, то почувствовалъ бы навсегда отвращеніе къ жалкимъ невольницамъ, насѣляющимъ твой Гаремъ. Прелести нашихъ красавицъ дѣлаютъ копья наши острѣйшими, мечи наши твердѣйшими; слова ихъ намъ законъ; скорѣе прольется свѣтъ отъ незажженной лампады, нежели возможетъ

прославиться воинскими подвигами Рыцарь, если онъ не избралъ себѣ владычицу души.

—Я слыхалъ объ этомъ изступленіи между западными воинами, и всегда щиталъ его припадкомъ безумства. Однакожъ я слыхалъ отъ Франковъ, съ которыми мнѣ случалось бывать, столько похвалъ на щетъ красоты ихъ женщинъ, что во мнѣ возбуждается желаніе, видѣть собственными глазами прелести, могущія стольких храбрыхъ воиновъ подчинить своему владычеству.

—Храбрый Сарацинъ, еслибъ я не отправлялся на поклоненіе гробу Господню, то за славу бы себѣ почелъ проводить тебя въ совершенной безопасности въ станъ Ришарда Англійскаго, который лучше всѣхъ умѣетъ воздать должное уваженіе достойному непріятелю. Хоть я и бѣденъ, безъ всякой свиты, но пользуюсь его милостью, и могу обнадежить тебя и всякаго другаго подобнаго тебѣ достойнаго человѣка, какимъ ты мнѣ кажешся, не только въ безопасности, но въ уваженіи и

почтенiи. Ты увидѣлъ бы тамъ многихъ знаменитѣйшихъ красавицъ Францiи и Англiи, составляющихъ блестящiй кругъ, котораго сiянiе въ десять тысячь разъ превышаетъ всѣ груды брилiантовъ, подобныхъ твоему.

—Клянусь краеугольнымъ камнемъ Каабы, вскричалъ Сарацинъ, я охотно приму предложенiе твое, если ты захочешъ отсрочить твое богомолье; и повѣрь мнѣ, храбрый Назарянинъ, ты гораздо лучше сдѣлаешъ, поворотя въ обратный путь, въ станъ соотечественниковъ твоихъ, потому, что ѣхавъ въ Iерусалимъ безъ паспорта, ты обрекаешь себя на вольную и неминуемую смерть.

—Онъ со мной, отвѣчалъ Рыцарь, показывая ему пергаментъ; онъ подписанъ Саладиномъ и скрѣпленъ государственной его печатью.

Сарацинъ палъ ницъ, узнавъ подпись и печать славнаго Египетскаго и Сирiйскаго Султана; поцѣловавъ съ глубочайшимъ почтенiемъ пергаментъ, приложилъ его ко лбу, и отдалъ Христiянину, сказавъ:—

Дерзновенный Франкъ, ты согрѣшилъ передъ собой и мной, не показавъ мнѣ твоего паспорта при нашей встрѣчѣ.

—Ты подскакалъ ко мнѣ вооруженный дротикомъ своимъ, отвѣчалъ Рыцарь; еслибъ напала на меня толпа Сарацинъ, то честь обязывала бы меня показать имъ приказъ Султана; но она запрещала мнѣ показывать паспортъ одному человѣку.

—И однакожъ, возразилъ Сарацинъ, одинъ человѣкъ могъ преградить твой путь.

—Конечно, отважный Музульманинъ; но такіе люди, какъ ты, бываютъ рѣдки. Такіе соколы не летаютъ стадами, или при случаѣ не нападаютъ на одну птицу стаями.

—Ты отдаешъ намъ должную справедливость, отвѣчалъ Сарацинъ, примѣтно довольный лестнымъ этимъ отзывомъ, какъ сначала онъ былъ оскорбленъ самонадѣянностію Рыцаря. Мы не захотѣли бы воспользоваться превосходствомъ силъ; но щастливъ ты, что мнѣ не удалось лишить тебя жизни,

чѣмъ и не нарушилъ я предписанія Царя Царей. Иначе, сѣкира, или удавка были бы достойнымъ наказаніемъ такого преступленія.

—Я очень радъ узнавъ, что вліяніе эшаго предписанія можетъ послужишь къ моей безопасности; говорятъ, будто по дорогѣ шатаются шайки разбойниковъ, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, когда имъ встрѣтится случай къ грабежу.

—Слухъ этотъ справедливъ, храбрый Христіянинъ; но клянусь тебѣ чалмою пророка, если тебѣ случится быть жертвою этихъ разбойниковъ, то я самъ берусь отмстить имъ за тебя съ пятью стами всадниковъ; я истреблю весь ихъ мужеской родъ, а женъ ихъ зашлю такъ далеко въ плѣнъ, что на сто тысячь миль отъ Дамаска не услышатъ объ имяни ихъ поколѣнія; я предамъ огню ихъ жилища, засѣю солію основаніе ихъ домовъ, и ни одна душа человѣческая не возможетъ впредь поселиться тамъ.

—Для меня гораздо бы лучше было, благородный Эмиръ, чтобы всѣ

труды, которые намѣренъ ты предпринять для моего отмщенія, остались не нужными; но, что бы со мной ни случилось, обѣтъ мой внѣсенъ въ книгу судебъ, и ты обяжешъ меня, указавъ мнѣ путь, по которому я долженъ ѣхать для достиженія предполагаемаго мною ночлега.

—Ты ночуешъ подъ чернымъ шатромъ моего отца.

—Я долженъ провесть нынѣшнюю ночь въ молитвѣ, съ однимъ святымъ мужемъ, по имени Феодорикомъ Энгадди, который живетъ въ этой степи и посвящаетъ дни свои служенію Богу.

—Такъ я провожу тебя къ нему въ безопасности.

—Сотоварищество твое, храбрый Рыцарь, было бы мнѣ очень пріятно, но оно можетъ подвергнуть опасности будущую участь честнаго отца, потому что свирѣпыя руки вашего народа не разъ обагрялись кровію служителей церкви; и для того-то мы прибыли сюда, вооруженные шлемомъ и латами, съ мѣчами и копьями, чтобы очистить

путь къ гробу Господню, и защитить отшельниковъ, поселившихся въ землѣ обѣтованія и чудесъ.

—Греки и Сиріяне жестоко оклеветали насъ въ этомъ отношеніи, Назарянинъ, потому, что мы поступаемъ по велѣніямъ Абубекера Алвакеля, преемника Пророка и перваго по немъ предводителя правовѣрныхъ.— «Ступай, сказалъ онъ Іезеду Бенъ Софіану, отправляя знаменитаго этаго полководца на отнятіе Сиріи изъ рукъ невѣрныхъ; поступай въ подвигѣ своемъ какъ воинъ, щади жизнь старцевъ, немощныхъ, женъ и дѣтей. Не опустошай земель, не истребляй ни жатвы, ни плодовитыхъ деревьевъ, ибо Алла даровалъ ихъ для блага людей. Храни ненарушимо данное тобою слово, хотя бы то служило тебѣ во вредъ. Встрѣтишь ли ты благочестиваго мужа, трудящагося и служащаго Богу въ мирной пустынѣ, не причиняй ему никакого зла и не разрушай его обители. Но если пустынникъ, найденный тобою, съ обритой головой, то онъ не есть поклонникъ Божій, а слуга

сатаны и жидовинЪ, тогда поражай, истребляй его, покуда онЪ не сдѣлается данникомЪ или МузульманиномЪ.« ВотЪ изрѣченія Калифа, сподвижника Пророка; мы повиновались его волѣ и поражаемЪ только служителей сатаны. ЧтожЪ касается до святыхЪ мужей, которые не возмущаютЪ народнаго спокойствія, смиренно провождаютЪ дни вЪ служеніи истинному Богу, вѣруя вЪ Іисуса, Сына Маріи, то мы служимЪ имЪ щитомЪ и оградою; и таковЪ точно тотЪ, котораго ты ищешЪ; хотя онЪ не озаренЪ свѣтомЪ истинны, но во мнѣ всегда найдетЪ любовь, уваженіе и покровительство.

—Я слышалЪ, что пустынникЪ, кЪ которому я ѣду, не священникЪ; но еслибЪ онЪ принадлежалЪ кЪ священному этому сану, то я доказалЪ бы мечемЪ своимЪ всякому язычнику и Музульманину.....

—На что намЪ раздражать другЪ друга, братЪ, сказалЪ СарацинЪ, перервавЪ его; довольно МузульманЪ и ФранковЪ осталось для извѣданія нашихЪ мечей и копій. ЭтотЪ Фе-

одорикъ равно покровительствуемъ Турками и Аравами; и хотя онъ по временамъ бываетъ довольно странень, но вообще поступки его такъ хороши и благоразумны, что онъ слѣдуя правиламъ своей секты, равно заслуживаетъ покровительство посланнаго съ небесъ.

—Клянусь Божіею Матерію, Сарацинъ, вскричалъ Христіянской Рыцарь, если ты впередъ осмѣлишся смѣшивать имя Мекскаго пастуха верблюдовъ съ имянемъ...

Сильное движеніе гнѣва потрясло всѣ члены Эмира, но оно продолжилось лишь мгновеніе, и спокойствіе, съ какимъ онъ отвѣчалъ перервавъ Рыцаря, служило доказательствомъ его благоразумія и важности.

—Не злословь того, о комъ ты не имѣетъ понятія, тѣмъ больше, что мы уважаемъ основателя твоей вѣры, хотя и охуждаемъ толкованія извлеченныя вашими попами изъ его нравственности. Я самъ провожу тебя въ пещеру пустынника, потому что безъ моей помощи ты не скоро отыщешь ее. И дорогою, предоставивъ мулламъ и монахамъ спо-

ры о святости различныхъ нашихъ въръ, будемъ говорить лучше о предметахъ приличнъйшихъ молодымъ воинамъ, о битвахъ, прекрасныхъ женщинахъ, острыхъ мечахъ и блестящихъ латахъ.

КНИГА III.

„Увидъвши его, содрогнулся онъ отъ ужаса,
Не зная самъ, что дълать и начать ему,
Какъ заключить о видънномъ;
Не въдая, не мечта ли ему кажется
Во лживомъ снъ, обманчивомъ,
Не тънь ли предстоитъ, иль привидъніе, злой духъ.“

Спенсеръ.

Оба воина встали съ мъстъ своихъ, гдъ нъсколько минутъ предавались они отдохновенію, и слегка позавтракали. Они услужливо помогали другъ другу осъдлывать лошадей своихъ, освобожденныхъ на короткое время отъ тяжкой збруи. Оба они казались совершенно знающими въ этомъ дълъ, которое въ

тѣ времена составляло необходимую потребность для каждаго Рыцаря и наѣздника. Лошади ихъ, по видимому, столько были привязаны къ нимъ и любили ихъ, сколько можно предполагать чувства въ животномъ, раздѣляя неизмѣнно всѣ труды и опасности всадниковъ своихъ. Что касается до Сарацина, то привязанность его къ лошади происходила отъ привычки съ юныхъ лѣтъ; подъ шатрами воинственныхъ восточныхъ поколѣній, воинъ любитъ своего коня, почти наровнѣ съ своею женою и дѣтьми. Что же принадлежитъ до Европейскаго Рыцаря, то обстоятельства и необходимость заставляютъ его дорожить своею походною лошадью, какъ сотоварищемъ.

И такъ оба коня спокойно дались взнуздать себя, и переставъ щипать траву, ржали ласкаясь къ своимъ всадникамъ, тѣмъ времянемъ какъ они осѣдлывали ихъ, снаряжаясь въ путь, предпринимая новые труды. Каждый изъ обѣихъ воиновъ отправляя свое дѣло, или вѣжливо помогая своему товарищу, смотрѣлъ

со вниманіемъ и любопытствомъ на весь воинскій снарядъ и конскую збрую, замѣчая въ особенности тѣ вещи, которыхъ употребленіе было ему неизвѣстно.

Христіанской Рыцарь, прежде нежели сѣлъ на лошадь, напился изъ источника, и снова вымылъ руки свои свѣжею ключевою водою.

—Желалъ бы я знать, сказалъ онъ тогда своему товарищу, названіе этаго чистаго источника, чтобы въ благодарность сохранить его въ памяти; никогда еще съ такимъ услажденіемъ не утолялъ я пожирающей меня жажды, какъ теперь.

—Названіе его означаетъ на Арабскомъ языкѣ, отвѣчалъ Сарацинъ, сокровище дикой степи, или пустынный алмазъ.

— И онъ заслуживаетъ свое наимянованіе: есть тысяча источниковъ по долинамъ моей родины, но ни одинъ изъ нихъ не будетъ мнѣ такъ драгоцѣненъ, какъ уединенный этотъ потокъ, струящій влажные свои дары въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они не только пріятны, но даже и необходимы.

— Это правда, потому что проклятіе существуетъ еще на этомъ Мертвомъ морѣ, и ни люди, ни скоты не пьютъ воды его; даже и воды Іордана, который напояетъ его не наполняя, не прежде становятся вкусными и годными для питья, какъ по выходѣ своемъ изъ негостепріимной этой пустыни.

Они сѣли на коней своихъ и продолжали путь свой по песчаной долинѣ. Полуденный жаръ прошелъ, и легкой вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ палящей степи, хотя и вздымалъ густую пыль столбомъ, сносную для привыкшаго Сарацина, но такъ утомительную для тяжело вооруженнаго Рыцаря, что онъ снявъ стальной свой шишакъ, повѣсилъ его на лукѣ сѣдла, и надѣлъ на голову легкую дорожную шапку (*), которыя назывались въ тогдашнее время *Мортіерами*, по сходству своему съ обыкновенною иготью.

Нѣсколько времяни ѣхали они молча; Сарацинъ, отправляя должность проводника, осматривалъ положеніе

(*) Круглая шапка изъ чернаго бархата.

и высоты отдаленныхъ утесовъ, составлявшихъ цѣпь, къ которымъ они мало по малу приближались. Наблюденія его сначала казалось углубили все его вниманіе, и онъ подобился кормщику, правящему судно въ заливъ морской, гдѣ плаваніе было трудно: но едва проѣхали они полмили, какъ онъ увѣрился въ безошибочномъ своемъ пути, и готовъ былъ войти въ разговоръ съ откровенностью, мало свойственною Музульманамъ.

— Ты спрашивалъ, сказалъ онъ, названіе источника, который при всей своей вещественности походитъ на одушевленное существо. Надѣюсь, ты извинишъ меня, естли я спрошу тебя объ имяни сотоварища опасностей и отдыха, встрѣченнаго нынче мной, и котораго не могу щитать не извѣстнымъ даже и посреди дикихъ степей Палестины.

— Имя мое еще не прославлено, отвѣчалъ Христіанинъ. Однакожъ, я скажу тебѣ, что меня зовутъ Кенетомъ, а между крестоносныхъ воиновъ, Рыцаремъ Спящаго Барса.

Прочіе титла мои хоть и значительны, но звуки ихъ покажутся слишкомъ грубы для восточнаго слуха. Теперь, храбрый Сарацинъ, позволь и мнѣ узнать, изъ какого поколѣнія Аравовъ происходишъ ты, и подъ какимъ названіемъ извѣстенъ ты въ своемъ отечествѣ.

—Я очень радъ, Сиръ Кенетъ, что могу выговаривать твое имя. Что касается до меня, то я не Аравъ, и происхожу отъ рода не меньше воинственнаго и странствующаго. Знай, Сиръ Рыцарь Барса, что я называюсь Шееркофъ, горный Левъ, и что Курдистанъ, мое отечество, неможетъ похвалиться благороднѣйшимъ поколѣніемъ противъ Селжуковъ.

— Я слыхалъ, что великій вашъ Султанъ отъ того же поколѣнія ведетъ родъ свой.

—Хвала Пророку, возвеличившему до такой степени наши горы, извѣдя изъ нѣдръ ихъ достославнаго Повелителя. Я, ничтожный червь предъ Царемъ Египта и Сиріи, однакожъ имя мое значительно въ моей землѣ. Благородный чужестранецъ, съ

какимъ числомъ воиновъ ты пришелъ ратоборствовать?

— По чести, съ помощію друзей моихъ и родственниковъ, не безъ труда я могъ набрать десять копьеносцевъ и пятьдесятъ ратниковъ, включая въ то число стрѣлковъ и слугъ моихъ. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали и покинули нещастное мое знамя, другіе пали на полѣ битвы, иные умерли отъ болѣзней; даже вѣрный щитоносецъ мой отчаянно болѣнъ; для испрошенія ему исцѣленія предпринялъ я свое богомолье.

— Христіанинъ, у меня пять стрѣлъ въ этомъ колчанѣ, и всѣ они украшены перьями орлинаго крыла. Когда я пущу одну стрѣлу въ шатры свои, то тысяча всадниковъ садится на коней; когда пускаю другую, то равная сила готовится къ моимъ повелѣніямъ. По знаку пяти стрѣлъ собирается пять тысячь человѣкъ; а естли я вскину лукъ свой, то десять тысячь всадниковъ подымутъ пыль всей степи. А ты съ пятьюдесятью ратниками пришелъ завоевывать землю, гдѣ я изъ числа послѣднихъ сыновъ ея!

—Клянусь крестнымъ знаменіемъ, Сарацинъ, не допущу тебя такъ хвастаться, не сказавъ, что стальнымъ нарукавникомъ однимъ махомъ я могу раздробить горсть шмелей.

—Статься можетъ, только трудно имъ попасть тебѣ подъ руку, сказалъ Сарацинъ съ улыбкою, которая могла бы перервать недавнее ихъ перемиріе, естьлибъ онъ не перемѣнилъ разговора, прибавивъ: Не ужъ ли храбрость такъ много уважаетсяХристіанскими владѣтелями, что ты, не имѣя ни денегъ, ни солдатъ, могъ предлагать мнѣ, какъ говорилъ ты, свое покровительство, въ станѣ твоихъ братій, и защиту отъ всѣхъ опасностей?

— Когда ты такъ говоришъ, Сарацинъ, то знай, что наимянованіе Рыцаря и благородство рода ставятъ его на ряду съ владѣтелями, даже самыми могущественными, во всемъ, что не касается только до Королевскихъ правъ и верховной власти. Естьлибъ самъ Ришардъ Англійской оскорбилъ честь Рыцаря, такого бѣднаго, какъ я, то онъ не

могъ бы, по законамъ Рыцарскимъ, отказать ему въ удовлетвореніи.

— Признаюсь, я желалъ бы быть свидѣтелемъ такого страннаго зрѣлища, въ которомъ бы портупея и шпоры, поставляли бѣдняка наровнѣ съ могущественнымъ Государемъ.

— Прибавь къ тому благороднаго и мужественнаго бѣдняка, и тогда ожиданіе твое могло бы исполниться.

— Такъ ли смѣло поступаете вы въ отношеніи къ женамъ вашихъ владѣтелей и знатныхъ?

— Самому бѣднѣйшему Христіанскому Рыцарю не возбраняется посвящать сердце и мечь свой, славу своихъ подвиговъ, быть преданну всею душею прекраснѣйшей изъ Принцессъ и Королевъ.

— Давича ты изображалъ мнѣ любовь превосходнѣйшимъ сокровищемъ сердца; твое вѣрно мѣтитъ высоко, и посвящено благороднѣйшей, знатнѣйшей.

— Чужестранецъ, отвѣчалъ Христіанинъ, и лице его вспыхнуло, мы не разсказываемъ сердечныхъ нашихъ тайнъ. Довольно для тебя знать, что мое, какъ сказалъ ты,

мѣшитъ высоко, и посвящено благороднѣйшей, знатнѣйшей, о! преблагороднѣйшей и презнатнѣйшей. Но естьли тебѣ хочется послушать про любовь нашу и посмотрѣть, какъ мы за нее переламываемъ копья въ ристалищахъ, то поѣзжай въ станъ крестоносцевъ, и ты наслушаешься, насмотришся; и можешъ даже самъ испытать силы свои, естьли тебѣ вздумается.

Восточный воинъ привставъ на стремяна и потрясая своимъ дротикомъ, отвѣчалъ горделиво: Сомнѣваюсь, чтобы кто изъ вашихъ крестоносцевъ захотѣлъ вступить со мною въ бой и попробовать моего дротика.

— За это не ручаюсь, сказалъ Рыцарь, однакожъ у насъ въ станѣ есть Гишпанцы, которымъ довольно извѣстны ваши восточныя потѣхи и дротики.

— Собаки! собачьи дѣти! вскричалъ Сарацинъ. Къ чему вмѣшиваются эти Гишпанцы не въ свое дѣло; имъ ли сражаться съ правовѣрными, когда они не умѣли защитить своего отечества и поработились

намъ съ страной своей? Не съ ними хотѣлъ бы я позабавиться ристалищемъ и воинскими потѣхами.

—Хорошо, что не слышатъ тебя Леонскіе и Астурійскіе Рыцари, сказалъ Кенетъ, но естьли вмѣсто тростинки, прибавилъ онъ съ улыбкою, вспоминая утреннее ихъ сраженіе, ты вооружился бы палицею, то нашлись бы охотники изъ западныхъ воиновъ измѣрить съ тобой силы свои.

—Клянусь бородою моего отца, Христіанинъ, отвѣчалъ Сарацинъ съ полуусмѣшкой, палицы слишкомъ тяжелое орудіе для воинскихъ потѣхъ. Я никогда не уклонюсь отъ нихъ въ сраженіи, но голова моя, прибавилъ онъ, поводя рукою по лбу, проситъ пощадить ее въ играхъ.

—Желалъ бы я, чтобъ ты видѣлъ палицу Короля Ришарда. Вотъ эта, привѣшенная къ лукѣ сѣдла, въ сравненіе съ тою, перышко.

—Мы часто слышимъ объ этомъ Государѣ. Изъ числа ли ты его подданныхъ?

—Я въ числѣ его воиновъ, въ теперешнемъ походѣ, и славлюсь тѣмъ.

Но я не природный его подданный, хоть и родился на островѣ, гдѣ онъ царствуетъ.

—Что ты говоришъ? Не ужъ ли на вашемъ бѣдномъ островѣ два Короля?

—Да, отвѣчалъ Шотландецъ, потому что Шотландія была отечество Сиръ Кеннета; у насъ два Короля. И хотя жители двухъ концевъ острова часто воюютъ между собой, но страна наша, какъ ты видишъ, выставила достаточное число воиновъ для потрясенія беззаконной власти твоего Султана надъ Сіономъ.

—Назарянинъ, клянусь бородою Саладина, еслибъ не безразсудная молодость завлекла его, то я отъ чистаго сердца смѣялся бы надъ простотою твоего великаго Властителя, который пришелъ сюда завоевывать степи и ущелья, и оспоривать ихъ у тѣхъ, которые имѣютъ въ распоряженіи своемъ въ десятеро больше рукъ, оставляя частицу малаго своего острова, гдѣ онъ родился, подъ скиптромъ другаго. Вѣрно, Сиръ Кеннетъ, тебя и

прочихъ Рыцарей твоей земли Король Ришардъ прежде покорилъ, а потомъ заставилъ оставить страну, противоборствующую между собой, чтобы итти съ собой въ походъ?

—Нѣтъ, клянуся блистательнымъ свѣтиломъ небесъ, вскричалъ Кеннетъ съ гордостью и живостью. Еслибъ Король Ришардъ отправился въ Крестовой походъ по завоеваніи Шотландіи, то ни я, и ни одинъ порядочный Шотландецъ никогда бы не подумалъ стараться ниспровергнуть полумѣсяца съ стѣнъ Сіона.

Едва произнесъ онъ это слово, какъ вошедъ въ себя, сказалъ въ полголоса: *Mea culpa!* Какое право я, воинъ креста, имѣю вмѣшиваться въ распри Христіянскихъ народовъ!

Порывы невольнаго движенія, и послѣдующее размышленіе, въ заглажденіе проступка, не скрылись отъ Музульманина; и если онъ не совсѣмъ явственно понялъ сказанное Рыцаремъ Барса, то слышаннаго имъ достаточно было къ увѣренію его, что между Христіянъ, какъ и у

Магометанъ, существовали личныя непріязни и народныя вражды, которыхъ трудно потушить. Но Сарацины довольно были просвѣщены, не смотря на грубый законъ свой, и въ особенности вѣжливы, осторожны; это-то самое и заставило Эмира притвориться, будто онъ не замѣтилъ противорѣчія въ чувствахъ Сиръ Кеннета какъ Шотландца и какъ крестоносца.

Между тѣмъ, какъ они подвигались впередъ, окрестности измѣняли видъ свой. Они ѣхали на востокъ, и достигли неприступныхъ утесовъ, голыхъ скалъ, окружающихъ по эту сторону обнаженную степь, разнообразя поверхность земли. Остроконечныя кремнистыя верхушки возвышались вокругъ нихъ, и вскорѣ ужасныя горы, крутые спуски, узкія ущелья приводили въ затрудненіе путниковъ, ежеминутно подвергая ихъ новаго рода опасностямъ. Мрачныя пещеры, вертепы, разщелины въ утесахъ, о которыхъ нѣсколько разъ упоминается въ Священномъ Писаніи, казалось разверзали пропасти по

обѣимъ сторонамъ ихъ дороги; и Эмиръ предувѣдомилъ Шотландскаго Рыцаря, что они часто служили берлогами хищныхъ звѣрей, или лютѣйшихъ ихъ людей, которые будучи доведены до отчаянія послѣдствіями безпрерывныхъ войнъ, гоненіями Крестоносныхъ и Музульманскихъ воиновъ, сдѣлались разбойниками, предаваясь грабительствамъ, не щадя ни единовѣрцевъ, ни званія, ни пола, ни возраста.

Шотландской Рыцарь хладнокровно слушалъ разсказы объ опустошеніяхъ, причиненныхъ хищными звѣрьми и неистовыми людьми, съ довѣренностію полагаясь на свою храбрость и силы. Но священный ужасъ объялъ его, при видѣ достопамятной пустыни, гдѣ Спаситель міра постился сорокъ дней, и гдѣ нечистому духу попущено было подвергнуть искушеніямъ Сына Божія. Онъ мало по малу отклонилъ вниманіе свое отъ пустаго, свѣтскаго разговора Музульманскаго воина, ѣхавшаго съ нимъ рядомъ, и какъ ни пріятно было бы ему во всякомъ другомъ мѣстѣ общество такого ве-

селаго и храбраго товарища, однакожъ Сиръ Кеннетъ чувствовалъ, что въ этой пустынѣ, жилищѣ опустошенія и безплодія, гдѣ злые духи привыкли гнѣздиться, бывъ выгнаны изъ тѣлъ смертныхъ, которыми они овладѣвали, единовѣрецъ гораздо лучшимъ былъ бы ему спутникомъ, нежели басурманъ.

Такіе размышленія приводили его въ смущеніе, тѣмъ больше, что веселость Сарацина казалось умножалась, чѣмъ дальше они ѣхали. Чѣмъ больше углублялись они въ мрачныхъ уединенныхъ горахъ, тѣмъ шутливѣе становился легкой разговоръ его; видя, что Рыцарь не отвѣчаетъ на слова его, онъ запѣлъ пѣсню. Сиръ Кеннетъ довольно понималъ восточные языки, чтобы увѣриться, что онъ поетъ любовныя пѣсни, сплетенныя изъ похвалъ красотѣ, которую восточные стихотворцы съ такимъ восторгомъ прославляютъ, и ни мало не сообразовались съ глубокими, благочестивыми размышленіями, поселяемыми *пустынею искушенія*. Съ примѣтною вѣтренностью Сарацинъ запѣлъ потомъ

куплеты, въ похвалу вину, драгоценному Нектару Персидскихъ стихотворцевъ, и веселость его до такой степени разнилась съ глубокими мыслями Христіянскаго Рыцаря, что безъ взаимнаго обѣщанія дружбы, даннаго ими другъ другу, Сиръ Кеннетъ безъ сомнѣнія взялъ бы мѣры свои, и заставилъ бы товарища своего замолчать. Какъ бы то ни было, но ему казалось, что подлѣ него вертится лукавый, нечистый духъ, который уловляетъ душу его, преграждаетъ ему путь ко спасенію, соблазняетъ его, внушая ему помыслы о плотскихъ утѣхахъ, тогда какъ онъ бы долженъ былъ, какъ Христіянинъ и богомолецъ, заниматься молитвою и покаяніемъ. И такъ онъ былъ въ величайшемъ затрудненіи, не зная самъ, что ему дѣлать. Наконецъ, нарушивъ молчаніе, съ живостію и негодованіемъ онъ перервалъ пѣснь Сарацина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ славный Радеки предпочитаетъ *прелести*, украшающія грудь его возлюбленной, всѣмъ сокровищамъ Бокары и Самарканды.

— Сарацинъ, сказалъ онъ съ важнымъ видомъ, ты хотя и слѣпецъ, погруженный въ нелѣпости ложной твоей вѣры, однакожъ долженъ понимать, что есть мѣста однѣ святѣе другихъ, есть и такія, гдѣ нечистый духъ дѣйствуетъ гораздо сильнѣе надъ слабыми смертными. Я не стану тебѣ разсказывать, по какой превосходной причинѣ это мѣсто, эти ущелья, мрачные вертепы, которыхъ темные своды кажется ведутъ изъ пропасти въ пропасть, слывутъ гнѣздилищемъ сатаны и его агеловъ: довольно, что святые мужи и мудрѣйшіе люди, знающіе опасности проклятаго этаго мѣста, изъдавна пріучили меня беречься его. И такъ, Сарацинъ, прекрати излишнюю и неумѣстную твою веселость, устреми помыслы свои къ важнѣйшимъ предметамъ, приличнѣйшимъ къ здѣшнему мѣсту, хотя къ нещастію твоему, лучшія твои молитвы ни что иное, какъ хула и грѣхъ.

Сарацинъ выслушалъ его съ нѣкоторымъ удивленіемъ, и весело от-

вѣчалъ ему, воздерживаясь изъ вѣжливости отъ смѣха:

— Мой добрый Сиръ Кенетъ, мнѣ кажется ты несправедливо поступаешъ съ своимъ товарищемъ; или вы Западные народы привыкли обходиться со всѣми слишкомъ запросто. Я не оскорбился, когда ты пилъ вино, и наѣдался свиняшины; я предоставилъ тебѣ свободу пресыщаться, по правамъ Христіанина, какъ говорилъ ты, и только внутренно соболѣзновалъ о тебѣ, видя оскверненный вкусъ твой: за чѣмъ же соблазняешься ты, когда я сколько умѣя стараюсь развеселять путь нашъ шутливыми пѣснями? Что говоритъ Стихотворецъ?— Пѣніе какъ небесная роса падаетъ въ недра пустыни; она прохлаждаетъ путь странника.

— Другъ Сарацинъ, отвѣчалъ Христіанинъ, я не осуждаю тебя, что ты любишъ пѣсни и поэзію, потому что мы сами посвящаемъ имъ время, которое должны бы употреблять на полезнѣйшія размышленія; но гораздо лучше творить молитву и пѣть псалмы, нежели воспѣвать вино и

любовь, проѣзжая эту мрачную долину смерти, гнѣздилище злыхъ духовъ, которые бывъ изгнаны изъ жилища смертныхъ молитвами святыхъ отцевъ, скитаются блуждая въ мѣстахъ равно проклятыхъ, какъ и они сами.

— Не говори такъ о духахъ, Христіанинъ, знай, что ты разговариваешъ съ человѣкомъ, котораго родъ и все племя происходитъ отъ безсмертнаго поколѣнія духовъ, которыхъ ты такъ страшишься и хулишь.

— Я всегда полагалъ, что погрязшій въ слѣпотѣ вашъ народъ происходитъ отъ духа тьмы, безъ помощи котораго вы никогда бы не могли удержаться въ блаженной странѣ Палестины, противъ такого многочисленнаго воинства храбрыхъ поборниковъ Христа. Это не относится лично къ тебѣ, Сарацинъ, но вообще ко всему твоему народу и поклонникамъ Магомета; однакожъ, мнѣ странно кажется не то, что ты происходишъ отъ нечистаго духа, но что ты этимъ хвалишься.

— Что же можетъ быть славнѣе для храбраго, какъ происходить отъ храбрѣйшаго? Горделивѣйшія души за славу почтутъ себѣ весть родъ свой отъ духа тьмы, который лучше предпочелъ низвергнуться, нежели преклонить колѣна по неволѣ. Чужеземецъ, можно ненавидѣть Эблеса, но должно трепетать и страшиться его; и потомки Эблеса въ Курдистанѣ сходствуютъ съ своимъ предкомъ.

Волшебныя сказки и чернокнижничество были наукою тогдашнихъ времянъ; и Сиръ Кеннетъ безъ малѣйшаго удивленія слушалъ о происхожденіи своего товарища отъ нечистаго духа, вѣря тому. Но не безъ внутренняго содроганія видѣлъ онъ себя въ ужасномъ этомъ мѣстѣ съ человѣкомъ, объявившемъ себя потомкомъ сатаны. Однакожъ, хотя онъ былъ и не робокъ, но перекрестился и смѣло спросилъ Музульманина изъяснить ему родословную свою, которою онъ такъ превозносился. Эмиръ согласился тотчасъ удовлетворить его любопытство.

—« Познай, храбрый чужестранецъ, сказалъ онъ, что когда злой Зохотъ, одинъ изъ потомковъ Гіамшика, обладалъ Персидскимъ трономъ, то онъ заключилъ союзъ съ Царемъ тьмы, подъ сокровенными сводами Истагара, воздвигнутыми руками воздушныхъ духовъ въ скалѣ, гораздо задолго до Адамова происхожденія въ свѣтъ. Тамъ питалъ онъ вседневными приношеніями человѣческой крови двухъ лютыхъ змѣй, и по преданію стихотворцевъ, онѣ отъ части составляли бытіе его. Для доставленія имъ пищи онъ каждый день налагалъ дань человѣческихъ жертвъ. Но наконецъ терпѣніе его подданныхъ истощилось, и нѣкоторые изъ нихъ возстали противъ него, какъ-то храбрый ковачь и побѣдоносный Феридамъ; онъ свергнулъ мучителя съ престола, заключилъ его на вѣкъ въ ужасные вертепы Дамавандской горы.

« Но прежде, нежели Персія была такимъ образомъ освобождена, и когда власть кровожаднаго этаго чудовища еще существовала во всей силѣ своей, то лютые тѣлохранители,

которымъ поручалъ онъ отъискивать жертвы для вседневныхъ приношеній, привели подъ своды дворца Истагара семь прекраснѣйшихъ сестеръ, подобныхъ Гуріямъ. Онѣ были дочери одного мудреца, у котораго не было другихъ сокровищъ, кромѣ прелестныхъ этихъ созданій и его мудрости. Но не смотря на мудрость свою, онъ не проникнулъ постигшаго его бѣдствія, и красота его дочерей не могла отвратить злополучія. Старшей изъ дочерей его было девятнадцать лѣтъ, а младшей только минулъ тринадцатый годъ. Онѣ такъ были похожи лицемъ между собой, что ихъ не иначе можно было различить, какъ по росту, которымъ постепенно отличались онѣ, какъ ступени лѣстницы ведущей въ рай. Когда привели ихъ подъ мрачные эти своды, въ легкомъ одѣяньи бѣлой шелковой Симары, то обворожительными ихъ чертами плѣнились сердца несмертныхъ. Ударилъ громъ, потряслась земля и стѣна свода треснула, пропустивъ существо одѣтое стрѣлкомъ, съ лукомъ и стрѣлами, сопровождаемаго

шестью братьями. Они были высокаго роста, и хотя очень смуглы лицемъ, но пріятнаго вида; только глаза ихъ не блистали живостью изъ-подъ рѣсницъ, какъ у живыхъ людей, а были тусклы, смутны, какъ у мертвецевъ.

»Зейнеба, сказалъ начальникъ стрѣлковъ тихимъ, пріятнымъ и унылымъ голосомъ, обратясь къ старшей сестрѣ, и взявъ ее за руку; я Кофробъ, Царь подземнаго міра и обладатель Жинистана. Я и братья мои изъ числа тѣхъ существъ, которыя созданы изъ огненной стихіи, презрѣли повелѣніе Всемогущаго, и не захотѣли покланяться глыбѣ земли, получившей образъ и названіе человѣка. Статься можетъ, ты наслышалась о насъ, какъ о свирѣпыхъ, безжалостныхъ, угнѣтательныхъ существахъ. Но мы по врожденію добры и великодушны. Мы тогда только предаемся мщенію, когда оскорбятъ насъ. Мы пребываемъ вѣрны возложившимъ на насъ упованіе, и внявъ мольбамъ Мифразпа, твоего родителя, который столько мудръ, что воздавая почтеніе ви-

новнику добра, не отклоняется отъ тѣхъ, кого называютъ источникомъ зла. Близокъ конецъ твой и сестеръ твоихъ; но пусть каждая изъ васъ дастъ по одному волоску изъ прекрасныхъ вашихъ косъ, въ залогъ вѣрности, и мы уведемъ васъ далеко отсюда, въ безопасное мѣсто, гдѣ вамъ не чего будетъ страшиться ни Зохота, ни исполнителей его воли.

»Страхъ смерти, говоритъ стихотворецъ, подобенъ жезлу пророка Аарона; который пожралъ прочіе жезлы, когда они превратились въ змѣй въ присутствіи Царя Фараона«; и дочери Персидскаго мудреца ни мало не испугались духа. Онѣ заплатили требуемую отъ нихъ дань Кофробу, и въ ту же минуту невидимою силою перенеслись въ обвороженный замокъ, на гору Тугруту въ Курдистанѣ, гдѣ сокрылись навсегда отъ очей смертныхъ. Но по времяни, семеро юношей, отличившихся подвигами на войнѣ и успѣхами въ звѣриной ловлѣ, появились въ окрестностяхъ замка духовъ. Они были смуглѣе, выше ростомъ, величественнѣе, горделивѣе и предпріимчивѣе

изъ всѣхъ жителей Курдистанской долины. Они женились, и отъ нихъ произошли семь Курдскихъ поколѣній, которыхъ долина стала извѣстна всей вселенной.

Христіанской Рыцарь съ изумленіемъ выслушалъ странную эту повѣсть, которой слѣды остались еще въ Курдистанскихъ преданіяхъ, и послѣ минутнаго размышленія отвѣчалъ: — По чести, Сарацинъ, ты правъ; можно страшиться и ненавидѣть твоихъ предковъ, но не должно ихъ презирать. Теперь я не удивляюсь твоей закоренѣлости въ ложной вѣрѣ, потому, что вѣрно дьявольскимъ навожденіемъ она поселилась въ тебѣ отъ предковъ твоихъ, этихъ адскихъ стрѣлковъ, о которыхъ ты сей часъ мнѣ разсказывалъ, и заставляетъ тебя предпочитать ложь истиннѣ; равно не дивлюсь, что восторженный умъ твой, внушаетъ тебѣ стихи и пѣсни, при приближеніи жилища нечистыхъ, злыхъ духовъ, потому что оно должно возбуждать въ тебѣ радость, чувствуемую каждымъ человѣкомъ при видѣ отчизны своихъ предковъ.

—Клянусь бородою отца моего, кажется ты правъ, сказалъ Сарацинъ больше развеселенный, нежели оскорбленный замѣчаніями Христіянина; потому что хотя пророкъ, да будетъ благословенно имя его! поселялъ въ насъ сѣмяна лучшей вѣры, нежели та, которой научали предковъ нашихъ въ очарованныхъ стѣнахъ Тугрута, однакожъ мы не тотчасъ, какъ прочіе Музульмане, отженяемъ отъ себя духовъ, отъ которыхъ производимъ свое начало. Они, какъ полагаемъ мы, вѣримъ и надѣемся, не преданы вѣчному проклятію; они проходятъ еще испытанія, и могутъ потомъ получить прощеніе или наказаніе. Впрочемъ, предоставимъ разбирать это Иманамъ и Мулламъ. Скажу только, что уваженіе наше къ этимъ духамъ не совсѣмъ истребилось почерпнутыми нами познаніями въ Коранѣ, и что въ нашихъ горахъ и теперь воспѣваютъ, въ память древняго закона нашихъ предковъ, слѣдующіе стихи.

При этихъ словахъ онъ началъ пѣть стансы, которыхъ мѣра и

выраженія казались очень древними, и по видимому были сложены какимЪ нибудь обожателемЪ Аримана, то есть начала зла.

АРИМАНЪ.

О ты! кого Икаръ считаетъ
Источникомъ всѣхъ золъ и бѣдъ,
Нашъ мрачный Ариманъ, боготворимый мною,
Великій изъ духовъ подземныхъ!
Напрасно взоръ я простираю отъ запада къ восточнымъ сторонамъ,
Во всей вселенной не встрѣчаю
Могуществомъ сильнѣй тебя.

Среди степей безплодныхъ,
Добра верьховный властелинъ
Возможетъ источить потокъ воды
Въ прохладу путника страны чужой;
Но, ты коль повелишь, и волны съ ревомъ воздымаясь
Ударятъ объ утесъ, раздробятъ въ мигъ его,
Потопятъ корабли отважнѣйшихъ пловцевъ.

Онъ слово изречетъ, и разцвѣтутъ сады
Въ кремнистой, дикой сторонѣ;
Коснется имъ, до облакъ воскурится
Отъ нихъ душистый ароматъ.

Но кто сдержать возможетъ стремленіе чумы,
горячки,
Всѣхъ золъ возникшихъ вдругъ
Отъ лютыхъ стрѣлъ колчана твоего?

Владычество твое въ сердцахъ людей;
Пускай они передъ другими алтарями
Склоняются поникшею главой
Во прахѣ униженія, смиренно;
Хоть ужасъ ты внушаешъ имъ собой, нашъ
грозный Ариманъ!
Но тайнымъ помысломъ къ тебѣ взываютъ,
И не совсѣмъ, а преданы тебѣ.

Скажи, не громъ ли звукъ твоихъ рѣчей,
Не въ бури ли облекся ты,
Какъ магики о томъ провозгласили
Востоку цѣлому и намъ?
Душа твоя питается ли гнѣвомъ, иль местію
живетъ?
Несяся за добычей, кохтямиль ты воору-
женъ
Для прегражденья ей пути?

Въ самой природѣ ль почерпаешъ
Великое могущество свое?
Возможешъ ли вдругъ превратить
Въ болото мутное чистѣйшіе струи?
Ахъ! не твоя ли гибельна рука намъ измѣряетъ
Бѣды, которыхъ мы готовясь избѣжать,
Вдаемся имъ, не въ силахъ ихъ преодолѣть?

Но что бы ни было! ты царствуешь надъ нами,
Ты нашъ кумиръ, и сердце твой алтарь;
Оно тобой страстями зараженно,
Всѣ помыслы тебѣ приносятъ въ даръ.
Твое могущество всякъ смертный познаетъ, въ себѣ одномъ вмѣщая
Любовь, и ненависть, и страхъ, и честолюбія отравы,
Готовыя его низринуть въ прахъ!

Когда въ юдолѣ сей плачевной
Намъ заблеститъ отрады лучь,
Спокойствіе даря, всѣ грусти отгоняетъ,
Страшитеся..... погибель предстоитъ.
Всегда, коль жизнь цвѣтетъ, и щастье нѣжитъ, услаждаетъ,
Все что мило намъ, и насъ очаровало,
Сражается тобой, неумолимый Ариманъ!

Съ минуты нашего рожденья
Ты правишъ участью людей,
Ихъ горести, и смертныя страданья
Есть даръ руки твоей.
Отвѣтствуй мнѣ, о грозный духъ, могущество твое
(Кого, коль не тебя спросить, не знаю),
Должно ль сопутствовать за гробомъ намъ, и длиться тамъ?

Можетъ быть, эти строфы были сложены какимъ языческимъ фило-

софомъ, не озареннымъ свѣтомъ истинной вѣры, который видѣлъ въ баснословномъ этомъ божествѣ, Ариманѣ, одно вліяніе физическаго и нравственнаго зла; но онѣ произвели совсѣмъ противное дѣйствіе надъ слухомъ Рыцаря Барса, и пропѣтые человѣкомъ, хваставшимся происхожденіемъ своимъ по прямой линіи отъ сатаны, представлялись ему призываніемъ нечистаго духа. Слыша подобныя хулы въ той самой пустынѣ, гдѣ сатана наконецъ поклонился Господу, осмѣлясь прежде требовать поклоненія отъ Сына Божія, онъ размышлялъ въ себѣ, достаточно ли изъявить презрѣніе свое, разставшись вдругъ съ Сарациномъ, или по данному имъ обѣту крестоносца, онъ долженъ на этомъ самомъ мѣстѣ сразиться съ невѣрнымъ, повергнуть его, и оставить трупъ его на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Но прежде нежели онъ успѣлъ на что нибудь рѣшиться, неожиданное появленіе привлекло его вниманіе.

День склонялся уже къ вечеру, однакожъ довольно еще было свѣтло,

и Рыцарь могъ различить, что онъ не одинъ уже былъ съ товарищемъ своимъ въ этой пустынѣ, видя, что существо исполинскаго роста, чрезмѣрно сухощавое, приглядываетъ за нимъ въ близи. Оно подымалось тогда на каменистую скалу, межъ кустарниковъ съ большимъ проворствомъ; странный его нарядъ, видъ дикаря, все вмѣстѣ привели ему на память Фавновъ и Сильфовъ, которыхъ статуи видѣлъ онъ въ древнихъ храмахъ Рима. Какъ суевѣрный Шотландецъ, въ простотѣ сердца ни мало не сомнѣваясь, чтобы языческіе боги не были настоящіе демоны, онъ тотчасъ повѣрилъ, что Сарацинъ богохульнымъ своимъ гимномъ призвалъ адской этотъ духъ.

—Что нужды! сказалъ самъ въ себѣ неустрашимый Сиръ Кеннетъ: пусть погибнетъ демонъ и его поклонники!

Но, имѣя противъ себя двухъ сопротивниковъ, онъ не считалъ нужнымъ предъувѣдомлять ихъ о своемъ нападеніи, что непремѣнно бы сдѣлалъ, еслибъ привелось ему драться

сѣ однимѣ. Онѣ ухватился рукою за палицу, и можетѣ быть Сарацинѣ, при нечаянномѣ нападеніи, заплатилѣ бы жизнію за Персидскіе стансы, подѣ ударомѣ готовящимся раздробить ему черепѣ, не зная и не вѣдая за что, еслибѣ не предвидѣнное обстоятельство неизбавило Шотландскаго Рыцаря отѣ смертоубійства, которое подвергнуло бы Рыцарскую честь его вѣчному посрамленію. Привидѣніе, на котораго нѣсколько времяни устремлены были глаза его, казалось сѣ начала подсматривало ихѣ путь, скрываясь за верьхушки скалѣ вѣ кустахѣ, пользуясь сѣ большею ловкостью выгодами возвышеній, и преодолѣвая сѣ удивительнымѣ проворствомѣ всѣ трудности. Наконецѣ, когда Сарацинѣ пересталѣ пѣть, то существо это, исполинскаго роста, покрытое козьею кожею, выскочивѣ, сталѣ посреди дороги, схватилѣ обѣими руками за возжи узды Сарацина, и заградивѣ такимѣ образомѣ ему путь, сильно попятилѣ лошадь его назадѣ. Великодушный Арабской конь, не вѣ си-

лахъ будучи противиться быстрому нападенію незнакомца, сжавшаго его удиломъ которое по восточному обычаю состояло изъ желѣзнаго кольца, ставъ на дыбы, упалъ на опрокинутаго имъ всадника, спасшагося отъ опасности такого паденія, сбросясь съ него въ сторону.

Непріятель его, выпустивъ тогда возжи, бросился на лежащаго Сарацина, схватилъ его за горло, и не смотря на проворство, молодость его, смялъ его подъ себя, стиснувъ длинными своими руками переплетенныя руки своего плѣнника.

—Гамако! вскричалъ Эмиръ въ полсмѣха, полусердито. Гамако! дуракъ, пусти меня! ты переступилъ границы позволеннаго. Говорятъ тебѣ, пусти, или я проколю тебя насквозь кинжаломъ.

—Кинжаломъ, невѣрная собака, отвѣчало существо, покрытое козьею кожею, возьми его, если можешъ! и схвативъ изъ рукъ его кинжалъ, махалъ имъ надъ головой его.

—Помогите! Назарянинъ! на помощь! вскричалъ Шеерковъ, бывъ

тогда устрашенъ: сюда, или Гамако умертвитъ меня.

—Умертвитъ тебя! возразилъ пустынный житель; ты точно заслуживаешъ смерть за свои богохульныя пѣсни, которыя мало того что ты пѣлъ въ честь своего лжепророка, предтечу сатаны, но еще осмѣлился воспѣвать гимнъ виновнику зла.

Христіянской Рыцарь все это время былъ какъ изумленный: такъ неожиданная эта встрѣча отъ начала до конца не сообразовалась съ его заключеніями. Однакожъ онъ почувствовалъ наконецъ, что честь его требуетъ, поспѣшить на помощь сверженнаго его товарища, и оборотясь къ побѣдителю, покрытому козьею кожею, сказалъ:

—Кто бы ты ни былъ, хороши ли, дурны ли твои намѣренія, но знай, что я далъ клятву, до нѣкотораго времяни, быть товарищемъ Сарацина, котораго ты видишъ. И такъ, я совѣтую тебѣ освободить его, иначе я буду принужденъ вступиться за него.

—Похвальное заступленіе, отвѣчалъ онъ, для крестоносца! Изъ люб-

ви къ некрещенному собакѣ, вызывать на бой своего единовѣрца! Развѣ ты за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы воевать за басурмановъ противъ Христіянъ? Хорошій же ты воинъ Христовъ, когда допускаешь воспѣвать похвалы сатанѣ!

Однакожъ, говоря такимъ образомъ, онъ всталъ и позволивъ Сарацину встать, отдалъ ему назадъ кинжалъ его.

—Ты видишь, какой опасности подвергнуло тебя тщеславіе твое, продолжалъ онъ, оборотясь къ Шеркофу, и какимъ слабымъ орудіемъ можетъ Богъ, если ему только угодно, ниспровергнуть твою силу, проворство, ловкость, которыми ты такъ кичишся! И такъ, остерегайся впредъ, Ильдеримъ, потому что если бы планета твоя не предназначала тебя къ чему нибудь полезному и благому, до будущаго предъопредѣленія, то я не отступился бы отъ тебя, покуда не вытянулъ бы языкъ твой, осмѣлившійся произносить богохульства.

—Гамако, сказалъ Сарацинъ, безъ малѣйшаго негодованія на угрозы

его и жестокой съ нимъ поступокъ, прошу тебя, добрый Гамако, берегись отнынѣ простирать такъ далеко твои права, потому что я какъ истинный Музульманинъ, хотя и щажу тѣхъ, кого Небо лишивъ разсудка, одаряетъ пророческимъ духомъ, однакожъ не потерплю, чтобы кто наложилъ руку на узду моего коня, а еще больше на меня самаго. Я позволяю тебѣ говорить все что ты хочешъ, и никогда не сержусь за слова твои; но постарайся хорошенько растолковать себѣ, что если ты еще разъ употребишъ противъ меня какое насиліе, тогда я сверну мохнатую твою голову къ сухощавымъ плечамъ твоимъ. Что же касается до тебя, другъ Кеннетъ, прибавилъ онъ, садясь на лошадь, то скажу тебѣ, что мнѣ пріятнѣе имѣть товарищемъ въ пустынѣ такого человѣка, который доказываетъ дружбу свою дѣлами, нежели ласковыми словами. Ты засыпалъ меня ими, а гораздо бы лучше было, поспѣшить на помощь мою, когда я боролся съ Гамакомъ, который въ изступленіи сво-

его бѣшенства, едва не лишилъ меня жизни.

—По чести, отвѣчалъ Рыцарь, я виноватъ, и признаюсь въ томъ, что не поспѣшилъ на помощь тебѣ; при видѣ страннаго этаго существа и неожиданнаго его нападенія, мнѣ представилось, что твои нечестивыя пѣсни привлекли къ намъ демона. Я такъ былъ смущенъ, что нѣсколько минутъ не въ силахъ былъ взять въ руки палицы.

—Ты слишкомъ холодный и осмотрительный другъ, возразилъ Эмиръ, и если бы Гамакино изступленіе продолжилось, то товарищь твой былъ бы умерщвленъ близь тебя; къ вѣчному твоему стыду, ты не пошевелилъ бы и пальцемъ для спасенія его, хоть вооруженъ съ головы до ногъ, и ѣдешъ на добромъ конѣ.

—Откровенно сказать тебѣ, Сарацинъ, я полагалъ, что странное это существо діаволъ; а какъ ты происходишъ отъ ихъ поколѣнія, то и незналъ, что за семейныя тайны вамъ надобно было другъ другу со-

общить въ то время, какъ вы катались по песку.

—Вотъ это называется *трунить*. Ты отыгрываешься, братъ Кеннетъ, а не отвѣчаешъ. Знайже, что еслибъ непріятель мой точно былъ и духъ, царь тьмы, то не меньше ты обязанъ сражаться съ нимъ, для вспоможенія твоему товарищу; знай и то, что если есть что дьявольское и нечистое въ этомъ Гамако, то оно принадлежитъ больше къ твоему поколѣнію, нежели къ моему, потому что онъ самый тотъ пустынникъ, котораго ты желалъ видѣть.

—Какъ! вскричалъ Рыцарь, глядя на предстоящаго передъ нимъ сухощаваго великана. Этотъ человѣкъ! Ты смѣешься, Сарацинъ, не можетъ статься, чтобъ это былъ почтенный Ѳеодорикъ!

—Спроси его самаго, если не вѣришъ мнѣ.— И едва Эмиръ произнесъ эти слова, какъ пустынникъ самъ засвидѣтельствовалъ о себѣ.

—Я Ѳеодорикъ Энгади, вскричáлъ онъ, пустынный житель, другъ креста, бичь невѣрныхъ еретиковъ

и поклонниковъ дьявола. Прочь! прочь! да низринется Магометъ, Термагантъ, и всѣ сообщники ихъ.

При этихъ словахъ, онъ вытащилъ изъ-подъ мохнатаго своего платья родъ бича, или лучше сказать двойной палицы окованной желѣзомъ, махая ею надъ головою своей съ удивительнымъ проворствомъ.

—Вотъ твой святой, сказалъ Сарацинъ., засмѣясь въ первый разъ, видя изумленіе, съ какимъ Сиръ Кеннетъ смотрѣлъ на странныя движенія Ѳеодорика, вслушиваясь въ несвязныя его слова. Наконецъ, помахавъ во всѣ стороны бичемъ своимъ, ни мало не заботясь, чтобы не попасть имъ по головѣ обоихъ спутниковъ, въ доказательство силы своей и крѣпости своего оружія, онъ ударилъ имъ по огромному камню, который раскололся въ дребезги.

—Онъ помѣшанный, сказалъ Рыцарь.

—Не меньше того онъ святой, возразилъ Эмиръ, судя такимъ образомъ по вѣрѣ всѣхъ восточныхъ народовъ, которые воображаютъ, что

люди лишенные ума бываютъ вдохновенны свыше. Познай, Христіянинъ, прибавилъ онъ, что когда человѣкъ лишается зрѣнія въ одномъ глазѣ, тогда другой становится зрячѣе; когда отрублена одна рука, то въ другой прибавляется силы и крѣпости; и когда помрачается разсудокъ на щетъ внѣшнихъ предмѣтовъ, тогда прозорливѣе и совершеннѣе становится понятіе о небесныхъ вещахъ.

Тутъ голосъ Сарацина былъ заглушенъ восклицаніями пустынника, который изъ всѣхъ силъ началъ кричать:— Я есмь Ѳеодорикъ Энгади, свѣтильникъ пустыни, бичь невѣрныхъ; Левъ и Барсъ будутъ моими товарищами, они придутъ искать убѣжища въ моей хижинѣ, и козленокъ не устрашится ихъ когтей. Я свѣточь и факелъ: *Kyrie eleison.*

Прокричавъ это, онъ пробѣжалъ нѣсколько минутъ, и потомъ три раза вспрыгнулъ съ такою легкостью и проворствомъ, что прыжки его принесли бы ему много чести въ Гимнастической школѣ, но ни мало не приличествовали званію пустын-

ника; Шотландской Рыцарь былъ въ остолбененiи, не зная, что думать о немъ.

Сарацинъ гораздо лучше понялъ его.

—Ты видишъ, сказалъ онъ своему товарищу, что онъ дожидается, чтобъ мы слѣдовали за нимъ въ пещеру его; правду сказать, въ здѣшнихъ мѣстахъ другаго и нѣтъ убѣжища, гдѣ бы могли мы переночевать. Тебя называетъ онъ Барсомъ, потому что Барсъ означенъ на твоемъ щитѣ; а меня Львомъ, потому что я прозванъ Львомъ; Козленкомъ изображаетъ онъ самаго себя, по козлиной кожѣ, которую онъ носитъ. Но не должно терять его изъ виду; онъ такъ легокъ какъ дромадеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ не малаго стоило труда за нимъ слѣдовать, потому что хотя достопочтенный ихъ проводникъ по временамъ останавливался, махая рукой какъ бы призывая ихъ, однакожъ зная совершенно долины и ущелья этой пустыни, и бывъ одаренъ чрезмѣрнымъ проворствомъ, усиленнымъ безпрерывными движенiями расстройства

ума его, онъ велъ ихъ между разщелинъ утесовъ, по такимъ тропинкамъ, что Сарацинъ, не смотря на легкое свое вооруженіе и быстроту лошади, едва могъ перебираться за нимъ, тогда какъ Шотландской Рыцарь, покрытый стальною бронею, въ полномъ вооруженіи, при тяжелой збруѣ коня своего, на каждомъ шагу подвергаясь величайшей опасности, желалъ бы лучше во сто разъ быть на сраженьи. Наконецъ онъ отдохнулъ, послѣ многотруднаго пути, увидя, что святой мужъ, шедшій во все это время передъ ними, остановился въ преддверіи пещеры, держа въ рукѣ деревянный факелъ, обмоченный въ смолѣ, отражающій красный и тусклый свѣтъ съ сѣрнымъ запахомъ.

Не смотря на густой дымъ отъ факела, спирающій духъ, Рыцарь соскочивъ съ лошади, вошелъ въ пещеру, гдѣ кажется не заботились о просторѣ и покоѣ. Келья раздѣлялась на двѣ половины. Въ первой стоялъ жертвенникъ высѣченный изъ камня, на которомъ поставлено было распятіе, сплетенное изъ

тросшника. Она служила часовнею пустыннику. Священныя эти предмѣты возбудили въ Рыцарѣ благоговѣніе, и ему совѣстно было ввесть лошадь свою въ первое это отдѣленіе; однакожъ необходимость къ тому принудила его, и онъ послѣдовалъ примѣру Эмира, который изъяснилъ ему, что таковъ обычай въ ихъ сторонѣ. Въ глубинѣ называемой часовни, было отверстіе заложенное доской, которая служила дверью въ другую половину, гдѣ была спальня пустынника, гораздо покойнѣе расположенная. Большихъ трудовъ стоило разровнять землю, покрытую бѣлымъ пескомъ; онъ каждый день поливалъ ее водой изъ небольшаго источника, текущаго въ углу скалы, и который въ знойной этой сторонѣ былъ равно пріятенъ глазамъ, слуху и запекшимся устамъ. Тюфяки сплетенные изъ мѐчика травы, были разостланы на полу, стѣны кельи уравнены какъ полъ, а чтобы придать имъ правильный видъ, развѣшены были вкругъ ихъ душистые травы и цвѣты. Двѣ восковые свѣчи, зазженные пустын-

никомъ, освѣщая, придавали больше пріятности разливающемуся запаху и прохладѣ.

Въ одномъ углу этаго покоя лежали рабочіе инструменты; въ другомъ во впадинѣ поставлена была рѣзная Богоматерь, довольно грубо отработанная. Столъ и два стула служили яснымъ доказательствомъ, что они были сдѣланы пустынникомъ, потому что рисунокъ ихъ и видъ различествовалъ отъ восточныхъ комнатныхъ уборовъ. Столъ не только былъ покрытъ кореньями и тростникомъ, но установленъ сушенымъ мясомъ всякаго рода, приправленнымъ Ѳеодорикомъ для возбужденія вкуса гостей своихъ. Такое угощеніе, хотя и безсловесное, изъявляемое одними знаками, казалось Сиръ Кеннету совсѣмъ несообразнымъ съ страннымъ и наглымъ поступкомъ пустынника при началѣ ихъ свиданія. Всѣ шаги его были мѣрны, и казалось, что смиреніе, благочестіе затмѣвали величіе и благородство на сухощавомъ лицѣ его, изнуренномъ постомъ. Онъ ходилъ по кельѣ своей какъ человѣкъ,

привыкшій управлять себѣ подобными, но который отказался отъ владычества, чтобы сдѣлаться рабомъ Божіимъ. Должно, однакожъ, признаться, что исполинской ростъ его, длинная борода, всклокоченные распущенные его волосы, и огонь сверкающій въ впалыхъ, смутныхъ глазахъ его, придавали ему больше видъ воина, нежели затворника.

Даже Сарацинъ смотрѣлъ на пустынника съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, въ то время какъ онъ занимался хозяйствомъ, и потихоньку сказалъ Сиръ Кеннету: — Теперь Гамако въ спокойномъ своемъ духѣ; но онъ не станетъ съ нами разговаривать до тѣхъ поръ, покуда мы не отужинаемъ.

И такъ Ѳеодорикъ молча указалъ Шотландцу, чтобы онъ сѣлъ на одномъ изъ низенькихъ стульевъ, а Шееркофъ, по обычаю своей земли, сѣлъ на рогожкѣ, поджавъ подъ себя ноги. Тогда пустынникъ поднялъ руки, какъ бы благословляя пищу, предложенную гостямъ, и они начали ѣсть, храня, какъ и онъ, глубокое молчаніе. Такая степенность

была свойственна Сарацину; Христіянину не трудно было подражать его молчаливости, потому что онъ углубился въ размышленія на щетъ страннаго своего положенія, и разницы примѣченной имъ между бѣшеныхъ криковъ, странныхъ кривляній и безразсудныхъ поступковъ Ѳеодорика, при встрѣчѣ ихъ, съ благопристойнымъ, важнымъ видомъ, при оказываніи имъ гостепріимства.

По окончаніи ихъ ужина, пустынникъ, не съѣвши ни одного куска, собравъ со стола оставшееся, поставилъ передъ Сарацина чашу шербета, и стклянку вина передъ Шотландца.

— Пейте, дѣти мои, сказалъ онъ имъ; и это были первыя слова произнесенныя имъ, со времяни ихъ прихода въ келью его. Не воспрещается наслаждаться дарами Божіими, только не надобно забывать ниспославшаго ихъ.

Проговоривъ это, онъ удалился въ передовую келью, или часовню, вѣроятно, чтобы предаться тамъ молитвѣ, предоставивъ гостямъ сво-

имъ внутренній свой покой. Тогда Кеннетъ сталъ разспрашивать Шееркофа о пустынникѣ, чтобы узнать отъ него всѣ подробности, будучи побужденъ къ тому не однимъ любопытствомъ. Не возможно было согласить иступленія отшельника, при встрѣчѣ ихъ въ долинѣ, съ смиреннымъ его видомъ, скромными поступками по приходѣ ихъ къ нему въ пещеру; но еще мудренѣе казалось ему согласить неограниченное уваженіе, подобострастіе просвѣщеннѣйшихъ Прелатовъ всей Европы къ Феодорику, какъ-то извѣстно было Сиръ Кеннету. Феодорикъ, какъ пустынникъ Энгади, велъ переписку съ Папою и соборами, и письма его, исполненныя краснорѣчиваго убѣжденія, въ которыхъ изображалъ онъ такими живыми красками бѣдствія претерпѣваемыя Латынскими Христіанами отъ невѣрныхъ, что они едва уступали убѣжденіямъ Пустынника Петра на Клермонскомъ соборѣ, проповѣдовавшаго первый крестовый походъ. И найти въ такой достопочтенной особѣ всѣми уважаемой, бѣшенство,

изступленіе безумнаго Факира! вотъ что заставляло Христіанскаго рыцаря напередъ размыслить о всемъ, прежде нежели рѣшится онъ сообщить Феодорику важное дѣло, порученное ему отъ нѣкоторыхъ изъ предводителей кресшоносцевъ.

Это порученіе было главною причиною предпринятаго имъ пути по такой трудной дорогѣ. Но все видѣнное имъ того вечера заставляло его колебаться въ исполненіи его посольства. Всѣ свѣденія, полученныя имъ отъ Эмира, ограничились не многимъ, заключающимся въ слѣдующихъ словахъ:

Пустынникъ, какъ слыхалъ онъ, былъ прежде храбрый и отважный воинъ, мудрый въ совѣтѣ, щастливый въ войнѣ, чему легко повѣрить судя по необыкновенной силѣ и дѣятельности его, во многихъ случаяхъ, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Онъ прибылъ въ Іерусалимъ не какъ богомолецъ, но какъ человѣкъ, посвятившій остатокъ дней своихъ провесть въ Святой землѣ. Спустя нѣсколько времяни онъ поселился въ этой дикой пу-

стынѣ, гдѣ они встрѣтили его, уважаемый Латинами за строгую свою набожность, а Турками по причинѣ признаковъ сумасшествія, примѣтныхъ въ немъ, которые относятъ они къ вдохновенію, что и означаетъ данное ему прозваніе Гамако. Что касается лично до Шееркофа, то онъ самъ не знаетъ, какъ заключить объ ихъ хозяинѣ. Гамако, говорилъ онъ, былъ мудрый человѣкъ, онъ могъ по нѣскольку часовъ съ ряду служить примѣромъ добродѣтели и благоразумія, безъ малѣйшихъ признаковъ помѣшательства въ умѣ. Бывало прежде случалось видѣть въ немъ странности, несообразности, но онъ въ первые такъ непріязненно поступилъ съ нимъ. Малѣйшее оскорбленіе, нанесенное его вѣрѣ, приводитъ его въ изступленіе; разсказываютъ, будто нѣсколько скитающихся Аравовъ наругались надъ его вѣрою, и опрокинули его алтарь, за что онъ напалъ на нихъ съ своимъ бичемъ, который онъ всегда носитъ при себѣ, какъ единственное свое оружіе, и побилъ ихъ. Это происшествіе надѣлало

много шуму, и сЪ тѣхЪ порЪ скитающіеся Аравы, боясь желѣзнаго бича пустынника, и равно изЪ опасенія кЪ нему какЪ кЪ Гамакѣ, не прикасаются его жилищу и часовнѣ. Слава его такЪ далеко распространилась, что СаладинЪ далЪ особенныя повелѣнія, чтобы его щадили и оберегали. ОнЪ самЪ и многіе другіе знатнѣйшіе Музульмане, нѣсколько разЪ посѣщали его келью, изЪ любопытства, или надѣясь, что такой знающій мужЪ, какЪ Христіанской Гамако, можетЪ открыть имЪ тайну будущаго. У него была, продолжалЪ СарацинЪ, *Разгида,* или обсерваторія на самомЪ высокомЪ мѣстѣ, гдѣ наблюдалЪ онЪ планеты, и особенно тѣ, которыя по мнѣнію ХристіанЪ и МузульманЪ имѣютЪ вліяніе на судьбу людей, предзнаменуя ихЪ участь.

И такЪ, все слышанное СирЪ КеннетомЪ отЪ Шееркофа не разрѣшило его сомнѣній на счетЪ помѣшательства ума пустынника, которое должно ли относить кЪ чрезмѣрной его набожности, или кЪ притворству, чтобы пользоваться пре-

имуществами этаго состоянія. Однакожь, размышляя о фанатизмѣ послѣдователей Магомета, между которыми онъ жилъ, бывъ явнымъ врагомъ ихъ вѣры, ему казалось, что они слишкомъ далеко простираютъ свою терпимость. Ему также казалось, что пустынникъ и Сарацинъ гораздо короче были знакомы, нежели то было по словамъ его, и онъ замѣтилъ, что Феодорикъ назвалъ его совсѣмъ другимъ имянемъ, нежели подъ какимъ онъ узналъ его. Всѣ эти размышленія если не умножили его подозрѣнія, то по крайности заставили его быть осторожнымъ. И такъ, Кеннетъ рѣшился примѣчать за пустынникомъ, и не вдругъ объявлять ему важное свое порученіе.

— Сарацинъ, сказалъ онъ, кажется пустынникъ такъ помѣшанъ, что не помнитъ даже и имянъ. Ты называешься Шееркофомъ, а я слышалъ, что онъ назвалъ тебя иначе.

— Когда я жилъ подъ шатромъ отца моего, отвѣчалъ Курдъ, то назывался Ильдеримомъ, и такъ зовутъ меня еще многіе. Въ войскѣ

солдаты имянуютъ меня Нагорнымъ Львомъ, и это наименованіе заслужилъ я мечемъ своимъ. Но, молчи! Вотъ Гамако; я знаю его обыкновеніе; онъ идетъ приглашать насъ къ успокоенію. Онъ не терпитъ, чтобы кто нарушалъ его бдѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ отшельникъ вошелъ къ нимъ въ ту же минуту. Онъ сложилъ крестомъ руки, и ставъ передъ ними, сказалъ торжественнымъ голосомъ: — Да будетъ благословенно имя Того, которому угодно было, послѣ дневныхъ трудовъ, послать безмятежную ночь; да усладитъ успокоеніе утомленные члены, и отгонитъ отъ помысловъ заботы!

— Да будетъ такъ! отвѣчали оба воина, и тотчасъ вставъ, начали собираться спать на тюфякахъ, которые пустынникъ указалъ имъ рукою, послѣ чего, поклонясь имъ обоимъ, онъ опять вышелъ вонъ.

Тогда рыцарь Барса снялъ съ себя тяжелый свой мечь; Сарацинъ помогъ ему разстегнуть пряжки латъ, кольчуги, и онъ оставилъ на

себѣ только платье изъ верблюжей кожи, которое рыцари и военные люди всегда носили подъ своимъ вооруженіемъ. Если Шееркофъ удивлялся силѣ своего сопротивника, въ битвѣ съ нимъ, когда онъ весь покрытъ былъ стальною бронею, то не меньше поразили его стройность его стана и крѣпкое сложеніе. Рыцарь, съ своей стороны, соотвѣтствуя равною вѣжливостью, помогъ Сарацину снять верхнѣе его платье, чтобы онъ могъ спокойнѣе уснуть, съ трудомъ постигая, какъ такой тонкой, сухощавый человѣкъ, могъ такъ сильно противоборствовать ему.

Каждый изъ обѣихъ воиновъ сталъ молиться по своему, прежде нежели легъ спать. Музульманинъ обращаясь на востокъ, по обычаю всѣхъ Магометовыхъ поклонниковъ въ моленіи, пробормоталъ нѣсколько словъ; тогда какъ Христіанинъ, повидимому опасаясь, чтобы не осквернится сосѣдствомъ невѣрнаго, удалился отъ него въ другой уголъ, поставилъ мечь свой стойкомъ, котораго рукоятка была крестообразна,

и ставъ на колѣни передъ этимъ знакомъ спасенія, началъ читать молитвы съ усердіемъ, которое умножилось воспоминаніемъ дикихъ и пустынныхъ мѣстъ, проѣханныхъ имъ, и избѣгнутыхъ опасностей въ этотъ день. Утомленные тягостнымъ путемъ и ратоборствомъ, оба воина немедленно уснули, каждый на своемъ тюфякѣ.

КНИГА IV.

„Въ пустынѣ дикой, неизвѣстной,
Жилъ съ юныхъ лѣтъ древнѣйшій мужъ святой:
Въ дуплѣ древесномъ нашедъ себѣ пріютъ,
Ночь провождалъ онъ въ немъ, покоясь на мхѣ,
Питался онъ плодами, а питіемъ ему была
Вода ближайшаго ручья,
Небесный даръ, пустыни украшенье.
Отрѣкшись навсегда отъ общества людей,
Онъ Богомъ жилъ, въ молитвѣ полагая
Отраду, утѣшенье, свой долгъ, занятіе свое.

Парнеллъ.

Шотландской рыцарь не зналъ, долго ли онъ пробылъ въ сладкомъ

снѣ, какъ вдругъ почувствовалъ сильное давленіе на желудкѣ, и опомнясь встрепенулся, воображая, не сильный ли ратоборецъ нападаетъ на него. Потомъ, совсѣмъ очнувшись, хотѣлъ спросить, кто тутъ, какъ открывъ глаза, увидѣлъ описаннаго нами пустынника, который склонясь къ нему на тюфякъ, одною рукою опирался на грудь его, держа въ другой рукѣ серебряную лампаду.

— Молчи! сказалъ пустынникъ, тогда какъ лежащій рыцарь глядѣлъ на него съ изумленіемъ. Мнѣ нужно сообщить тебѣ такія вещи, которыхъ не долженъ знать этотъ невѣрный.

Онъ произнесъ эти слова на Французскомъ языкѣ, а не на Левантскомъ, составленномъ изъ Европейскихъ и Восточныхъ нарѣчій, на которомъ онъ прежде изъяснялся.

— Встань, продолжалъ онъ, надѣнь свою эпанчу; не говори ни слова, и потихоньку иди за мной.

Сиръ Кеннетъ всталъ и взялъ свой мечь.

— Онѣ не нуженѣ тебѣ, сказалѣ ему пустынникѣ, продолжая говорить шепшомѣ; мы идемѣ вѣ такое мѣсто, гдѣ духовныя орудія всего сильнѣе, и гдѣ тѣлѣсныя силы, какѣ слабый тросшникѣ и изсохшее быліе, ничтожны.

Рыцарь поставилѣ мечь кѣ тюфяку на прежнее мѣсто, и сѣ однимѣ только кинжаломѣ, котораго онѣ ни на минуту не покидалѣ вѣ опасной этой землѣ, приготовился итти за таинственнымѣ Феодорикомѣ.

Тогда пустынникѣ медленными шагами пошелѣ впередѣ, вѣ сопровожденіи рыцаря, который все еще былѣ вѣ недоумѣніи, не мечта ли играетѣ имѣ во снѣ и точно ли на яву видитѣ онѣ необыкновенное это существо, ему предшествующее. Они вошли какѣ тѣни, вѣ внѣшній покой, не тревожа Эмира, погруженнаго вѣ глубокомѣ снѣ. Передѣ распятіемѣ на олтарѣ, о которомѣ мы уже упоминали, горѣла лампада и лежалѣ открытый служебникѣ, а

на полу бичь (1), запятненный свѣжею кровію, служившій доказательствомъ, какому строгому покаянію подвергалъ себя пустынникъ.

Тутъ Феодорикъ сталъ на колѣна на мѣстѣ, устланномъ остроконечными кремнями, повидимому нарочно усыпанными, чтобы болѣзненнѣе было его преклоненіе, и далъ знакъ своему сотоварищу, чтобы онъ тоже здѣлалъ. Потомъ онъ прочелъ нѣсколько молитвъ Католической церкви, и пропѣлъ тихимъ голосомъ, но съ благоговѣніемъ, три покаянные псальма, перерывая пѣніе свое вздохами, слезами и стонами, которые доказывали, какое сильное дѣйствіе производила надъ нимъ священная поэзія. Шотландской рыцарь съ большимъ усердіемъ молился; и заключенія его о пустынникѣ такъ перемѣнились, что видя покаяніе его, тѣплѣйшія молитвы, онъ началъ сомнѣваться, не должно ли почитать его за святаго. Когда

(1) Оружіе, здѣланное изъ желѣзныхъ прутиковъ и бичевокъ, которымъ Католики бичуются.

моленіе ихъ кончилось, то онъ съ такимъ подобострастіемъ сталъ передъ нимъ, какъ бы ученикъ передъ почтеннѣйшимъ своимъ наставникомъ: пустынникъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе, какъ бы углубясь въ размышленія.

— Посмотри, сынъ мой, на эту впадину, потомъ сказалъ онъ рыцарю, указавъ на ивовые дверцы, служившіе затворомъ небольшому отверстію, высѣченному въ каменистой горѣ, по другую сторону кельи; ты тутъ найдешъ покрывало, подай мнѣ его. Рыцарь повиновался, отворилъ ивовые дверцы, нашелъ покрывало, и когда онъ поднесъ его къ свѣту, то увидѣлъ, что оно было разорвано и во многихъ мѣстахъ замарано какимъ-то чернымъ веществомъ. Пустынникъ посмотрѣлъ на покрывало съ сильнымъ волненіемъ, стараясь преодолѣть его; и прежде нежели могъ онъ выговорить слово, испустилъ глубокой стонъ.

— Теперь ты увидишъ величайшее сокровище, какое только можетъ существовать на землѣ, наконецъ

сказалъ онъ. Увы! для чего глаза мои еще не достойны созерцать этаго блага! Я лишъ презрѣнный, ничтожный признакъ утомленныхъ странниковъ, для указанія имъ покоя и безмятежнаго пристанища, осужденный оставаться все еще въ преддверіи. Напрасно я удалился во глубину кремнистыхъ горъ, въ недра безплодной пустыни, врагъ мой и тамъ нашелъ меня; тотъ, кого я отвергнулся, послѣдовалъ за мною и въ твердыни.

Онъ умолкъ на мгновеніе, и потомъ оборотясь къ Сиръ Кеннету, сказалъ ему гораздо твердѣйшимъ голосомъ противъ прежняго:—ты присланъ ко мнѣ съ поклономъ отъ Ришарда Англійскаго?

— Я присланъ отъ Совѣта Христіанскихъ владѣтелей, отвѣчалъ рыцарь; но Англійской Король боленъ, и отъ того я не удостоился получить приказаній отъ Его Величества.

— Доказательство твоего посольства? спросилъ отшельникъ.

Сиръ Кеннетъ поколебался; прежнія его подозрѣнія и признаки

сѣумасшествія, видѣнные имъ при первой встрѣчѣ въ пустынникѣ, представились его воображенію; но какъ подозрѣвать человѣка, котораго поступки доказывали столько святости?

— Мой приказъ, отвѣчалъ онъ: «Цари стали должниками нищаго.»

— Хорошо, сказалъ пустынникъ, прибавивъ нѣсколько спустя: я совершенно тебя знаю; но воинъ, стоящій на стражѣ, а моя стража есть важнѣйшая, окликаетъ друга и недруга.

Онъ взялъ лампаду, и вошелъ опять во внѣшній покой, изъ котораго сначала они вышли. Сарацинъ простершись на тюфякѣ, все еще спалъ крѣпкимъ сномъ. Пустынникъ остановясь передъ нимъ, поглядѣлъ на него, сказавъ:

—Онъ погруженъ во мракѣ, и пускай не пробуждается.

Положеніе Эмира точно показывало глубокое успокоеніе: рука положенная крестообразно, тогда какъ онъ обращенъ былъ къ стѣнѣ, скрывала подъ широкимъ рукавомъ большую часть лица его, оставляя на-

ружѣ только лобъ. Члены его, одаренные необыкновенною живостью, были тогда неподвижны, какъ у мраморной статуи, и длинныя рѣсницы завѣшивали глаза его, проницательные какъ у сокола. Опущенная рука его, разслабѣлыя мускулы, тихое и ровное дыханіе, все доказывало сладкой сонъ. Онъ спящій, составлялъ необыкновенную группу съ пустынникомъ исполинскаго роста, стоящимъ надъ нимъ съ лампадою, покрытымъ козьею кожею мѣхомъ на лице, и рыцаремъ, почти равной вышины, въ верблюжьемъ камзолѣ. Первый, изображая отшельническую суровость, другой живѣйшее любопытство, выражающееся во всѣхъ чертахъ его.

—Онъ спитъ крѣпко, сказалъ пустынникъ тихимъ голосомъ; и повторилъ прежнія слова, сказанныя имъ въ буквальномъ смыслѣ, съ другимъ значеніемъ, прибавя: онъ погруженъ во мракѣ, но наступитъ для него день пробужденія, и озаритъ его. О Ильдеримъ, понятія твои, когда ты не спишъ, также суетны и тщетны, какъ зыбкіе по-

мыслы, волнующіе твое воображеніе во время сна; но трубный гласъ воззоветъ тебя, и сонъ твой разсѣется.

При этихъ словахъ, здѣлавъ знакъ рыцарю слѣдовать за нимъ, пустынникъ возвратился въ часовню, приближился къ олтарю, сталъ позади его, пожалъ пружину, которая тихонько растворясь, обнажила желѣзные дверцы, такъ хорошо вдѣланные въ стѣнѣ пещеры, что большаго труда стоило ихъ отъискать. Пустынникъ, прежде нежели отважился отворить эту дверь, помазалъ петли немного лампаднымъ масломъ; и когда она отворилась, то рыцарь увидѣлъ узкую лѣсницу, изсѣченную въ горѣ.

— Возми покрывало, которое я держу, сказалъ пустынникъ унылымъ голосомъ рыцарю, и покрой имъ мнѣ лице, потому что я не достоинъ смотрѣть на сокровище, которое ты увидишъ.

Сиръ Кеннетъ, безъотговорочно повиновался, завернулъ покрываломъ голову пустынника, который тотчасъ сталъ всходить по ступенямъ,

какъ человѣкъ, которому въ потьмахъ слишкомъ извѣстенъ былъ этотъ ходъ, и въ тоже время онъ отдалъ лампаду Шотландцу, слѣдовавшему за нимъ по узкой этой лѣстницѣ. Наконецъ они остановились подъ небольшимъ сводомъ, къ углу котораго съ одняго края примыкалась лѣстница, а на противуположномъ концѣ ея видна была еще другая, гораздо выше первой. Въ третьемъ углу были большіе готическіе двери украшенные рѣзьбою и столбами, въ которыхъ изсѣчена была калитка, по тогдашнему обыкновенію, убитая желѣзными листами и большими гвоздями. Туда-то пустынникъ направилъ шаги свои; ноги его подгибались, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ дверямъ.

— Изуй сапоги свои, сказалъ онъ спутнику своему, мѣсто, на которомъ ты стоишъ, свято есть. Изгони изъ глубины сердца твоего всѣ плотскіе и нечестивые помыслы, потому что смертный грѣхъ питатъ ихъ въ этомъ мѣстѣ.

Рыцарь, по приказанію, разулся; въ это время всѣ чувства пустын-

ника казалось устремились къ тихой молитвѣ. Онъ еще подвинулся впередъ, и сказалъ рыцарю, чтобы онъ три раза стукнулъ въ дверь. Сиръ Кеннетъ повиновался; дверь сама собою растворилась, или по крайности онъ не видалъ, чтобы кто отворялъ ее, и въ ту же минуту глаза его были поражены яркимъ свѣтомъ, а обоняніе драгоцѣннѣйшими благоуханіями. Онъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ, и прошло съ минуту, прежде нежели онъ могъ притти въ себя отъ сильнаго перехода изъ тьмы къ свѣту.

Вошедъ въ покой, откуда происходило блистательное это сіяніе онъ увидѣлъ, что яркой свѣтъ изливался отъ серебряныхъ лампадъ, въ которыхъ горѣло чистое масло съ благовоннѣйшими мастиками. Онѣ были привѣшены на серебряныхъ цѣпяхъ, къ своду небольшаго готическаго придѣла, изсѣченнаго въ каменной горѣ, какъ почти и все жилище чудеснаго пустынника. Но все прежде виденное Сиръ Кеннетомъ было просто и грубо отработано;

напротивѣ же, вѣ этомѣ придѣлѣ все обозначало искуснѣйшаго каменосѣчца и строителя. Сводѣ поддерживался шестью прекрасно высѣченными столбами; арки, соединяющія ихѣ, украшались лучшею архитектурою того вѣка. Сѣ каждой стороны вѣ равной линіи сѣ колонами, были шесть впадинѣ превосходной отдѣлки, и вѣ каждомѣ изѣ нихѣ поставлены изваянія Апостоловѣ.

Вѣ концѣ придѣла, на востокѣ, стоялѣ олтарь, позади котораго былѣ занавѣсѣ Персидской шелковой, великолѣпно вышитый золотомѣ, конечно закрывающій вѣ впадинѣ какое изображеніе или мощи необыкновенной святости, вѣ честь которыхѣ вѣрно воздвигнуто было это мѣсто. Увѣренный вѣ этомѣ предположеніи, рыцарь приближился кѣ олтарю, преклонилѣ колѣна сѣ усердною молитвою, какѣ вдругѣ, отдернулся занавѣсѣ, кѣмѣ и какѣ не извѣстно, и онѣ увидѣлѣ большой ковчегѣ, здѣланный изѣ чернаго дерева сѣ серебромѣ, закрытый двойными створчетыми дверцами, изобра-

жающій въ маломъ видѣ древнюю церковь.

Тогда какъ онъ смотрѣлъ съ живѣйшимъ любопытствомъ на этотъ ковчегъ, обѣ дверцы растворились, въ отверстіи видѣнъ былъ кусокъ дерева, надъ которымъ крупными буквами изображалась надпись: VERA CRUX, и въ ту же минуту хоръ женскихъ голосовъ воспѣлъ Gloria patri. По окончаніи Антифона, дверцы ковчега затворились и занавѣсъ задернулся. Рыцарь, стоявшій на колѣняхъ передъ олтаремъ, могъ тогда безпрепятственно возносить мольбы свои къ святынѣ, которую онъ удостоился видѣть, и съ такимъ благоговѣніемъ, какое прилично человѣку, видѣвшему собственными глазами доказательство истинны своей религіи.

Проведя нѣсколько времяни въ молитвѣ, онъ всталъ, и окинувъ глазами вкругъ себя, искалъ пустынника, приведшаго его въ это таинственное, священное мѣсто. Онъ увидѣлъ его, съ покровенною головою, тѣмъ самымъ покрываломъ, которое онъ накинулъ на него, уни-

чиженно простертаго на порогѣ двери придѣла, которой, казалось, онъ не смѣлъ переступить. Величайшее благоговѣніе, глубочайшее раскаяніе изъявлялось его положеніемъ, какъ человѣка повергнувшагося во прахъ внутреннимъ чувствомъ. Сиръ Кеннетъ приписалъ это смиренію, покаянію и раскаянію, возмогшимъ преклонить такой гордый духъ и могущественный станъ.

Онъ подошелъ къ нему, чтобы заговорить съ нимъ; но пустынникъ, какъ бы предвидя его намѣреніе, сказалъ ему изъ-подъ покрывала глухимъ голосомъ, котораго гулъ подобился отголоску усопшаго въ могилѣ:— Погоди! погоди! щастливецъ, могущій имъ быть! Видѣніе еще не кончилось.—При этихъ словахъ онъ всталъ, удалился съ порога, гдѣ лежалъ онъ простертый, и толкнулъ дверь придѣла, затворяющуюся внутри пружиною, которой стукъ раздался подъ сводомъ. Дверь эта такъ хорошо была вдѣлана и уравнена въ горѣ, въ которой изсѣченъ былъ придѣлъ, что Сиръ Кен-

нетъ съ трудомъ могъ примѣтить ея отверстіе.

Не зная, что съ нимъ будетъ, но рѣшась дожидаться послѣдующихъ произшествій, Сиръ Кеннетъ расхаживалъ въ уединенномъ придѣлѣ, почти до полуночи. Въ глубокой тишинѣ, когда оканчивается ночь и наступаетъ день, онъ услышалъ, не зная самъ, съ которой стороны происходитъ этотъ звукъ, звонъ колокольчика, подобный тому, когда возносятъ дары при служеніи литургіи. Время и мѣсто дѣлали звукъ этотъ важнымъ и торжественнымъ; и рыцарь, не смотря на свою неустрашимость, удалился въ самую глубину придѣла, противъ олтаря, чтобы безпрепятственно наблюдать, что послѣдуетъ за внезапнымъ этимъ знакомъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ опять отдернулся, и святыня снова представилась глазамъ его. Онъ вторично преклонилъ колѣна съ благоговѣніемъ, и услышалъ пѣніе часовъ, бываемое послѣ заутрени, при Католическомъ служеніи, пѣтое хоромъ женскихъ го-

лосовъ, прежде имъ слышанныхъ. Потомъ замѣтилъ онъ, что голоса слышны были уже не въ отдаленіи, а приближались къ придѣлу, ежеминутно становясь явственнѣе. Наконецъ, равно непримѣтная дверь, какъ и та, въ которую онъ вошелъ, растворилась по другую сторону олтаря, и голоса, составлявшіе хоръ, свободнѣе раздались подъ сводомъ придѣла.

Рыцарь устремилъ глаза свои на эту дверь съ сильнымъ волненіемъ, перерывающимъ его дыханіе, не перемѣняя своего положенія, приличнаго святости мѣста и важности зрѣлища, дожидаясь, что послѣдуетъ за этими приготовленіями. Казалось ходъ готовился вступить въ придѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ сперва выступившихъ четырехъ прелестныхъ дѣтей, которыхъ обнаженныя руки, шея и ноги, были очень смуглы, составляя разительную противуположность съ тюниками, бѣлизною подобящимися снѣгу, на нихъ надѣтыми. Они шли попарно. Передовые несли кадильницы, кадя ими, которыхъ куреніе еще боль-

ше увеличивало разливающееся благовоніе; двое послѣдующихъ усыпали полъ цвѣтами.

За ними шли въ приличномъ порядкѣ, степенно, женщины составлявшія хоръ; шесть изъ нихъ, судя по черному ихъ одѣянію и покрывалу такого же цвѣта, казалось были монахини ордена *Кармелитскихъ горъ*, и такое же число бѣлицъ, подъ бѣлыми покрывалами, какъ бы въ искусѣ находившіяся, или времянно живущія въ монастырѣ, безъ пострига. Первыя держали въ рукахъ большіе чошки, другія, моложе ихъ и стройнѣе, держали въ рукахъ гирлянды въ видѣ малыхъ четокъ, свитыхъ изъ алыхъ и бѣлыхъ розъ. Онѣ обошли вокругъ придѣла, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Кеннета, хотя такъ близко проходили мимо его, что одежда ихъ почти касалась его. Въ продолженіе духовнаго ихъ пѣнія Рыцарь не сомнѣвался, что онъ точно въ какомъ нибудь изъ монастырей, гдѣ по набожности благородные христіанскія дѣвицы въ старину, посвящали себя служенію олтарей. Большая

часть этихъ монастырей были уничтожены, со времяни завоеванія Палестины Магометанами; но нѣкоторые откупясь подарками, или изъ жалости, или изъ презрѣнія побѣдителей, остались, гдѣ и продолжали отшельницы исполнять свои уставы, по данному ими обѣту.

Хотя Кеннету извѣстны были всѣ эти подробности, но святость мѣста и часъ полуночи, удивленіе, произведенное въ немъ неожиданнымъ появленіемъ этихъ святыхъ дѣвъ, шествіе ихъ близь него какъ призраковъ, все вмѣстѣ такъ сильно дѣйствовало надъ нимъ, что онъ съ трудомъ могъ повѣрить самому себѣ, чтобы видѣнная имъ процессія была составлена изъ земныхъ существъ; ему казалось, что онъ видитъ и слышитъ Ангеловъ, прославляющихъ Творца вселенной, которому поклоняется вся тварь.

Такъ думалъ Рыцарь, тогда какъ процессія проходила мимо его, и ни одна изъ нихъ, казалось, не пошевелила рукой, не тронулась ногой, при тускломъ свѣтѣ курящихъ лампадъ, въ дыму курящагося фиміама, сгуща-

ющаго воздухѣ вѣ придѣлѣ; онѣ какѣ бы плыли, не касаясь земли.

Но когда во второй разѣ онѣ обходили вкругѣ олтаря, и поровнялись сѣ нимѣ, то у одной изѣ юныхѣ дѣвѣ, подѣ бѣлымѣ покрываломѣ, оторвалась отѣ цвѣточныхѣ четокѣ, распуколка розѣ, проскользнувѣ изѣ руки, и упала прямо передѣ Рыцаремѣ. Кеннетѣ затрепеталѣ, какѣ бы проняженный вдругѣ стрѣлой; когда мы сильно бываемѣ растроганы, то малѣйшая нечаянность можетѣ встревожить всѣ чувства. Но вообраденіе его утихло, когда онѣ размыслилѣ, какѣ легко могла случиться такая маловажная вещь, безѣ всякаго умысла, совсѣмѣ нечаянно, которая только отѣ единообразнаго шествія процессіи здѣлалась замѣчательною.

Однакожѣ, тогда какѣ процессія вѣ третій разѣ обходила вкругѣ олтаря, глаза и мысли Кеннета исключительно слѣдовали за бѣлицею, уронившею цвѣтокѣ. Она столько походила походкою, стройностію и ростомѣ на прочихѣ бѣлицѣ, что не возможно было замѣтить между

ними никакого различія. Но сердце Кеннета затрепетало, какъ бы въ подтвержденіе его предчувствія, что молодая особа, шедшая во второй паръ съ правой стороны, не только милѣе ему бывшихъ тутъ, но и всѣхъ женщинъ. Романическая любовь, какою полагали ее въ тѣ времяна, и по уставамъ Рыцарства, совершенно согласовалась съ набожностью того вѣка. Можно положительно сказать, что обѣ душевныя эти склонности, не только не вредили, но способствовали одна другой.

И такъ съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ Сиръ Кеннетъ вторичнаго подтвержденія присудствія той женщины, которая подала ему первый знакъ. Хотя время третьяго обхода процессіи кругомъ придѣла было и непродолжительно, но каждая минута казалась Рыцарю цѣлымъ вѣкомъ. Наконецъ та, за которою слѣдовалъ онъ глазами съ безпрерывнымъ вниманіемъ, снова поровнялась съ нимъ. Не было никакого различія въ покровенномъ станѣ ея отъ подругъ ея, но когда проходила она

въ третій разъ мимо Кеннета, стоявшаго на колѣняхъ, то прелестная ручка, подающая высокое понятіе о соразмѣрности всѣхъ красотъ обладательницы ея, выставилась изъ-подъ складокъ флероваго покрывала, подобно блестящему лучу яснаго мѣсяца, проскользнувшему изъ густыхъ облаковъ въ лѣтнюю ночь, и распуколка розъ еще разъ упала передъ Рыцаремъ Барса.

Вторичный этотъ знакъ не могъ уже быть нечаяннымъ; не случайно обнажилась рука, совершенно сходственная съ тою, которой однажды коснулись уста его, а сердцѣ молча поклялось въ вѣчной вѣрности. Утвердительнымъ доказательствомъ, что онъ не обманывался, служилъ ему и драгоцѣнный яхонтъ, блиставшій на бѣлоснѣжномъ пальцѣ, котораго малѣйшее мановеніе предпочелъ бы онъ всѣмъ дорогимъ каменьямъ. Случайно или умышленно, но локонъ темнорусыхъ прекраснѣйшихъ волосъ мелькнулъ, изъ подъ покрывала той, которой одинъ волосокъ драгоцѣннѣе былъ для него цѣпи, слитой изъ чистаго золота.

Такъ, это была она самая, предметъ всѣхъ помышленій его. Но онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ зашла она въ эту дикую, не обитаемую пустыню, какъ очутилася посреди дѣвъ, посвятившихъ жизнь свою уединенію, скрывающихся въ пещерѣ, для исполненія данныхъ ими обѣтовъ.

Между тѣмъ, какъ Рыцарь углублялся въ мысляхъ своихъ, процессія выходила изъ предѣла въ тѣ же двери, въ которые она вошла. Наконецъ и подавшая ему вторичный знакъ также скрылась; но при выходѣ изъ двери, она повернула голову, оборотясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ онъ неподвижно какъ истуканъ. Еще съ минуту повѣяло ея покрывало, потомъ все изчезло, и душа его погрузилась во мракъ, подобный простершемуся вдругъ вокругъ него; едва переступила черезъ порогъ послѣдняя бѣлица, какъ дверь со стукомъ затворилась; пѣніе хора умолкло, всѣ лампады погасли, и онъ остался во тьмѣ.

Но уединеніе, темнота и неизвѣстность таинственнаго его положе-

нія, были ни что для Кеннета; онъ не помышлялъ, не тревожился о томъ; ни о чемъ не думалъ, кромѣ призрака, промелькнувшаго въ глазахъ его. Наклонясь на полъ, онъ отъискалъ цвѣты, уроненные юною бѣлицею, прижималъ ихъ попеременно къ губамъ своимъ и къ сердцу, съ нѣжностью цѣловалъ холодный камень, по которому она ступала, словомъ, дѣлалъ всевозможные съумазбродства, внушаемыя любовью и ею оправдываемыя въ тѣхъ, которые предаются ей; они означаютъ страстную любовь, свойственную всѣмъ вѣкамъ. Особеннымъ было лишь то въ Рыцарскія времяна, что не смотря на безмѣрный восторгъ, Рыцарю и на умъ не приходило преслѣдовать предметъ своей любви. Онъ помышлялъ о ней, какъ о божествѣ, которое удостоивъ минутнымъ присудствіемъ приверженнаго своего обожателя, сокрылось въ святилищѣ; какъ о планетѣ, имѣющей сильное вліяніе на судьбу его, которая въ щастливую минуту проливъ на него благосклонный лучь, сокрылась въ облакахъ. Владычица души его была для него

превосходное существо, котораго движеній онъ не долженъ былъ ни подсматривать, ни приневоливать; оно по собственному произволу могло радовать его присутствіемъ своимъ, или сокрушать своимъ отсутствіемъ; оживлять своею ласкою, или приводить въ отчаянье своею суровостью. Да оно и не потерпѣло бы другихъ докукъ и представленій, кромѣ сердечныхъ услугъ и битвъ за славу ея, отъ избраннаго ею благороднаго Рыцаря; а у него не было другой цѣли въ жизни, какъ покорствовать ея велѣніямъ, и знаменитыми своими подвигами умножать славу своей возлюбленной.

Таковы были уставы, налагаемые рыцарствомъ и любовью, служившею ему главнымъ правиломъ. Но другія обстоятельства, гораздо важнѣйшія придавали больше романизма привязанности Сиръ Кеннета къ его обладательницѣ. Онъ никогда не слыхивалъ звука ея голоса, хоть и часто съ восторгомъ видалъ ея прелести. Она жила въ высшемъ кругу, въ который рыцарское званіе хоть и позволяло ему имѣть до-

ступъ, но онъ не былъ его сочленомъ; и какъ бы ни отличался онъ храбростью, мужествомъ, какъ бы ни велико было знаніе его въ воинскомъ искуствѣ, бѣдный Шотландскій воинъ принужденъ былъ поклоняться божеству своему почти въ такомъ же разстояніи, какое находится между Персіаниномъ и свѣтиломъ дня.

Но гдѣ найдется женщина, какого бы знатнаго ни была она поколѣнія, которая не замѣтила бы страстной приверженности обожателя своего, какъ бы ни велико было различіе ихъ званій? Она устремляла на него глаза свои на ристалищахъ. Она слушала похвалы о немъ въ донесеніяхъ, о бывавшихъ битвахъ каждый день; и тогда какъ Лорды, Графы и Герцоги оспоривали другъ у друга ея благосклонность, она сначала, статься можетъ, невольно, и даже по незнанію, изливала ее на бѣднаго рыцаря Барса, котораго все имущество состояло въ копьѣ. Все видѣнное, слышанное ею достаточно было для одобренія ея привязанности, прокравшейся въ ея серд-

це безъ вѣдома ея. Хвалили ль лицемъ кого изъ рыцарей, що самыя степенныя дамы воинственнаго Англійскаго Двора, отдавали преимущество Шотландцу Кеннету; и не смотря на щедрые подарки, какими награждали Перы и Владѣтели воспѣвавшихъ ихъ Бардовъ, случалось иногда, что безпристрастіе, овладѣвъ душею пѣвцевъ, заставляло ихъ прославлять мужество великодушнаго воина, которой не въ состояніи былъ одарить ихъ ни парадною лошадью, ни богатою одеждою за получаемыя отъ нихъ похвалы.

Минуты, въ которыя слушала она похвалы на щетъ ея обожателя, мало по малу здѣлались драгоцѣнными благородной Эдифѣ; онѣ развлекали ее отъ утомительнаго ласкательства, обременявшаго слухъ ея, служа поводомъ къ тайнымъ думамъ о воинѣ, отличенномъ общею молвой отъ прочихъ, помрачавшихъ его знатностью своею и богатствомъ. По мѣрѣ какъ вниманіе ея увеличивалось, хоть и съ осмотрительностію, на Сиръ Кеннета, она часъ отъ часу больше увѣрялась въ его

привერженности къ ней; она утвердительно полагала, видѣть въ Шотландскомъ рыцарѣ предназначеннаго ей судьбою, съ которымъ въ щастіи и нещастіи, (какъ ни угрожало ей будущее опасностьми), должна была раздѣлять она страстную любовь; этому-ту чувству стихотворцы того вѣка приписывали неограниченное могущество; тогдашніе нравы и обычаи поставляли его почти на ряду съ набожностію.

Не станемъ скрывать истинны отъ нашихъ читателей. Когда Эдифъ узнала хорошенько положеніе собственнаго сердца, то какъ ни горделивы были чувствованія молодой дѣвицы, родственницы Англійскаго Короля; какъ ни удовлетворительно было для ея самолюбія видѣть себя предметомъ, хоть и безмолвнаго, но непрерывнаго обожанія отличеннаго ею рыцаря; однакожъ были минуты, въ которыя сердце любящей и взаимно любимой женщины, роптало на принужденіе, налагаемое на нее знатностью ея и положеніемъ, заставляя ее даже охуждать робость ея обожателя,

рѣшившагося, по видимому, не переступать положенныхъ имъ границъ. Знаменитость ея рода, сопряженныя съ нимъ приличія, провели вкругъ нее магическую черту, за которую Сиръ Кеннетъ хоть и могъ бросить взглядъ почтительнаго обожанія, но не смѣлъ переступить ее, какъ призываемый духъ остается за чертой, назначенной ему жезломъ могущественнаго волшебника.

Невольно поселилась въ ней мысль, что ей самой должно рѣшиться здѣлать первый шагъ за предѣлы, положенные ея обожателемъ, если она хочетъ доставить такому робкому и скромному рыцарю случай, получить отъ нее малѣйшую благосклонность, состоящую хоть въ томъ, чтобъ поцѣловать ленточку башмаковъ ея. Поводомъ къ тому служилъ ей извѣстный примѣръ дочери одного Венгерскаго Короля, которая также великодушно одобрила исканія щитоносца низкаго происхожденія; а Эдифъ, хоть и происходила отъ Царской крови, но не Королевская дочь была, и любезный

ея былъ не знатнаго, но благороднаго поколѣнія; и такъ судьба не положила взаимной ихъ склонности неизмѣримой преграды. Однакожъ, скромная гордость, оковывающая самую любовь, обитала въ душѣ ея, запрещая ей, не смотря на преимущества ея званія, подавать повода, когда самая разборчивость требуетъ, чтобы мущина объяснялся прежде женщины въ любви. При томъ же, Сиръ Кеннетъ былъ такъ достоинъ уваженія, или покрайности, столько заслуживалъ быть уважаемымъ, какъ ей представлялось, и зналъ такъ хорошо обязанности, долгъ свой, въ отношеніи къ ней и самому себѣ, что какъ ни принужденна казалась она при знакахъ его обожанія, (подобно божеству, котораго не надѣются ни умилостивить, ни преклонить), однакожъ страшилась поспѣшностью своей унизиться въ глазахъ страстнаго ея обожателя.

Часто идолопоклонникамъ представляется, будто они видятъ умиленіе въ неподвижныхъ чертахъ мраморныхъ своихъ идоловъ, то не удивительно, что и рыцарю иногда

казалось, будто благосклонность изливается въ блистательномъ взорѣ прелестной Эдифы, которой красота состояла больше въ выразительности, нежели правильныхъ чертахъ и тѣни лица. Не смотря на строгой ея надзоръ надъ самой собою, она невольно подала Сиръ Кеннету нѣсколько легкихъ знаковъ предпочтенія, а иначе какъ могъ бы онъ увѣриться, что два цвѣтка, уроненные ею близь него, должны были служить ему примѣтою, что она узнала его.

Мы не возмемъ на себя труда истолковывать, посредствомъ какихъ непримѣтныхъ знаковъ, какого рода взглядами, какими тѣлодвиженіями, какою таинственною наукою любви, основалась между Эдифью и ея обожателемъ такая степень взаимности, потому что волосы наши начинаютъ сѣдѣть, зрѣніе притупляется, и мы не въ силахъ разсмотрѣть легкихъ признаковъ любви, которые не ускользаютъ отъ быстрыхъ взоровъ пылкой юности. Довольно если скажемъ, что взаимная склонность существовала между

обоими влюбленными, хотя они ни слова еще не говаривали другъ съ другомъ, хотя Эдифъ воздерживала склонность свою, зная очень, какія преграды разлучаютъ ихъ и какимъ опасностямъ можетъ ихъ подвергнуть взаимная привязанность; а рыцарь умѣрялъ пылкость свою, тысячьми сомнѣній, опасаясь слишкомъ увеличивать легкіе знаки предпочтенія со стороны ея, между которыми бывали очень длинные промежутки наружной холодности, происходившей отъ страха быть примѣченной другими, и опасенія подвергнуть непріятностямъ своего обожателя, или чтобы не лишиться и тѣни его уваженія, обнаруживъ готовность свою соотвѣтствовать его склонности.

Такое продолжительное отступленіе отъ нити происшествій, можетъ статься покажется неумѣстнымъ, но оно необходимо для нашего повѣствованія, и можетъ послужить истолкованіемъ взаимности, если выраженіе это не слишкомъ сильно, которая существовала между обоими влюбленными, когда не-

ожиданное присутствіе Эдифи въ придѣлѣ произвело такое глубокое впечатлѣніе надъ Сиромъ Кеннетомъ.

КНИГА V.

„Существа, призываемыя чернокнижничествомъ, тщетно мечтами преслѣдуютъ насъ: не подъ шатромъ, и не въ станѣ воиновъ ужасаются Астораша и боятся Термаганта.“

Вортонъ.

Глубочайшее молчаніе и густая тьма, продолжали больше часу царствовать въ придѣлѣ, гдѣ мы оставили рыцаря Барса на колѣняхъ, то возносящаго мольбы свои къ небесамъ за оказанныя ему милости, то благословляя обладательницу свою, за изъявленную ему благосклонность. Безопасность его, его участь, рѣдко озабочивавшія его, ни мало и тогда его не занимали. Лади Эдифъ была по близости отъ него; она удостоила его вниманіемъ своимъ; онъ стоялъ въ томъ мѣстѣ, которое освящалось величайшею святынею;

воинъ Христовъ, страстный любовникъ, не могъ ничего страшиться, долженъ будучи пещись только объ исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и къ любезной.

По прошествіи означеннаго нами времяни, звукъ пронзительнаго свистка, подобный тому, какимъ ловчіе скликаютъ соколовъ, раздался подъ сводами придѣла. Такіе звуки не приличествовали святости мѣста, и заставили Кеннета изготовиться къ оборонѣ. Онъ тотчасъ всталъ, ухватился за кинжалъ. Что то хрустнуло, какъ бы блокъ поднялся или опустился, и свѣтъ, выходящій изъ отверстія пола, доказывалъ ему, что поднималась или опускалась западня. Въ то же мгновеніе, длинная, сухощавая рука, обнаженная до локтя, покрытая съ плеча рукавомъ красной матеріи, показавшись изъ отверстія, простерлась, держа лампаду; существо, чья была рука, всходя по лѣстницѣ, вскорѣ переступило на полъ. Видъ и лице его изображали уродливаго карла, котораго огромная голова покрыта была колпакомъ, украшен-

нымъ страннымъ образомъ тремя павлиными перьями; красное его платье, разшитое золотомъ, увеличивало его безобразіе. На рукахъ его были по двѣ золотыя браслеты; а на бѣломъ шелковомъ поясѣ, висѣлъ кинжалъ съ золотою рукояткою.

Странное это существо, держащее въ лѣвой рукѣ родъ вѣника, вышедъ изъ отверстія, остановилось неподвижно; и какъ бы желая явственнѣе показаться, поднесло къ лицу своему и ко всему корпусу лампаду, освѣщающую дикія, нескладныя черты его, и уродливое, но плотное туловище. Не смотря на безобразную наружность, карла казался силенъ и проворенъ.

Тогда какъ Сиръ Кеннетъ устремилъ глаза свои на отвратительное это созданіе, то ему пришло на умъ суевѣрное преданіе о Гномахъ или духахъ, живущихъ въ подземныхъ пещерахъ; и наружность представшаго глазамъ его, столько соотвѣтствовала этому заключенію, что онъ смотрѣлъ на него съ отвратительнымъ ужасомъ, происходящимъ

не отъ страха, но отъ изумленія, которое поселяется видѣніемъ сверьхъ-естественныхъ существъ въ самыхъ неробкихъ душахъ.

Карла просвисталъ въ другой разъ, вызывая такимъ образомъ изъ подземелья другое существо, такой же отвратительной наружности. Оно всходило въ придѣлъ, также по лѣстницѣ, но казалось по рукѣ женщиною, держащею лампаду, выставляющеюся изъ подземелья, и ростомъ, станомъ совершенно походило на своего товарища. Платье ея также было изъ красной матеріи, самаго страннаго покрою, и на подборъ, какъ у балетчицы или фокусницы. Равно какъ и товарищь ея, по входѣ своемъ въ придѣлъ, она подносила лампаду къ лицу своему и всему корпусу. Но не смотря на безобразіе и уродливость свою, казалось была еще проворнѣе и острѣе своего товарища. Вдавшіеся глаза ихъ сверкали подъ густыми черными бровями, какъ взоръ ехидны, вознаграждая ихъ зоркимъ взглядомъ за отвратительную наружность.

Сиръ Кеннетъ стоялъ какъ вкопанный въ то время, когда эта пара, обходя кругомъ придѣлъ, одинъ подлѣ другаго, повидимому отправляли должность слугъ, метя полъ; но какъ они мели одною рукою, кривляясь и ломаясь, то труды ихъ оставались тщетными. Когда поровнялись они съ рыцаремъ, то положили вѣники свои на полъ, и ставъ рядомъ предъ нимъ, двигали лампады, держащія въ рукахъ, какъ бы для лучшаго освѣщенія лицъ своихъ, которыя и впрямь какъ и въ бокъ, равно были безобразны, лишь бѣглые, черные глаза ихъ, ярко блистали. Потомъ, направляя лампады для обозрѣнія рыцаря, и осмотрѣвъ его со вниманіемъ, они обернулись другъ къ другу захохотавъ пронзительнымъ, дикимъ голосомъ, раздавшимся въ ушахъ его. Звуки ихъ хохота были такъ необыкновенны, что Сиръ Кеннетъ вздрогнулъ, и поспѣшно спросилъ ихъ, заклиная именемъ Божіимъ, отвѣтствовать, кто они, и по чему нарушаютъ должное почтеніе къ священному этому мѣ-

сшу, своимЪ коверканьемЪ и омерзишельнымЪ хохошомЪ?

— Я карла НебекшамюсЪ, ошвѣчалЪ уродЪ мужескаго пола, голосомЪ соошвѣшсшвующимЪ безобразной его наружносши, подобно краканью чернаго ворона, раздающемуся вЪ глухой часЪ полуночи.

— А я, Женевьева, владычица души его, сказала карлица динимЪ голосомЪ, гораздо произишельнѣйшимЪ вЪ сравненіи сЪ ея шоварищемЪ.

— За чѣмЪ вы здѣсь? спросилЪ рыцарь, сомнѣваясь, сЪ человѣками ли говоришЪ онЪ.

Я, ошвѣчалЪ сшепенно карла, принявЪ на себя важный видЪ, двенадцашый ИманЪ, МагомешЪ Могадѣ, пушеуказашель и проводникЪ правовѣрныхЪ. Сшо изукрашенныхЪ коней ожидающЪ меня, и свишу мою, вЪ свяшомЪ градѣ, и шакое же число вЪ священномЪ убѣжищѣ; я посланЪ во свидѣшельсшво бывшаго, и вошЪ одна изЪ моихЪ Гурій.

— Ты лжешЪ, вскричала карлица, произишельнѣйшимЪ голосомЪ прошивЪ прежняго. Я не Гурія швоя, а

ты не изъ числа гнусныхъ Музульмановъ, поклонниковъ Магомета. Да будетъ проклятъ гробъ его! Говорятъ тебѣ, оселъ Иссагарской, что ты Король Артуръ, похищенный волшебницами съ поля битвы Авилонской, а я Женевьева, столько прославившаяся красотой своей.

— По правдѣ сказать, благородный рыцарь, сказалъ карла, мы, злополучные Принцъ и Принцесса, живущіе подъ крыломъ Гюя, Короля Іерусалимскаго, покуда невѣрныя собаки не согнали его съ собственнаго его гнѣзда. Да разразитъ ихъ небесный громъ!

— Молчите! сказалъ голосъ, раздавшійся съ той стороны, откуда рыцарь вошелъ въ придѣлъ; молчите, дураки; ступайте вонъ, работа ваша кончилась.

По данному приказанію карлы проговоривъ нѣсколько словъ другъ съ другомъ дикимъ, грубымъ голосомъ, задули свои лампы, оставивъ рыцаря въ совершенной темнотѣ, за которою послѣдовала глубочайшая тишина, какъ скоро, по удале-

нїи ихъ, гулъ шаговъ ихъ пересталъ раздаваться.

Уходъ нещастныхъ этихъ созданій, послужилъ облегченіемъ рыцарю. Судя по наружности ихъ, ихъ словамъ и поступкамъ, онъ не сомнѣвался, что они принадлежатъ къ числу жалкихъ уродовъ, которыхъ по безобразїю и глупости держутъ въ знатныхъ домахъ, гдѣ они служатъ забавою всѣхъ домашнихъ и самихъ господъ. Напитанный предразсудками своего вѣка, Шотландской рыцарь, во всякое другое время, охотно бы и самъ позабавился глупостьми жалкихъ этихъ созданій; но на ту минуту ихъ наружность, кривлянья, разговоры перервали глубокія, благочестивыя его размышленія, и онъ чрезмѣрно обрадовался, что они скрылись.

Чрезъ нѣсколько минутъ по удаленіи ихъ дверь, въ которую онъ вошелъ, медленно отворилась, въ отверстіе ея мелькнулъ въ придѣлѣ слабый свѣтъ лампады, поставленной на порогѣ. При тускломъ и дрожащемъ ея свѣтѣ, онъ примѣтилъ человѣка простершаго на полу за

дверми придѣла; подошедъ къ нему ближе, онъ узналъ въ немъ пустынника, который въ этомъ смиренномъ положеніи, вѣрно пробылъ все это время на молитвѣ.

— Все кончилось, сказалъ пустынникъ, услыша приближающагося къ нему рыцаря, и самый злополучный, величайшій грѣшникъ, равно какъ и достойнѣйшій, щастливѣйшій изъ смертныхъ, должны покинуть это святилище. Возьми эту лампаду, иди впереди меня по этой лѣстницѣ, потому что я до тѣхъ поръ не сниму съ себя покрывала, не отверзу глазъ своихъ, покуда не выду изъ священнаго этаго мѣста.

Шотландской рыцарь повиновался въ молчаніи; какое-то неизъяснимое, верховное чувство, объявшее душу его восторгомъ, при воспоминаніи всего имъ видѣннаго, обуздывало его любопытство. Онъ съ большимъ вниманіемъ осматривалъ проходимые имъ таинственные переходы и лѣстницы возвратнаго ихъ пути, спустясь наконецъ во внутреннюю келью пустынника.

— Осужденный преступникЪ возвращается опять вЪ мрачную свою темницу, сказалЪ ФеодорикЪ; ему даруется по времянамЪ нѣкоторое облегченіе, покуда грозный Судія не воззоветЪ его кЪ отчету, и не изрѣчетЪ надЪ нимЪ приговорЪ свой, столько заслуженный имЪ!

Произнеся эти слова, пустынникЪ снялЪ сЪ головы своей покрывало, и при взглядѣ на него, глубокой вздохЪ вылетѣлЪ изЪ груди его. ПоложивЪ покрывало на то мѣсто, откуда онЪ велѣлЪ рыцарю взять его, онЪ сказалЪ Шотландцу отрывистымЪ и даже грубымЪ голосомЪ: — Иди, отдыхай; ты можешЪ предаться сну, ничто не тревожитЪ его; я не долженЪ спать, и не могу.

ПочтивЪ сильное волненіе затворника, СирЪ КеннетЪ удалился вЪ другой покой; но переступая чрезЪ порогЪ, оглянулся назадЪ, и увидѣлЪ, что пустынникЪ, какЪ исступленный, поспѣшно снимаетЪ сЪ себя козью кожу, покрывавшую его плеча, и прежде нежели онЪ успѣлЪ затворить за собою дверь, раздѣлявшую оба покоя,

услышалъ хлопанье бича, которымъ кающійся грѣшникъ бичевался, задушая стоны, исторгаемые болью. Холодный потъ выступилъ у рыцаря, воображая, какъ велико должно быть злодѣяніе пустынника, когда и самыя жесточайшія наказанія, которымъ онъ добровольно подвергался, не могли его загладить, ни ослабить угрызеній совѣсти его терзавшихъ; съ большимъ усердіемъ прочелъ онъ нѣсколько молитвъ, легъ на тюфякъ, взглянувъ на спящаго Музульманина, и утомленный всѣми происшествіями того дня и послѣдующей ночи, скоро заснулъ глубокимъ, крѣпкимъ сномъ.

Проснувшись на завтрешнее утро, онъ бесѣдовалъ съ пустынникомъ о важныхъ дѣлахъ; это совѣщаніе заставило его пробыть еще два дни въ его пещерѣ. Какъ богомолецъ, онъ съ большимъ усердіемъ и набожностью молился, но уже ни разу не былъ призыванъ въ придѣлъ, гдѣ видѣлъ столько различныхъ чудесъ.

КНИГА VI.

„Зрѣлище перемѣняется, да раздаются трубы и литавры, и да воспрянетъ левъ на логовищѣ своемъ.“

Старинная комедія.

Подобно предъидущему стиху, перемѣняется и картина нашего повѣствованія. Отъ уединенныхъ Іерусалимскихъ горъ, мы перейдемъ теперь въ станъ Ричарда, Короля Англійскаго, расположеннаго между Св. Іоанна д'Акрскаго и Аскалономъ, гдѣ заключалось воинство его, съ которымъ Львиное - Сердце предполагалъ торжественно вступить въ Іерусалимъ: предпріятіе его статся можетъ и свершилось бы, еслибъ зависть Христіанскихъ Князей, участвовавшихъ въ крестовомъ походѣ, не предполагала ему преградѣ; неукротимая гордость и надмѣнность Англійскаго Монарха возбуждали въ нихъ негодованіе, увеличивавшееся явнымъ его презрѣніемъ къ владѣтелямъ, которые равны бывъ

сЪ нимЪ могуществомЪ и степенью величія, не равнялись сЪ нимЪ храбростью, мужествомЪ, тведостью и воинскимЪ искуствомЪ. ИхЪ раздоры, особенно же несогласіе, царствующее между РишардомЪ и ФилиппомЪ, КоролемЪ ФранцузскимЪ, возраждали распри и препятствія, опровергавшія всѣ дѣятельныя мѣры, предлагаемыя геройскимЪ, хотя и не укротимымЪ духомЪ Ришарда; а тѣмЪ времянемЪ число крестоноснаго воинства день отЪ дня уменьшалось не только побѣгами солдатЪ, но и отбытіемЪ цѣлыхЪ армій сЪ ихЪ предводителями, которые оставляли предпріятіе свое недовершеннымЪ, не предвидя вЪ немЪ ни малѣйшаго для себя успѣха, ни славы.

Вліяніе климата, какЪ и всегда то бываетЪ, здѣлалось пагубно для солдатЪ, пришедшихЪ сЪ сѣвера, тѣмЪ больше, что развратЪ, своевольство и распутство крестоносцевЪ, составляющія совершенную противоположность сЪ правилами и причинами, побудившими ихЪ кЪ вооруженію, довершали ихЪ погибель

въ знойной этой сторонѣ, гдѣ равно нестерпимы палящій дневный жаръ и непомѣрно холодныя росы. Къ тому же должно присоединить и ущербъ, нанесенный имъ непріятельскимъ оружіемъ. Саладину, знаменитѣйшему полководцу въ восточной Исторіи, бѣдственной опытъ доказалъ, что солдаты его, легко вооруженные, не въ силахъ сражаться въ рукопашномъ бою съ Франками, покрытыми стальною бронею, и что опаснѣйшій изъ всѣхъ сопротивниковъ его, былъ предпріимчивый Ришардъ. Но войска его, хотя и нѣсколько разъ были опрокинуты съ большимъ урономъ, разсѣяны, побиты, однакожъ многочисленностію солдатъ своихъ, онъ всегда одерживалъ верхъ въ легкихъ сшибкахъ, которыя бывали не избѣжны. По мѣрѣ уменьшенія Христіанской арміи, предпріятія Саладина, въ малыхъ сшибкахъ, становились чаще и отважнѣе. Станъ крестоносцевъ былъ окруженъ и почти осажденъ отрядами легкой конницы, подобно рою шмелей, которыхъ не трудно раздавить, когда они попадутся

подъ руку, но у нихъ есть легкія крылья для полета и жало для отмщенія. Продолжались безпрерывныя битвы между передовыми войсками и отрядами Христіанъ, посылываемыми за продовольствіемъ, и множество отличныхъ воиновъ стали жертвою безъ всякой пользы. Отряды крестоносцевъ были перехвачены; сообщенія ихъ прерваны; цѣною жизни должны были они покупать жизненные припасы; а вода, подобно Вифлеемскому источнику, котораго жаждалъ Царь Давидъ, доставалась тогда, какъ и въ тѣ времяна, цѣною крови.

Всѣ эти бѣдствія, нѣкоторымъ образомъ перевѣшивались твердою рѣшимостью и неусыпною дѣятельностію Короля Ришарда, который, съ нѣсколькими изъ храбрѣйшихъ своихъ рыцарей, былъ безпрерывно на конѣ, въ готовности отразить со всѣхъ сторонъ непріятеля, и часто не только подавалъ неожидаемую помощь Христіанамъ, но опрокидывалъ и поражалъ невѣрныхъ въ ту самую минуту, когда побѣда ихъ казалась имъ несомнѣнною. Одна-

ковъ Львиное-Сердце не могъ избѣгнуть вліянія зловреднаго климата, соединеннаго съ безпрерывными утомленіями душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. Медлительная горячка, столько свойственная Азіи, не смотря на чрезмѣрную его крѣпость и сверьхъестественныя силы, овладѣла имъ; сначала онъ не въ силахъ былъ ѣздить верхомъ, а потомъ и предсѣдательствовать въ воинскомъ совѣтѣ крестоносцевъ, созываемыхъ по времянамъ.

Трудно рѣшить, сноснѣе или тягостнѣе было для Англійскаго Монарха невольное его бездѣйствіе, когда на совѣтѣ крестоносцевъ опредѣлено было заключить съ Саладиномъ тритцатидневное перемиріе, потому, что если съ одной стороны раздражался онъ отсрочкою, положенною исполненію великаго его предпріятія, то съ другой, не малымъ служило ему утѣшеніемъ мысль, что сотоварищи его не пожнутъ плодовъ побѣдъ, тогда какъ онъ лежалъ простертый на смертномъ одрѣ болѣзни.

Не извинительнѣе всего казалось Львиному-Сердцу, что лѣнь и безпечность овладѣли станомъ крестоносцевъ, какъ скоро болѣзнь его стала значительна; вынужденные, или лучше сказать исторгнутые имъ свѣденія отъ окружающихъ его свидѣтельствовали, что надежды войска ослабляются по мѣрѣ усиленія его болѣзни, и что время перемирія не на то употреблено, чтобы набирать новыхъ воиновъ, оживлять отважность ихъ, возбуждать въ нихъ мужество, питать ихъ духъ побѣдами, приготовлять ихъ къ быстрому и отважному походу подъ Іерусалимъ, главную цѣль ихъ прибытія въ Палестину, но на огражденія стана уменьшенной арміи палисадами, рвами и прочими укрѣпленіями, какъ бы готовились отражать нападенія грознаго непріятеля, какъ скоро начнутся непріязненныя дѣйствія, вмѣсто того чтобы самимъ приступать къ нападенію и горделиво стать побѣдителями.

Англійской Монархъ скрежеталъ слыша такія донесенія, какъ заклю-

ченный левѣ, видя сквозь желѣзную рѣшетку клѣтки свою добычу; сѣ природы запальчивый и неукротимый, онѣ снѣдаемѣ былѣ пламеннымѣ своимѣ свойствомѣ. Всѣ служащіе при немѣ трепетали его, и лѣчившіе его медики не смѣли взять надѣ нимѣ поверхности, необходимой вѣ лѣкаряхѣ для излѣченія ихѣ больныхѣ. Одинѣ только вѣрный Баронѣ, который, статься можетѣ, по свойству своему, больше другихѣ былѣ привержен ѣ кѣ Королевской особѣ, осмѣлился поставить себя между львомѣ и его гнѣвомѣ, и соединяя кротость сѣ твердостью, сохранялѣ поверьхность свою надѣ Ришардомѣ, которой никто не смѣлѣ взять, опасаясь раздражать его; Фома Мильтонѣ, такѣ назывался Баронѣ, отѣ того овладѣлѣ Ришардомѣ, что онѣ дорожилѣ больше жизнію и честію своего Монарха, нежели его милостію, которою онѣ пользовался, не заботясь лишиться ее, стараясь овладѣть неукротимымѣ больнымѣ, подвергая себя иногда его гнѣву и запальчивости.

Сиръ Фома Гисландской былъ знатный дворянинъ Кумберландскаго Графства; и въ томъ вѣкѣ, когда прозванія, титлы не столько уважались, какъ въ наши времяна, Нормандцы называли его Лордомъ Воксомъ, а Саксонцы, прилѣпленные къ старинному своему нарѣчію, гордясь Саксонскою кровію, текущею равно съ ними въ жилахъ знаменитаго этаго воина, звали его Фомою, или просто Фома Гиль, то есть отъ урочища узкой долины, отъ чего и прозвано Гисландіею, обширное и богатое его помѣстье.

Этотъ Баронъ служилъ почти во всѣхъ бывшихъ походахъ какъ въ Англіи, Шотландіи, такъ и въ междоусобныхъ войнахъ, раздиравшихъ первую; во всѣхъ войнахъ отличился онъ храбростью и ратоборствомъ. Въ другихъ же отношеніяхъ онъ былъ простой служивой, грубый, необразованный, и даже безпечный въ поступкахъ своихъ, суровый и угрюмый, по видимому презиравшій всѣ приличія, чуждый уклончивости царедворца.

Были однакожъ люди, которые полагая проникать въ изгибы человѣческаго сердца, утверждали, будто Лордъ Воксъ былъ не меньше хитръ и честолюбивъ, сколько казался онъ предпріимчивъ и грубъ, и думали, что онъ поддѣлываясь подъ смѣлый, отважный нравъ Короля, умѣлъ владѣть собою, не выходя никогда изъ границъ, чтобъ тѣмъ легче вкрасться въ его милость, достигая до цѣли честолюбивѣйшихъ своихъ намѣреній. Однакожъ, никто не осмѣливался опровергать его замысловъ, естли они и существовали, и состязаться съ нимъ въ усердіи къ Государю, чтобы не подвергнуться непріятностямъ, раздѣляя съ нимъ попеченіе и хожденіе за больнымъ; онъ безотлучно былъ у постели Короля, котораго болѣзнь объявлена опасною; положеніе его становилось тѣмъ затруднительнѣе, что больной этотъ былъ Львиное - Сердце, скрежещущій зубами отъ нетерпѣливыхъ порывовъ воина, прикованнаго горячькою къ болѣзненному одру, тогда какъ онъ алкалъ славы на полѣ брани, и какъ владѣтель

не въ силахъ былъ распространить своей власти. Что касается до солдатъ, особенно Англійской арміи, то они вообще думали, что попеченія Вокса объ ихъ Государѣ были безкорыстны, какъ воина, который служитъ и помогаетъ своему собрату, движимый воинскою дружбою, соединяющею тѣхъ, которые каждый день подвергаются равнымъ опасностямъ.

Подъ вечеръ одного достопамятнаго, знойнаго Сирійскаго дня, Ришардъ лежалъ простертый на одрѣ болѣзни, здѣлавшейся равно нестерпимою его духу, какъ и страданію, отъ которыхъ изнемогло все тѣло его. Большіе голубые глаза его, блиставшіе всегда необыкновеннымъ огнемъ, сверкали быстрѣй отъ волненій распалявшей его горячьки, изъ-подъ длинныхъ кудрей рыжихъ волосъ, віющихся по чѣлу и всему его лицу, закрывавшему его, какъ лучи яркаго солнца пробиваются сквозь громовые тучи; на мужественныхъ чертахъ его, означались глубокія слѣды снѣдающей его болѣзни; всклокоченная борода и усы, закрывали губу

и подбородокЪ его. Ежеминутно перемѢняя свое положеніе, онЪ то надвигалЪ на себя покрывало, то сЪ негодованіемЪ отбрасывалЪ его; постель его вЪ безпорядкѢ, нетерпѢливыя его движенія, порывы, означали непомѢрную живость, пылкій нравЪ и безпрерывную дѣятельность.

Близь него былЪ Фома ВоксЪ, котораго положеніе, поступки и физіономія, составляли разительную противуположность сЪ больнымЪ МонархомЪ. РостЪ его былЪ гораздо выше обыкновеннаго, а волосы густотою и длиною могли бы сравниться сЪ Самсоновыми, только со времяни обстриженія Филистимлянами Израильскаго силача; ВоксЪ обрѢзывалЪ волосы свои вЪ кружекЪ, чтобы удобнѢе подбирать ихЪ подЪ шишакЪ. БлескЪ черныхЪ глазЪ его, могЪ уподобиться осеннему утру, и выражаемое на нихЪ спокойствіе, нарушалось только на мгновеніе, когда онЪ усматривалЪ нетерпѢливые порывы и сильное волненіе Ришарда; черты его, хотя и грубыя, равно какЪ и всѢ ужимки его, статься можетЪ, вЪ свое время были и красивы, но руб-

цы сабельныхЪ ударовЪ, пересѣкались на нихЪ сЪ морщинами. Верьхняя губа его, по обычаю Нормандцевъ, покрыта была густыми, длинными усами, достающими почти до головныхЪ волосЪ, темнаго цвѣта сЪ просѣдью. Тѣло его было такЪ твердо, что онЪ смѣло могЪ преодолѣвать всѣ трудности и климаты. СтанЪ его былЪ ровный, грудь широкая и мочныя, руки длинныя, и всѣ члены одаренные необыкновенною крѣпостью.

Больше трехЪ ночей не снималЪ онЪ сЪ себя замшеннаго колета, и отдыхЪ его состоялЪ вЪ мгновенномЪ снѣ, когда выдавалась на то свободная минута при больномЪ Королѣ. ОнЪ почти не перемѣнялЪ своего положенія, вставая только изрѣдка для поднесенія питья или лѣкарства нетерпѣливому Ришарду, котораго никто другой не могЪ склонить кЪ тому; вЪ ласковыхЪ его убѣжденіяхЪ, при всей его неловкости, было что-то трогательное, тѣмЪ больше, что хожденіе за больнымЪ ни мало не согласова-

лось съ воинскими его привычками и грубымъ нравомъ.

Шатеръ, въ которомъ они оба находились, представлялъ глазамъ, сообразно духу того вѣка и свойству Ришарда, больше воинской простоты, нежели Королевской пышности. Оборонительныя и наступательныя орудія, совсѣмъ новаго рода и необычайнаго вида, были разбросаны въ палаткѣ, или привѣшены къ поддерживающимъ его столбамъ. Кожи убитыхъ звѣрей на травлѣ, разостланы были по полу, или вывѣшены по бокамъ за шатромъ; на грудѣ этихъ кожъ, какъ на тронѣ, лежали три борзыя собаки, называвшіяся по тогдашнему *Аланами*, огромныя и бѣлыя какъ снѣгъ. Израненые ихъ лбы звѣриными когтями, въ знакъ ихъ борьбы съ лѣсными обитателями, служили яснымъ доказательствомъ ихъ участія въ одержанной надъ ними побѣдѣ, и по временамъ устремленные ихъ глаза съ выразительностію на Ришарда, ихъ отверстыя челюсти, какъ бы обнаруживали ихъ удивленіе и горесть, что они осуждены раздѣ-

лять съ нимъ праздность и бездѣйствіе.

Всѣ эти предметы означали только воина и звѣролова; на маленькомъ столѣ, близь постели, лежалъ трехъ-угольной стальной щитъ, съ изображеніемъ трехъ бѣгущихъ львовъ, которыхъ Монархъ-Рыцарь выбралъ себѣ гербомъ, и золотая діадема, больше похожая на Герцогскую корону, отличающеюся отъ нее только возвышеніемъ передовой части отъ задка, которая, съ пунцовою бархатною шитою порфирою, были тогда знакомъ Англійской державы. Подлѣ нихъ, какъ бы въ защиту Царскихъ правъ, стояла грозная палица Львинаго-Сердца, которой тяжесть не вынесла бы ни чья другая рука.

Во внутреннемъ отдѣленіи Королевскаго шатра, были безсмѣнно два или три чиновника Королевскаго дома, тревожавшіеся о болѣзни своего Государя, а можетъ, быть и безпокоющіеся о собственной участи, если онъ скончается. Мрачныя ихъ опасенія, переливались и на стражу, ходящую взадъ и впередъ у

входа шатра съ пасмурнымъ и печальнымъ видомъ, или, опершись на свои алебарды, стоявшею неподвижно на часахъ, подобясь больше окаменѣлымъ воинамъ, нежели живымъ людямъ.

— И такъ, пріятнѣйшихъ нѣтъ у тебя вѣстей, Сиръ Фома? сказалъ Король послѣ продолжительнаго его волненія, молчанія и порывовъ горячки. Всѣ наши Рыцари превратились въ женщинъ; всѣ наши женщины здѣлались ханжами, и во всѣхъ ратникахъ не осталось ни одной искры мужества или приверженности къ нѣжному полу, чтобы одушевить станъ отборнѣйшихъ воиновъ въ Европѣ. Ахъ!...

— Государь, отвѣчалъ Воксъ, съ терпѣніемъ повторяя то же замѣчаніе въ дватцатый разъ, перемиріе обуздываетъ пылкой духъ мужества; что ка[illegible]ется до женщинъ, то не бывъ ихъ обожателемъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, я рѣдко мѣняю сталь и колетъ свой на золото и бархатъ; знаю только, что славнѣйшія наши красавицы сопутствуютъ Ея Величеству, Королевѣ

и Принцессѣ, на богомолье ихъ въ Энгадской монастырь, по данному ими обѣту, о выздоровленіи Вашего Величества.

—Такъ ли, вскричалъ Ришардъ съ нетерпѣніемъ, возбужденнымъ въ немъ болью, жены и дочери Королевской крови отваживаютъ честь свою и безопасность въ странѣ, оскверненной язычествомъ, гдѣ въ жителяхъ нѣтъ ни малѣйшей совѣсти, ни уваженія къ человѣчеству, какъ нѣтъ капли усердія къ истинному Богу.

— Вы забыли, Государь, отвѣчалъ Воксъ, что ихъ безопасность ограждается даннымъ словомъ Саладина.

— Правда, правда, возразилъ Ришардъ, я проступился передъ Султаномъ, и долженъ загладить предъ нимъ вину свою. Ахъ! далъ бы Богъ подняться мнѣ на ноги, тогда бы я оправдался предъ нимъ посреди обѣихъ нашихъ армій, въ присудствіи Христіанъ и язычниковъ.

Говоря такимъ образомъ, Ришардъ выставилъ руку свою, обнаженную до плеча, и съ трудомъ приподняв-

шись на постелѣ, сжалъ кулакъ свой, какъ бы держа въ рукѣ мечь свой или палицу, готовясь разразить чалму Султана, украшенную драгоцѣнными каменьями. Съ большимъ трудомъ и усиліемъ, Воксъ, въ качествѣ надзирателя надъ больнымъ, принудилъ Государя своего прилечь опять на постель, одѣлъ мощную его руку, окутавъ плеча его и шею, съ нѣжной заботливостью чадолюбивой матери, ухаживающей за своенравнымъ дѣтищемъ, и Ришардъ ни отъ кого другаго не стерпѣлъ бы такого насилія.

—Ты нѣсколько жесткой, хоть и усердный хожатый, сказалъ Король съ горькою усмѣшкою, уступая однакожъ силѣ Вокса, не въ состояніи будучи ему противиться; мнѣ кажется, старушечій чепчикъ приличнѣе былъ бы къ лицу твоему, а ко мнѣ ребячій свивальникъ; тогдабъ мы оба стали похожи на няньку съ дитятей, вмѣсто пугаловъ красавицъ.

—Насъ много уже разъ пугались мущины, отвѣчалъ Лордъ Воксъ, и я надѣюсь, Государь, что мы проживемъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ

на страхъ имъ. И что значитъ припадокъ горячки? Стоитъ только немного потерпѣть, чтобы скорѣе отъ нее избавиться.

—Припадокъ горячки! вскричалъ съ запальчивостью Ришардъ. Ты вправѣ нѣкоторымъ образомъ называть болѣзнь мою горячкою; но скажи мнѣ, чѣмъ больны всѣ наши Христіянскіе владѣтели, этотъ Филиппъ Французской, тучный Австріецъ, Маркизъ Монтфератъ, Страннопріимцы, Тампліеры? Какая ихъ болѣзнь? Сказать ли тебѣ? Они больны смертельнымъ разслабленіемъ; у нихъ отнялись руки, ноги и головы; они лишились языка, и всѣ члены ихъ онѣмѣли. Рана разтравила ихъ сердца, источила всѣ чувства изящнаго, благороднаго въ самыхъ знаменитѣйшихъ изъ нашихъ воиновъ; она принудила ихъ небречь о данномъ ими священнѣйшемъ обѣтѣ, она охладила ихъ къ славѣ, она заставила ихъ забыть Бога.

—Ради самаго Бога, Государь! говорите тише, сказалъ Воксъ. Васъ слышно за шатромъ. Буйство и такъ уже разпространяется въ войскѣ,

солдаты ропщутЪ и готовы возмутиться, а ваши слова лишь только умножатЪ ихЪ непокорность и возбудятЪ безначаліе, раздоры вЪ Христіянской арміи. Вспомните, что болѢзнь ваша лишаетЪ насЪ главной опоры кЪ достиженію нашей цѢли; гораздо легче управиться безрукому сЪ сѢкирою, нежели Христіянскому войску предпринять какой отважный подвигЪ безЪ помощи Короля Ришарда.

—Ты льстишЪ мнѢ, ВоксЪ, сказалЪ Король; и однакожЪ, не чуждаясь обольстительныхЪ похвалЪ, онЪ склонилЪ голову свою кЪ подушкѢ, сЪ кроткимЪ видомЪ, какЪ бы искавЪ успокоенія.

Но, Фома ВоксЪ не былЪ придворный. Произнесенные имЪ слова вырвались у него нечаянно, и онЪ не зналЪ, какЪ продолжить пріятный этотЪ разговорЪ, чтобы продлить возбужденное имЪ минутное успокоеніе. И такЪ, онЪ замолчалЪ, а Король, предавшись мрачнымЪ своимЪ размышленіямЪ, вскричалЪ наконецЪ сЪ живостью:

—Клянусь БогомЪ! такія расказни хороши только для развлеченія боль-

наго; но за чѣмъ же такому множеству дворянъ, столькимъ Государямъ, всѣмъ Европейскимъ Рыцарямъ оставаться въ бездѣйствіи только для того, что одинъ человѣкъ болѣнъ, хотя этотъ человѣкъ и Англійской Король? Почему болѣзнь или смерть Ришарда, должны удерживать въ бездѣйствіи тридцать тысячь человѣкъ, не меньше храбрыхъ, какъ и онъ? Разбѣгается ли стадо оленей, когда убьютъ вѣдущаго ихъ? Когда ястребъ налетѣвъ на передоваго аиста, схватитъ его когтями, то развѣ другой не заступаетъ его мѣста? За чѣмъ не соберутся начальники, и не изберутъ изъ среды своей, предводителя войскъ?

— Не во гнѣвъ Вашему Величеству, отвѣчалъ Воксъ, я уже слышалъ, что въ Совѣтѣ готовится что-то на это похожее.

— А! вскричалъ Ришардъ, подстрекаемый ревностью, которая направляла къ другимъ предметамъ раздраженный умъ его, такъ я забытъ моими союзниками, прежде нежели отчаялись въ моемъ выздо-

ровленіи? И такЪ меня щитаютЪ уже мертвымЪ? Но, нѣтЪ, нѣтЪ, они правы; кого же избираютЪ они предводителемЪ Христіянской арміи?

—По достоинству и степени, назначается Французской Король, сказалЪ ВоксЪ.

—БезЪ сомнѣнія! Кого же другаго какЪ не Филиппа, Короля Французскаго и Наварскаго! Монтжуа! СентЪ-ДенисЪ, Его Христіянское Величество! этаго довольно, чтобЪ зажать всѣмЪ рты; одно только остается опасенье, чтобы онЪ не ошибся сказать, вмѣсто *впередЪ* друзья! робята *назадЪ,* и не повелЪ бы насЪ обратно вЪ ПарижЪ, вмѣсто приступа кЪ Іерусалиму. ОнЪ давно уже расчелЪ вЪ головѣ своей, что гораздо выгоднѣе притѣснять своихЪ собратовЪ, и грабить союзниковЪ, нежели исхитить изЪ МусульманскихЪ рукЪ гробЪ Господень.

—Можно выбрать и ЭрцЪ-Герцога Австрійскаго.

—Пожалуй исключи его! Ему ли предводительствовать Рыцарей ко славѣ!

—Есть еще Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ, сказалъ Баронъ, доволенъ будучи развлекая мысли больнаго своего Государя, хотя то было и на щетъ Владѣтельныхъ Князей и Королей; онъ свѣдущь, храбръ въ сраженіи, мудръ на совѣтѣ, и не озабоченъ собственными владѣніями, которыя отвлекали бы его отъ завоеванія Святой земли. Какъ вы думаете, Ваше Величество, Гросъ-Мейстеръ достоинъ ли быть полководцемъ Христіянской арміи?

—О! противъ брата Жилля Амори нѣтъ никакого возраженія. Онъ умѣетъ расположить войска, и въ битвѣ сражается храбро впереди. Но, Сиръ Фома, справедливо ли будетъ отнять Святую землю у Саладина, который соединяетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, какія только могутъ вмѣститься въ человѣкѣ, не озаренномъ свѣтомъ истинной религіи, чтобы надѣлить ею Жилля Амори, который больше язычникъ, нежели самъ Султанъ, идолопоклонникъ, еретикъ, служитель сатаны, чернокнижникъ, богоотступникъ; который творитъ гнуснѣйшія, ве-

личайшія преступленія, подъ сокровенными сводами, въ тайныхъ мѣстахъ, посвященныхъ имъ праху и запустѣнію.

—Но Гросъ-Мейстера Страннопріимцевъ, Святаго Іоанна Іерусалимскаго нельзя укоришь ни волшебствомъ, ни расколомъ, ни ересью.

—А скаредная его скупость? Развѣ не подозрѣвали его, и больше нежели подозрѣвали, что онъ продалъ невѣрнымъ выгоды, которымъ никогда бы не удалось имъ получить вооруженною рукою? Повѣрь мнѣ, Фома, гораздо лучше отдать въ продажу Христіянскую армію Венеціанскимъ лоцманамъ, или Лотарингскимъ торгашамъ, нежели ввѣрить ее Гросъ-Мейстеру Іерусалимскаго ордена.

—И такъ, Ваше Величество, мнѣ остается только назвать вамъ одного. Что вы скажете о ловкомъ Маркизѣ Монтфератѣ, этомъ мудромъ, щеголеватомъ, храбромъ воинѣ?

—Мудрый! скажи лучше лукавый, хитрый. Ловкій! да онъ ловокъ въ женскихъ гостинныхъ. Да, да! Конрадъ Монтфератъ! кто незнаетъ этаго женоподобнаго Маркиза? Политикъ и

вертопрахъ, онъ также часто мѣняетъ планы свои, какъ и покрой платья, и ни кто не отгадаетъ по цвѣту епанчи его, какого цвѣта платье надѣто на немъ подъ низомъ. Храбрый воинъ! да, онъ хорошо ѣздитъ верьхомъ, и чудесно сражается на ристалищѣ тупымъ копьемъ. Не со мною ли ты былъ, когда я сказалъ этому ловкому Маркизу: Насъ здѣсь трое надежныхъ Христіянъ, тамъ въ лощинѣ съ шестьдесятъ Сарацинъ; ударимте на нихъ; согласны ль вы? достанется только по двадцати мерзскихъ басурманъ на каждаго храбраго Рыцаря.

—Помню, Ваше Величество; а Маркизъ отвѣчалъ вамъ, что члены его составлены не изъ глины, но изъ бреннаго вещества, и что онъ желаетъ лучше имѣть человѣческое сердце, нежели звѣрское, хотя бы этотъ звѣрь былъ и самъ левъ. Но теперь я ясно вижу, что мы тѣмъ же повершимъ, чѣмъ и начали, что покуда Богу неугодно будетъ возстановить здоровье Короля Ришарда, до тѣхъ поръ не бывать намъ на поклоненіи гроба Господня.

При этомъ важномъ замѣчаніи, Ришардъ захохоталъ, и давно уже такъ не смѣялся онъ.— Вотъ то-то совѣсть! вскричалъ онъ; она заставила тебя, не смотря на тупой твой умъ, вынудить суетное признаніе твоего Государя! Правда, еслибъ ты не выставлялъ мнѣ на показъ всѣхъ этихъ нарядныхъ куколъ, для отнятія у меня предводительскаго жезла, то я не коснулся бы пальцемъ до нихъ. Пусть ихъ щеголяютъ въ своихъ блестящихъ мантіяхъ и порфирахъ, кичатся своимъ величіемъ, лишь бы не состязались со мной въ главномъ моемъ предпріятіи, которому я посвятилъ себя. Такъ, Воксъ, признаюсь тебѣ въ слабости моей и надмѣнномъ себялюбіи. Конечно, въ Христіянскомъ станѣ есть множество Рыцарей превосходнѣе Ришарда Англійскаго, и гораздо бы лучше, благоразумнѣе было ввѣрить предводительство арміи достойнѣйшему изъ нихъ; но, продолжалъ Монархъ, привставая съ постели и сбрасывая съ себя покрывало; глаза его блистали быстрымъ огнемъ, какъ бы онъ былъ

уже въ пылу сраженія и готовился воткнуть крестоносное знамя на стѣнахъ Іерусалима; покуда останется одна капля крови въ жилахъ моихъ, покуда рука эта въ силахъ владѣть оружіемъ, я не допущу, чтобы кто другой осмѣлился опередить меня въ предназначенной мною цѣли, и исхитить у меня торжественную побѣду. Но слышишъ ли ты! что за трубные звуки раздаются тамъ въ отдаленьи?

— Кажется, это трубачи Короля Филиппа.

— Какой у тебя тупой слухъ, Фома, сказалъ Ришардъ, стараясь привстать; не ужъ ли ты не можешъ различить звуковъ? Клянусь Небомъ, Турки подступаютъ къ лагерю, и я слышу дикіе ихъ крики.

Онъ снова старался всѣми средствами привстать съ постели, и Воксъ принужденъ былъ употребить всѣ усилія свои, чтобы удержать его, и даже кликнулъ на помощь дежурныхъ офицеровъ, бывшихъ въ передовомъ покоѣ шатра.

— Ты безчестный измѣнникъ, Воксъ, вскричалъ вѣнценосный Мо-

нархъ, когда въ изнеможеньи выбившись изъ силъ, онъ принужденъ былъ уступить преимущественнымъ силамъ, и улечься въ постелю. Какъ бы я желалъ..... Какъ желалъ бы я имѣть столько силъ, чтобъ схватить сѣкиру, и раздробить тебѣ черепъ.

—Желалъ бы и я, Государь, чтобъ вы въ силахъ были это сдѣлать, хотя бы это служило и къ моей погибели. Христіянство бы выиграло тѣмъ, еслибъ Фома Мюлтонъ былъ убитъ, а Ришардъ Англійскій сдѣлался бы по прежнему здоровъ.

—Добрый и вѣрный мой служитель, сказалъ Ришардъ, протянувъ руку Барону, которую поцѣловалъ онъ съ почтеніемъ; прости Государю своему запальчивость его. Не Ришардъ Англійскій, но горячка его виною такого отзыва. Но выдь пожалуста на минуту, и узнавъ, увѣдомь меня, что за чужестранцы появились во станѣ; трубы эти не похожи на Христіянскія.

Воксъ вышелъ изъ шатра, чтобы исполнить Королевское приказаніе, располагаясь скоро возвратиться

назадъ. Онъ поручилъ офицерамъ, оставленнымъ имъ при Ришардѣ, удвоить попеченія и вниманіе къ Государю, угрожая подвергнуть ихъ отвѣтственности, въ случаѣ какой непріятности: угрозы его, умножая робость и заботливость ихъ, не сдѣлали ихъ способнѣе къ надзору за больнымъ, къ которому не знали какъ приступиться, страшась гнѣва своего Монарха, не меньше боясь и гордаго, неумолимаго Лорда Гисланда.

КНИГА VII.

„Никогда Англія съ Шотландіею не сражались на границахъ, безъ потоковъ крови, орошавшихъ наши пажити, какъ токъ воды текущій въ долъ."

Олтербурнское сраженіе.

Не малое число Шотландскихъ воиновъ присоединилось къ Крестоносцамъ, подъ знамена Англійскаго Монарха, и бывъ также какъ солдаты этаго Государя, Саксонскаго или Нормандскаго поколѣнія, говорили однимъ языкомъ;

нѣкоторые изъ нихъ имѣли помѣстья свои въ Англіи, какъ и въ Шотландіи, и многіе были соединены съ Англичанами узами родства и брака. Къ тому же, незадолго передъ тѣмъ, царствовалъ Эдуардъ I, возбудившій кровопролитныя войны между обѣими народами; Англичане желали поработить Шотландцевъ, а Шотландцы сражались съ твердостью и упорствомъ, свойственнымъ имъ обоимъ, для утвержденія своей независимости, въ самыхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, жертвуя всѣмъ, и на все отваживаясь, прибѣгая къ самымъ насильственнымъ средствамъ. До того времяни, войны между обѣими народами хотя были часты и кровопролитны, но основаны на правилахъ чести, оттѣняемыя уваженіемъ къ явному неприятелю, и снисходительнымъ вниманіемъ, которые облегчая ужасы войны, дѣлаютъ ее сносною. Отъ того и выходило, что въ мирное время, особливо же когда оба народа соединялись для общей пользы, какъ и въ теперешнее время, на пораженіе Музульманъ, по приверженности

своей къ вѣрѣ, воины обѣихъ земель часто сражались рядомъ; народное соревнованіе подстрѣкало ихъ къ отважнымъ подвигамъ, чтобы отличиться другъ передъ другомъ.

Откровенный и воинственный нравъ Ришарда, не дѣлающаго никакого различія между собственными подданными и Александра, Короля Шотландскаго, смотря по воинскимъ ихъ подвигамъ въ сраженіяхъ и приступахъ, много способствовалъ къ привлеченію къ нему войскъ обѣихъ земель. Но во время его болѣзни, и въ трудныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ для крестоносцевъ, народная ненависть стала пробуждаться въ солдатахъ различныхъ земель, соединившихся для крестоваго похода, какъ застарѣлыя раны раскрываются на человѣческомъ тѣлѣ, когда оно истощается болѣзнями или изнеможеніемъ.

Шотландцы и Англичане, равно гордые, ревнивые и легко оскорбляясь всѣмъ, а первые еще больше послѣднихъ, потому что они принадлежали къ бѣднѣйшему и слабѣйшему Государству, провождали

въ взаимныхъ распряхъ промежутки время перемирія, которое препятствовало имъ устремить соединенныя силы свои на пораженіе Сарацинъ. Какъ два Римскіе полководца оспоривали другъ у друга владычество вселенной, такъ и Шотландцы не хотѣли признать надъ собою власти, а Англичане не допускали ихъ къ равенству. Только и слышны были жалобы, доносы; солдаты, начальники ихъ и Рыцари, бывшіе товарищами, покуда побѣда увеличивала ихъ подвиги, въ нещастіи грозно смотрѣли другъ на друга, тогда какъ отъ единодушія ихъ зависѣло больше, нежели когда нибудь, не только успѣхъ ихъ предпріятія, но и личная безопасность. Тоже несогласіе распространилось между Французами и Англичанами, между Италіянцами и Нѣмцами, даже между Датчанами и Шведами; но ихъ распри не столько принадлежатъ къ нашему повѣствованію, какъ явная ненависть двухъ народовъ, взросшихъ на одномъ островѣ, которые отъ того самаго казалось еще больше враждовали другъ къ другу.

Изъ всѣхъ Англійскихъ дворянъ, послѣдовавшихъ за Королемъ въ Палестину, Воксъ больше всѣхъ былъ напитанъ предразсудками противъ Шотландцевъ. Помѣстья его лежали на границахъ Шотландіи, онъ всю жизнь свою провелъ ратоборствуя противъ нихъ, воюя то съ народомъ, то съ другими владѣльцами; онъ жегъ ихъ жилища, истреблялъ ихъ самихъ мечемъ, и они тѣмъ же самымъ отплачивали ему. Приверженность его и вѣрность къ Государю, походила на привязанность старой Англійской собаки къ своему хозяину, которая ворчлива и неприступна даже къ тѣмъ, къ кому онъ равнодушенъ, и опасна для всякаго подозрительнаго ему человѣка. Воксъ всегда съ негодованіемъ и ревностью смотрѣлъ на милостивое обхожденіе, или знаки отличія, раздаваемые Ричардомъ свирѣпому, обманчивому и злонамѣренному этому народу, происходящему отъ зарѣчныхъ границъ, или нагорной сторонѣ, или состепнымъ мѣстамъ. Онъ даже сомнѣвался въ успѣхѣ крестоваго похода, въ которомъ позволили Шот-

ландцамъ присоединить свое оружіе, потому что онъ считалъ ихъ почти наровнѣ съ Сарацинами. Можно прибавить къ тому, что будучи самъ откровененъ и настоящимъ Англичаниномъ, не привыкшій скрывать малѣйшихъ движеній любви и ненависти, онъ почиталъ утонченную вѣжливость Шотландцевъ, заимствованную ими отъ сношенія съ Французами, всегдашними ихъ союзниками, или проистекающую отъ гордаго, скрытаго нрава, знакомъ лживости и обмана пагубныхъ ихъ намѣреній на щетъ ихъ сосѣдей, которыхъ, думалъ онъ, съ самонадѣянностію, свойственною только Англичанину, невозможно имъ преодолѣть открытыми и законными средствами.

Однакожъ, хотя Воксъ питалъ такія чувства къ сѣвернымъ своимъ сосѣдямъ, простирая ихъ даже и на крестоносныхъ Шотландскихъ воиновъ, но почтеніе его къ Королю, долгъ его, обѣтъ крестоносца, препятствовали ему обнаруживать ихъ, ограничиваясь только стараніемъ убѣгать сколько возможно вся-

каго сообщества съ сѣверными собратами; наблюдая глубокое молчаніе, суровую неприступность при всякомъ разѣ, когда случалось ему бывать съ ними въ походѣ, или въ станѣ. Бароны и Рыцари Шотландскіе не такого свойства были люди, чтобы не замѣчать его надмѣннаго презрѣнія, и не отплачивать ему тѣмъ же; и дѣло до того уже дошло, что они стали считать его самымъ дѣятельнымъ, рѣшительнымъ врагомъ Шотландскаго народа, презираемаго имъ безъ ненависти. Наблюдательные люди даже замѣтили, что если въ немъ не было евангельскаго къ нимъ милосердія, которое долготерпѣливо и судитъ снисходительно, то оно замѣнялось другими добродѣтельми, состраданіемъ къ ближнему и вспомоществованіемъ. Богатство Фомы Гисланда доставляло ему въ изобиліи всякаго рода продовольствіе, и часть онаго всегда тайнымъ образомъ переходила въ Шотландской лагерь: суровое его человѣколюбіе, проистекая отъ драгоцѣннѣйшаго, священнаго права, *добро творить любящимъ и ненави-*

дящимЪ насЪ; онЪ не хотЪлЪ и помыслить о недостойной мести низкихЪ душЪ, радующихся погибели враговЪ своихЪ, благотворя имЪ тайно. Это изЪясненіе необходимо для читателей, чтобы понятнЪе были слЪдующія подробности.

Едва вышелЪ Фома ВоксЪ изЪ Королевскаго шатра, какЪ увидЪлЪ справедливость замЪчанія Англійскаго Монарха, котораго не обманулЪ острый слухЪ его, тЪмЪ больше, что онЪ былЪ знатокЪ вЪ музыкЪ и поэзіи; то есть, что звуки, проникнувшіе вЪ палатку Ришарда, точно были Сарацинскія бубны, трубы и литавры. ВЪ концЪ длиннаго ряда палатокЪ, примыкающихЪ кЪ шатру Ришарда, онЪ увидЪлЪ толпу солдатЪ, собравшихся вЪ кружокЪ, откуда раздавалась музыка, почти вЪ срединЪ лагеря; и кЪ величайшему его удивленію, онЪ примЪтилЪ между разнообразныхЪ шишаковЪ бЪлыя чалмы, длинныя копья, вооруженныхЪ СарацинЪ, головастыхЪ верблюдовЪ и дромадеровЪ сЪ ихЪ неуклюжими шеями.

Исполненный негодованія и удивленія при такомъ неожиданномъ, странномъ зрѣлищѣ, потому что у нихъ постановлено было, при всякомъ сношеніи съ непріятелемъ, во время перемирія, сходиться на условленномъ мѣстѣ, за гранью, Баронъ окинулъ поспѣшно глазомъ вкругъ себя, чтобъ отыскать, кого бы разспросить о причинѣ такой опасной новизны.

По важной походкѣ и гордому виду перваго воина, приближавшагося къ нему въ дали, онъ тотчасъ заключилъ, что это былъ Шотландецъ или Гишпанецъ; и черезъ минуту потомъ, сказалъ самъ въ себѣ: — да, это точно Шотландецъ, это Рыцарь Барса; онъ довольно храбро сражается для Шотландца.

Не думая даже и мимоходомъ спросить его, онъ хотѣлъ продолжать безостановочно путь свой, съ пасмурнымъ и надмѣннымъ видомъ, какъ бы говоря: я знаю тебя, и не хочу никакихъ имѣть сношеній съ тобой, какъ Сиръ Кеннетъ помѣшалъ ему исполнить его намѣренье, идучи прямо къ нему; подошедъ бли-

же, онъ съ холодною учтивостью сказалъ: Лордъ Воксъ Гисландъ, мнѣ нужно съ вами переговорить.

— Со мной! вскричалъ Англійскій Рыцарь; извольте, только поскорѣе и короче, потому что я отправленъ съ порученіемъ отъ Государя.

— Дѣло, которое я долженъ сообщить вамъ, относится лично до Его Величества, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ, потому, что я надѣюсь возвратить ему здоровье.

Лордъ Воксъ посмотрѣвъ на него съ недовѣрчивостію, отвѣчалъ: — Вы не лѣкарь, Сиръ Шотландской; и этому такъже легко можно повѣрить, какъ еслибъ вамъ вздумалось обогатить Англійскую корону.

Кеннетъ хотя и былъ не доволенъ грубымъ отзывомъ Барона, однакожъ прибавилъ съ спокойнымъ видомъ: — Здоровье Короля Ришарда составляетъ нашу славу и богатство; но время не терпитъ; скажите пожалуйте, могу ли я видѣть Государя?

— Безъ сомнѣнія нѣтъ, покуда вы не обьясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваше посольство. Комната больнаго Государя не такъ легко отво-

ряется для всякаго, кому захочется войти къ нему, какъ гостинница въ сѣверныхъ странахъ.

—Крестъ, носимый мною, на ряду съ вами, Милордъ, и важная причина побудившая меня отнестись къ вамъ, заставляютъ меня на этотъ разъ оставить безъ вниманія ваши поступки, которыхъ бы я не потерпѣлъ во всякомъ другомъ случаѣ. И такъ, ясно скажу вамъ, что я привезъ Мавританскаго лѣкаря, который берется вылѣчить Короля Ришарда.

— Мавританскаго лѣкаря! а кто увѣритъ меня, что лѣкарства имъ употребленныя не ядъ?

— Собственная его жизнь, Милордъ, голова его, которою онъ ручается.

—Я знавалъ множество рѣшительныхъ бездѣльниковъ, которые ни мало не дорожили нестоющею своею жизнію, и также охотно пошли бы на висѣлицу, какъ на пиръ.

—Но, вотъ въ чемъ дѣло, Милордъ: Саладинъ, котораго всѣ признаютъ великодушнымъ и храбрымъ непріятелемъ, прислалъ сюда этаго лѣкаря

сЪ приличною свитою и тѣлохранителями, соотвѣтственно великому его уваженію кЪ Эль-Гакиму; онЪ присоединилЪ кЪ тому плоды и прохладительныя для шатра Его Величества, и посланіе, какого можно ожидать отЪ благороднаго непріятеля, желая, чтобы РишардЪ скорѣе излѣчился отЪ горячки, и вЪ силахЪ бы былЪ принять посѣщеніе, которое СаладинЪ лично намѣренЪ ему сдѣлать сЪ обнаженнымЪ мечемЪ и ста тысячью конницы. Угодно ли будетЪ вамЪ, тайному Совѣтнику Его Величества, приказать развьючить его верблюдовЪ, и изготовить все для пріема искуснаго этаго лѣкаря.

—Чудесно, сказалЪ ВоксЪ, какЪ бы говоря самЪ сЪ собой; а кто поручится мнѣ за честь Саладина, когда онЪ умыслитЪ злодѣйствомЪ избавиться отЪ сильнѣйшаго своего непріятеля?

—Я самЪ, и отвѣчаю за то жизнію, имуществомЪ, честью.

—Это слишкомЪ странно, вскричалЪ еще ЛордЪ ВоксЪ. СѣверЪ ручается за ЮгЪ, ШотландецЪ за

Турку! Могу ли васъ спросить, Сиръ Рыцарь, какимъ образомъ вы вмѣшались въ это дѣло?

—Я былъ въ отсутствіи на богомольѣ, Милордъ, а по исполненіи моего обѣта имѣлъ порученіе къ святому Энгадскому пустыннику.

—Не можно ли вамъ, Сиръ Кеннетъ, сообщить мнѣ отвѣтъ этаго святаго отца?

—Нѣтъ, Милордъ.

—Развѣ вы не знаете, сказалъ Англичанинъ съ надмѣнностью, что я членъ Англійскаго Совѣта?

—Я не подлежу никакой отвѣтственности вашей земли, Милордъ, хотя въ нынѣшнюю войну и служу подъ знаменами Англійскаго Короля. Я отправленъ былъ отъ верховнаго Совѣта Королей, Владѣтельныхъ Князей и главныхъ военачальниковъ Крестоносной арміи, и имъ однимъ обязанъ дать отчетъ въ моемъ посольствѣ.

—Такъ ты эдакъ-то говоришъ? вскричалъ гордый Баронъ. Знай же, Княжеской и Королевской посолъ, хотя бы ты имъ и былъ, что никакой лѣкарь не подпустится къ по-

стелѣ Ришарда Англійскаго, безъ позволенія Лорда Гисланда; и горе тому, кто осмѣлится проникнуть въ шатеръ его безъ вѣдома моего!

Онъ съ надмѣннымъ видомъ хотѣлъ продолжать путь свой, какъ Шотландецъ сталъ передъ нимъ и загородивъ ему дорогу, спросилъ его хотя съ спокойнымъ, но горделивымъ видомъ, почитаетъ ли его, Сиръ Гисландъ, за дворянина и храбраго Рыцаря?

—Всѣ Шотландцы происходятъ отъ дворянскаго поколѣнія, отвѣчалъ Сиръ Фома съ колкою насмѣшкою; но почувствовавъ самъ несправедливость свою, и увидя, что краска выступила на лицѣ Кеннета, онъ прибавилъ: конечно, вы храбрый Рыцарь, грѣшно иначе бы и подумать, особливо мнѣ, который столько разъ видалъ васъ мужественно и честно исполняющимъ долгъ свой.

—И такъ, сказалъ Шотландской Рыцарь, удовлетворенный откровеннымъ его признаніемъ, клянусь вамъ, Фома Гисландской, такъ справедливо, какъ я Шотландецъ, что почитаю я преимуществомъ наровнѣ

съ древнимъ благородствомъ моего рода; такъ вѣрно, какъ я Рыцарь, и прибылъ сюда для пріобрѣтенія *славы* въ здѣшней жизни и отпущенія грѣховъ въ будущей; словомъ, знаменіемъ носимаго мною креста, что во мнѣ нѣтъ другаго желанія, какъ способствовать выздоровленію Ришарда Львинаго Сердца, представляя ему Музульманскаго этаго лѣкаря.

Англичанинъ былъ пораженъ торжественнымъ голосомъ, какимъ Кеннетъ произнесъ эти слова, и отвѣчалъ ему гораздо съ большимъ дружелюбіемъ противъ прежняго:

— Сиръ Рыцарь Барса, согласясь, безъ малѣйшаго сомнѣнія, въ справедливости всего сказаннаго вами, отвѣчайте мнѣ сами, благоразумно ли поступлю я, допустивъ неизвѣстнаго лѣкаря, такой земли, гдѣ искуство отравлять ядомъ стоитъ наровнѣ съ готовленіемъ кушанья, и употребляется безъ зазрѣнія совѣсти, благоразумно ли будетъ позволить ему испытать лѣкарство его надъ Государемъ, котораго жизнь

тавъ драгоцѣнна для всѣхъ Христіянскихъ земель?

—Я только могу сказать вамъ въ отвѣтъ, Милордъ, что щитоносецъ мой, одинъ оставшійся отъ смертоносныхъ болѣзней и битвъ, отъ всей свиты моей, былъ опасно болѣнъ тою же горячкою, которая повергнувъ Короля Ришарда въ бездѣйствіе, лишила насъ лучшей опоры. Этотъ лѣкарь, Эль Гакимъ, два часа тому назадъ, какъ приложилъ о немъ попеченіе свое, и онъ уже наслаждается теперь цѣлительнымъ сномъ. Я увѣренъ, что онъ въ силахъ излѣчить эту болѣзнь, нанесшую намъ столько бѣдъ; доказательствомъ же тому служитъ, по мнѣнію моему, данное ему порученіе отъ Султана, который не смотря на заблужденіе и слѣпоту свою въ ложной вѣрѣ, откровененъ и честенъ. Что касается до успѣха его лѣченія, то ему обѣщана награда въ случаѣ выздоровленія Короля Ришарда, и примѣрное наказаніе, если онъ не выполнитъ своей обязанности; а этаго кажется мнѣ слиш-

комъ достаточно для нашего обезпеченія.

Англичанинъ выслушалъ его съ потупленными глазами, какъ человѣкъ, который сомнѣвается, и не отказывается отъ убѣжденія. Наконецъ, онъ сказалъ ему, взглянувъ на него: можно ли мнѣ видѣть вашего щитоносца, Сиръ Кеннетъ?

Шотландской Рыцарь задумался, покраснѣлъ, и отвѣчалъ потомъ: — Охотно, Милордъ; но когда вы увидите смиренное мое жилище, то не забудьте, что Шотландскіе Рыцари и дворяне не такъ роскошно живутъ и ѣдятъ, что у нихъ нѣтъ мягкихъ перинъ, великолѣпно убранныхъ палатокъ, какъ у Сѣверныхъ ихъ сосѣдей. Я живу бѣдно, Лордъ Гисландъ, прибавилъ онъ, произнеся эти слова съ горделивымъ тщеславіемъ, провожая неохотно Барона въ свою палатку.

Какъ ни велики были предубѣжденія Лорда Вокса къ вновь знакомому ему народу, хотя они и проистекали отъ бѣдности Шотландцевъ, обратившейся въ пословицу, но душа его была слишкомъ благородна, чтобы

находить удовольствіе въ униженіи храбраго воина, принужденнаго обнаружить свою нищету, которую гордость его желала бы скрыть.

—Постыдно бы было Крестоносному воину заботиться о свѣтской роскоши, или суетныхъ мелочахъ, когда онъ идетъ на покореніе святыхъ мѣстъ. Какъ бы ни велики были испытываемые нами недостатки и нужды, но страданья наши и жертвы ничто, въ сравненіи съ претерпѣннымъ воинствомъ Святыхъ и Мучениковъ, которые обтекая здѣшнія страны, вознаграждены теперь пальмовыми вѣтвями и вѣнцами.

Кажется Фома Гисландъ въ первые отъ роду произнесъ такую краснорѣчивую рѣчь, тѣмъ больше, какъ то часто случается со всѣми, что и онъ говорилъ противъ себя, потому что любилъ роскошный столъ и богатыя убранства.

Вскорѣ пришли они къ мѣсту, отведенному для лагеря Рыцаря Барса. Судя по наружности и по словамъ Лорда Гисланда, сказавшаго, что Крестоносцы обрѣкшись на всякаго

рода нужды, нимало не должны стыдиться бѣдности, то ни что бы не должно смущать Сирѣ Кеннета. Довольное пространство земли, для помѣщенія тридцати палатокъ и больше, по уложенію размѣщенія Крестоносцевъ, оставалось впустѣ, потому, что Рыцарь Барса, изъ тщеславія, потребовалъ участокъ земли соразмѣрный числу воиновъ, прибывшихъ подъ начальствомъ его въ непріятельскую землю, отчасти застроенный бѣднѣйшими хижинами, сплетенными изъ древесныхъ сучьевъ и покрытыхъ пальмовыми листьями. Эти жилища казались совсѣмъ опустѣлыми, и большая часть изъ нихъ обрушились. Хижина, стоящая по срединѣ, служащая палаткою начальника, отличалась знаменъ ласточкинаго хвоста, воткнутымъ на верхушкѣ копья, котораго длинныя складки склонялись къ землѣ, какъ поблеклое растѣніе клонится отъ знойнаго солнца Азіи. Но ни пажей, ни щитоносцевъ, ни даже часоваго не видно было на стражѣ; не видно было признака Феодальной власти и Рыцарскаго званія.

Его охраняла лишь слава его и доброе имя.

Сирѣ Кеннетѣ окинулѣ унылымѣ взглядомѣ вкругѣ себя; но преодолѣвѣ свое волненіе, онѣ вошелѣ вѣ хижину свою, давѣ знакѣ Барону Гисланду за нимѣ слѣдовать. Воксѣ также посмотрѣлѣ вокругѣ себя сѣ любопытствомѣ, изъявляющимѣ сожалѣніе, смѣшанное сѣ презрѣніемѣ, потому, что оба эти чувства слишкомѣ близки одно сѣ другимѣ, какѣ переходѣ отѣ соболѣзнованія кѣ любви. Наклонивѣ тогда величественный свой нашлемникѣ, онѣ вошелѣ вѣ шалашѣ, доставая головою почти до самаго потолка.

Все убранство внутри состояло вѣ двухѣ постеляхѣ, одна изѣ сухихѣ листьевѣ, покрытая кожею антилопы, была не занята; но судя по окружающимѣ ее оружіямѣ, и стоящемѣ вѣ изголовьѣ серебрянномѣ распятіи, должно было полагать, что она принадлежала Рыцарю Барса. На другой, лежалѣ простертый больной, о которомѣ сказывалѣ Сирѣ Кеннетѣ. Онѣ по виду казался сильнымѣ и мощнымѣ, среднихѣ лѣтѣ;

черты лица его были разительны. Постель его по видимому была покойнѣе Рыцарской. Казалось, что Сиръ Кеннетъ, для успокоенія своего щитоносца, уступилъ ему свою длинную ментію и прочіе наряды, носимые Рыцарями, когда они одѣвались запросто безъ латъ и кольчугъ.

Хижина раздѣлялась на двое. Въ первой половинѣ, куда вошелъ сначала Баронъ, молодой малый, въ полусапожкахъ изъ верблюжей сыромятной кожи, въ синемъ колпакѣ и фуфайкѣ обвѣтшалой отъ времяни, присѣвъ на колѣняхъ къ жаровнѣ, полной угольевъ, держалъ на ней желѣзный листъ, на которомъ онъ пекъ лепешки изъ ячменной муки, составлявшія любимое кушанье Шотландцевъ. Четверть антилопы висѣла на одномъ изъ столбовъ, поддерживающихъ шалашъ, или хижину. Не трудно было догадаться, какимъ образомъ Рыцарь досталъ себѣ такую лакомую дичину, видя большую гончую собаку, гораздо красивѣйшую бывшихъ въ шатрѣ Короля Ришарда, лежащую близь жаровни, смотря на

стряпанье малаго. При входѣ обоихъ Рыцарей, благородное животное проворчало сквозь зубы, и глухіе звуки отдались какъ гулъ отдаленнаго грома. Узнавъ своего господина, она склонила голову махая хвостомъ, какъ бы не смѣя изъявить шумной радости, по врожденному побужденію, бывъ въ покоѣ больнаго, гдѣ наблюдалось глубокое молчаніе и тишина.

Подлѣ постели щитоносца, на подушкѣ, составленной изъ звѣриныхъ кожъ, Мавританской лѣкарь, о которомъ говорилъ Сиръ Кеннетъ, сидѣлъ поджавъ ноги, по восточному обычаю. При слабомъ свѣтѣ, едва проникающемъ въ шалашъ, съ нуждою можно было различить, что нижняя часть лица его была покрыта черною, длинною бородою, висящею почти до пояса, что на головѣ его былъ надѣтъ высокій Татарскій колпакъ, изъ овечьей шерсти, Астраханскаго издѣлія, одинакого цвѣта съ бородой, и такого же цвѣта Турецкое полукафтанье, въ которомъ онъ былъ окутанъ. Въ темнотѣ, окружавшей его, лишь свѣтились

быстрые глаза его, блиставшіе непомѣрнымъ огнемъ.

Англійскій Лордъ хранилъ молчаніе, бывъ пораженъ глубочайшимъ почтеніемъ, потому, что не смотря на грубый нравъ его, зрѣлище нищеты и злополучія, переносимыя съ твердостью, безъ ропота и жалобъ, во всякомъ случаѣ, производили гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе надъ Фомою Воксомъ, нежели великолѣпнѣйшіе уборы царскихъ покоевъ, выключая дворца Короля Ришарда. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, только слышно было сильное и ровное дыханіе больнаго, который по видимому покоился глубокимъ сномъ.

—Съ недѣлю не смыкалъ онъ глазъ, сказалъ Сиръ Кеннетъ, какъ увѣрялъ меня малый, ходящій за нимъ.

—Благородный Шотландецъ, возразилъ Фома Воксъ, схвативъ руку Кеннета, пожимая ее съ дружелюбіемъ, которое едва позволялъ онъ себѣ выражать словами. Такое ужасное положеніе должно прекратиться; вашъ щитоносецъ нуждается въ пищѣ, и не имѣетъ достаточнаго присмотра.

Онъ произнесъ послѣднія эти слова громкимъ, рѣшительнымъ голосомъ, по привычкѣ своей, и сонъ больнаго перервался.

— Благородный господинъ мой, Сиръ Кеннетъ, заговорилъ онъ въ просоньяхъ, не правда ли, что Клидская вода прохладнѣе и чище мутныхъ Палестинскихъ источниковъ?

—Ему снится родина, и онъ щастливъ сновидѣніемъ, сказалъ Сиръ Кеннетъ Лорду Воксу въ полголоса. Едва произнесъ онъ эти слова, какъ лѣкарь, вставъ съ мѣста своего, на которомъ сидѣлъ онъ подлѣ больнаго, и опустивъ потихоньку руку щитоносца на постель, держанную имъ для наблюденія его пульса, подошелъ къ Рыцарю, давъ знакъ имъ рукою, чтобъ они хранили молчаніе, и взявъ ихъ обоихъ подъ руки, вывелъ вонъ изъ шалаша.

—Ради *Иса Бенъ Маріаннъ* (1), которую мы столько же почитаемъ, какъ и вы, сказалъ имъ лѣкарь, не мѣшайте дѣйствію даннаго ему мною лѣкарства. Пробужденіе его въ тепе-

(1) Маріи, Мати Іисуса.

решнюю минуту будетъ стоить ему жизни, или лишенія разсудка; но придите сюда въ вечерній часъ молитвы православныхъ, когда раздастся призывный гласъ съ мечетей, и если до тѣхъ поръ онъ пробудетъ покоенъ, то я обѣщаю вамъ, что храбрый этотъ служивый, будетъ въ состояніи безъ вреда для своего здоровья разговаривать съ вами о всѣхъ нужныхъ дѣлахъ, какія вы оба хотите сообщить ему, особливо господинъ его.

Оба Рыцаря удалились, уступая власти лѣкаря, держащагося по видимому Восточной пословицы, которая говоритъ: комната больнаго есть царство лѣкаря.

Они остановились и пробыли нѣсколько минутъ у двери шалаша; Кеннетъ, какъ бы выжидая, чтобы гость его распрощался съ нимъ, а Воксъ, занятый какими-то мыслями, старался продлить свое свиданіе. Собака, вышедшая за ними, длинною своею мордою водила по рукѣ своего господина, какъ бы выжидая отъ него ласковаго слова или привѣта. Лишь только Рыцарь потре-

палъ ее, какъ въ знакъ радости о возвращеніи его и въ благодарность за ласку, она пустилась стрѣлой, скакавъ вдоль во всю прыть, поднявъ кольцемъ хвостъ свой, бѣгая взадъ и впередъ, кругомъ, около полуобрушенныхъ шалашей, но не переступая на шагъ за межу, какъ бы зная чутьемъ, что дальше грани она не будетъ уже подъ защитою своего господина. Попрыгавъ, поскакавъ нѣсколько минутъ, она прибѣжала опять къ Сиръ Кеннету, и изъ рѣзвой вдругъ стала степенная, какъ бы стыдясь выступивъ изъ предѣловъ умѣренности.

Оба Рыцаря глядѣли на нее съ удовольствіемъ; Сиръ Кеннетъ гордился благороднымъ этимъ животнымъ, а Англійскій Баронъ, любившій охоту, былъ хорошій знатокъ въ нихъ.

—Какая славная собака, сказалъ онъ; я думаю, Сиръ Кеннетъ, что Алланы самаго Короля Ришарда не сравнятся съ нею, если она также искусна на ловлѣ, какъ прытка на бѣгу. Но, позвольте мнѣ спросить васъ, безъ малѣйшаго для васъ оскор-

бленія, развѣ не извѣстенъ вамъ объявленный приказъ, которымъ запрещается всякому, кто бы онъ ни былъ, выключая Графовъ, держать въ лагерѣ Короля Ришарда гончихъ собакъ, безъ особеннаго на то позволенія Его Величества. Кажется, Сиръ Кеннетъ, вы не имѣете этаго позволенія. Я говорю теперь съ вами какъ начальникъ конницы.

—А я буду отвѣчать вамъ, какъ свободный человѣкъ и какъ Шотландской Рыцарь, съ гордостію возразилъ Кеннетъ. Я служу теперь временно подъ Англійскимъ знаменемъ, но никогда не подчинялся закону вашей земли о звѣроловствѣ. Онъ и не возбуждаетъ во мнѣ столько уваженія, чтобы повиноваться ему. Когда трубный гласъ призываетъ къ битвѣ, то я первый сажусь на коня; когда ударятъ бой къ нападенью, копье мое тотчасъ заносится на пораженье; но въ часы бездѣйствія и свободы, Король Ришардъ не имѣетъ права стѣснять моихъ забавъ.

—Однакожъ, смѣшно же ослушиваться Королевскихъ повелѣній, ска-

залЪ ЛордЪ ВоксЪ; и такЪ, не во гнѣвЪ вашей милости , и какЪ часть эта состоитЪ подЪ моимЪ вѣденіемЪ, то я пришлю вамЪ защиту этому дружку.

—Благодарю васЪ, отвѣчалЪ ШотландецЪ сЪ величайшею холодностью; но она никогда не переступаетЪ за отведенную мнѣ грань, а здѣсь я самЪ могу защитить ее. ОднакожЪ , прибавилЪ онЪ , перемѣнивЪ вдругЪ и голосЪ и видЪ , было бы слишкомЪ грубо отвѣчать такЪ холодно на ваше обязательное предложеніе. ОтЪ всего сердца благодарю васЪ , МилордЪ ; РосвальдЪ мой можетЪ подпасть немилости щитоносцевЪ и стремянныхЪ Короля Ришарда ; они могутЪ обидѣть его , чего я никакЪ не потерплю , и тогда могутЪ выттии непріятныя слѣдствія. А какЪ вы уже видѣли внутренность моего жилища , МилордЪ, прибавилЪ онЪ улыбаясь , то я не стыжусь сказать вамЪ , что РосвальдЪ главный мой поставщикЪ сЪѣстныхЪ припасовЪ, и я надѣюсь, что нашЪ ЛевЪ РишардЪ не будетЪ подобенЪ баснословному Льву Ме-

нестрелевъ, который бывая на охотѣ, оставлялъ про себя всю добычу. Я не думаю, чтобы онъ запретилъ бѣдному дворянину времянно позабавиться охотой, и поживиться кускомъ дичи, особливо когда такъ трудно доставать себѣ другаго рода пищу.

—По чести, сказалъ Баронъ, вы отдаете полную справедливость нашему Государю; но это слово *дигина* кружитъ головы нашимъ Нормандскимъ Владѣтелямъ.

— До насъ недавно дошли слухи отъ богомольцевъ и Менестрелей, сказалъ Шотландецъ, что многочисленныя толпы изгнанниковъ соединились въ Графствахъ Іорскомъ и Нотингамскомъ, выбравъ себѣ начальникомъ сильнаго стрѣлка Робинъ-Гоода, котораго помошникъ называется *Ванькой*. Мнѣ кажется, что Ришардъ гораздо благоразумнѣе бы сдѣлалъ, уничтоживъ строгой законъ звѣроловства въ Англіи, вмѣсто того, чтобъ вводить его въ святой землѣ.

—Что же дѣлать, Сиръ Кеннетъ, возразилъ Воксъ, пожимая плечами,

съ видомъ человѣка, который желаетъ избѣжать непріятнаго или опаснаго разговора; свѣтъ такъ безтолковъ, Сиръ Рыцарь. Но мнѣ должно съ вами распроститься, и пора итти къ Королю. Въ вечерни я опять приду къ вамъ, чтобы переговорить съ этимъ лѣкаремъ. А покуда, позвольте мнѣ прислать вамъ нѣсколько припасовъ для домашняго расхода.

—Благодарю васъ, Милордъ, сказалъ Сиръ Кеннетъ; но я не имѣю въ нихъ нужды: Росвальдъ запасаетъ меня недѣли на двѣ; Палестинское знойное солнце, вредя намъ размноженіемъ болѣзней, дѣлаетъ хоть ту пользу, что засушиваетъ дичину.

Оба воина разстались съ гораздо большимъ дружелюбіемъ, нежели встрѣтились; но до ухода своего, Фома Воксъ разспросилъ подробно всѣ обстоятельства, относящіяся до отправленія Мавританскаго лѣкаря, и принялъ отъ Шотландскаго Рыцаря довѣрительныя грамоты Саладина, присланныя съ нимъ.

КНИГА VIII.

,,Искусный лѣкарь, могущій излѣчить болѣзни, насылаемыя смертнымъ, стоитъ цѣлой арміи."

Гомеръ.

— Престранная исторія, Сиръ Фома, сказалъ больной Монархъ, выслушавъ донесеніе вѣрнаго Барона Гисланда; увѣренъ ли ты, что этотъ Шотландецъ такой человѣкъ, на котораго можно положиться?

—Не знаю и самъ какъ сказать вамъ, Государь, отвѣчалъ подозрительный пограничной Лордъ; я слишкомъ близкой сосѣдъ Шотландцевъ, и не могу имѣть къ нимъ большой довѣренности, видя всегда, какъ они приноравливаются къ обстоятельствамъ. Но видъ этаго челокѣка, хотя бы онъ былъ и самъ чертъ, не только Шотландецъ, показываетъ честность. И я по совѣсти долженъ отдать ему въ этомъ справедливость.

— А каковы тебѣ кажутся поступки его, Вoксъ, въ отношеніи къ Рыцарству?

— Ваше Величество лучше моего можете судить о томъ, и я ручаюсь, что вы нѣсколько разъ замѣтили въ сраженьяхъ Рыцаря Барса. О немъ всегда отзываются съ похвалой.

—И онъ это заслуживаетъ. Мы сами были тому свидѣтелями. Для чего мы бываемъ всегда впереди въ дни сраженія? Для того, чтобы видѣть, какъ поступаютъ наши подданные и товарищи, а не изъ пустаго желанія присвоить себѣ суетную славу, какъ многіе то полагаютъ. Намъ извѣстно, какъ ненадежны людскія похвалы, то не для пріобрѣтенія ихъ облекаемся мы въ латы.

Воксъ испугался услышавъ такія слова, совсѣмъ противныя его свойству, и подумалъ сперва, не чувство ли приближающейся кончины заставляетъ Ришарда такъ презрительно отзываться о воинской славѣ, единственной цѣли, повидимому привязывающей его къ жизни. Но вспомнивъ, что онъ встрѣтилъ Ко-

ролевскаго духовника въ передовомъ покоѣ, служившемъ переднею, приписалъ такую перемѣну дѣйствію поученій почтеннаго отца, оставивъ Короля продолжать, не отвѣчая на его слова.

— Точно такъ, прибавилъ Ришардъ, я замѣчалъ всегда, какъ хорошо исполняетъ долгъ свой этотъ Рыцарь Барса въ сраженьи. Мой предводительскій жезлъ не стоилъ бы дурацкой палки, еслибъ я этаго не замѣтилъ. Онъ давно-бы получилъ знаки нашей милости, еслибъ мы также не замѣтили, какъ далеко простираетъ онъ дерзновенные свои виды.

— Государь, сказалъ Баронъ Гисландъ, видя, что Король измѣнился въ лицѣ, я боюсь прогнѣвить Ваше Величество, ходатайствуя за него въ одномъ проступкѣ.

—Что ты хочешъ сказать, Мюлтонъ? возразилъ сердито и съ изумленіемъ Ришардъ, наморщивъ брови; ты ходатайствуешъ за дерзновеннаго? не можетъ быть!

— Простите, Ваше Величество, если припомню вамъ, что мое званіе

даетЪ мнѣ право, позволять дворянамЪ хорошихЪ фамилій, держать вЪ станѣ по одной или по двѣ гончихЪ собаки, единственно для поддержанія склонности ихЪ кЪ охотѣ; кЪ тому же грѣшно бы было убить, или поранить такое прекрасное животное, какова его собака.

—ТакЪ она очень хороша?

—Превосходнѣйшая, и я подобной ей не видывалЪ, Государь, отвѣчалЪ БаронЪ, бывшій пристрастенЪ до безумія до всякаго рода охоты; самой лучшей породы, грудь широкая, спина крѣпкая, шерсть черная безЪ малѣйшей крапинки, на груди и на ногахЪ дикія полосы, такЪ сильна, что можетЪ опрокинуть вола, и прытка какЪ антилопЪ.

Король улыбнулся его восторгу.—Что же, сказалЪ онЪ, если ты позволилЪ ему держать собаку, то дѣло кончено. ОднакожЪ, не слишкомЪ расточай свои позволенья этимЪ побродягамЪ; у нихЪ нѣтЪ ни владѣтелей, ни начальниковЪ, на кого бы имЪ было надѣяться. Они своевольны, и переведутЪ всю дичь вЪ Палестинѣ. Но, обратимся кЪ этому иску-

снику, лѣкарю. Ты, кажется, говорилъ, что Шотландецъ встрѣтился съ нимъ въ пустынѣ?

—Нѣтъ, Ваше Величество. Вотъ какъ было дѣло. Шотландецъ посланъ былъ съ порученіемъ къ древнему Энгадскому пустыннику, о которомъ мы столько наслышались, и. . . .

— Адъ и смерть! вскричалъ Ришардъ затрепетавъ; въ чемъ состояло это посольство? Кто поручалъ ему? Какъ осмѣлились послать кого нибудь въ Энгадской монастырь, когда Королева была тамъ на богомольѣ, для испрошенія Бога о моемъ выздоровленьи?

— Онъ посланъ былъ Совѣтомъ Крестоносцевъ, Государь. А за чѣмъ, и что было поручено ему, онъ не хотѣлъ мнѣ сказать. Я думаю, что едва ли въ станѣ извѣстно, что Королева отправилась туда на богомолье; покрайности, я узналъ только нынче о томъ; статься можетъ, что Князья также не знали о томъ, потому что Ея Величество никого не принимаетъ къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ вы по любви своей къ ней,

запретили ей бывать у себя, боясь чтобъ она не заразилась отъ васъ.

—Хорошо, мы это узнаемъ. И такъ, этотъ Шотландецъ, этотъ посланникъ нашелъ скитающагося лѣкаря въ Энгадской пещерѣ?

—Нѣтъ, Ваше Величество; но кажется, близь этаго мѣста, онъ встрѣтилъ Сарацинскаго Эмира, съ которымъ онъ бился, для извѣданія его силъ, и нашедъ его достойнымъ своего товарищества, они вмѣстѣ, какъ скитающіеся Рыцари, пріѣхали въ Энгадскую пещеру.

Тутъ Воксъ перевелъ духъ, не бывъ изъ числа тѣхъ людей, которые въ нѣсколькихъ словахъ могутъ пересказать длинную исторію.

—И тутъ нашли они лѣкаря? съ нетерпѣніемъ спросилъ Король.

— Нѣтъ, Государь, но Сарацинъ узнавъ о болѣзни Вашего Величества, объявилъ, что Саладинъ пришлетъ къ вамъ своего лѣкаря, удостовѣривъ васъ въ превосходномъ его искуствѣ и знаніи. И такимъ образомъ, лѣкарь прибылъ въ пещеру, гдѣ Шотландецъ ждалъ его день или два. При немъ многочисленная сви-

та, какъ у владѣтельнаго Князя, и трубы, и литавры, пѣшіе и конные невольники, и онъ привезъ довѣрительную грамоту отъ Саладина.

—Отдали ли ее просмотрѣть Гіакому Лоредани?

—Я показывалъ ее переводчику, до приноса сюда, и вотъ переводъ ея по Англійски.

Ришардъ взялъ подаваемый ему Воксомъ пергаментъ, и взглянувъ на него, отдалъ ему обратно, приказавъ прочесть. Содержаніе письма было слѣдующее:

»Именемъ Аллы, и Магомета, его пророка....»

»Саладинъ, Царь Царей, Султанъ Египетскій и Сирійскій, свѣтило и прибѣжище земнородныхъ, великому Мелекъ Рику, Ришарду Англійскому, поклоненіе. Увѣдомясь, что болѣзнь повергла тебя въ изнеможеніе, царственный братъ нашъ, и что при тебѣ находятся неискусные Назарянскіе и Жидовскіе лѣкаря, лѣчащіе безъ благословенія Аллы и нашего пророка.....

— Позоръ и срамъ да падетъ на него! проворчалъ Ришардъ, перервавъ чтеніе.

«Посылаемъ къ тебѣ, для излѣченія твоего, собственнаго нашего лѣкаря, Адонебека Эль Гакима, отъ лица котораго Ангелъ-Азраель отлетаетъ, покидая одръ болящаго; ему извѣстны свойства всѣхъ травъ и камней; теченіе солнца, луны и звѣздъ; и онъ можетъ спасти человѣка отъ всего, что не предназначено ему. Дружественно упрашиваемъ тебя, не только потому, что желаемъ оказать тебѣ услугу, какъ достойнѣйшему и храбрѣйшему, составляющему славу всей Франкистаніи (*Европы*), но и для того, чтобы скорѣе положить конецъ существующей между нами брани, заключеніемъ вѣковѣчнаго мира, или кровопролитною битвою на ратномъ полѣ; ибо, не прилично ни твоему сану, ни твоему мужеству погибнуть рабскою смертію, подъ тяжестью болѣзни; и постыдно нашей славѣ, чтобы такой храбрый непріятель болѣзнію своею освободил-

ся отъ нашего меча. И для того-то, да подастъ тебѣ Проро. . . «

— Довольно! довольно! вскричалъ Ришардъ; я не хочу больше слышать этаго имени Пророка! Вся кровь кипитъ во мнѣ, видя, что такой храбрый и достойный Султанъ вѣруетъ въ него. Да, я призову его лѣкаря, я не измѣню великодушной довѣренности благороднаго язычника, я сражусь съ нимъ на полѣ битвы, какъ онъ самъ предлагаетъ, и онъ не укоритъ неблагодарностью Ришарда Англійскаго. Я повергну его своею палицею, я обращу его въ Христіанскую вѣру мощными ударами, какихъ еще онъ не испытывалъ; онъ отвергнется своихъ заблужденій предъ крестомъ рукоятки надежнаго моего меча, и окрещу на полѣ битвы; я почерпну каской своей очистительной воды, хотя бы она обагрена была моею или его кровію. Ступай же, Фома Мюлтонъ, что ты медлишъ и не спѣшишъ ускорить такой пріятной развязки? Приведи мнѣ этаго Эль Гакима.

— Государь, отвѣчалъ Воксъ, которому чрезмѣрная эта довѣрен-

ность казалась удвоенiемъ жара горячки, не забудьте, что Султанъ этотъ язычникъ; что вы опаснѣйшiй его непрiятель.

— Для того-то самаго ему выгоднѣе оказать мнѣ услугу, страшась, чтобъ гнусная горячка не прекратила вражды такихъ двухъ Государей, какъ мы. Говорятъ тебѣ, что онъ любитъ меня какъ я люблю его, какъ всегда благородные непрiятели способны любить другъ друга. Клянусь, грѣшно было бы сомнѣваться въ его честности.

— Однакожъ, Государь, гораздо лучше подождать, и посмотрѣть, какое дѣйствiе произведетъ лѣкарство его надъ щитоносцемъ Шотландца. Я отвѣчаю за то жизнiю, и заслужилъ бы казнь, поступивъ такъ неосторожно въ такомъ важномъ дѣлѣ, попустивъ васъ погибнуть, васъ, единственную надежду всего Христiанскаго воинства.

— Я въ первые вижу, чтобы страхъ смерти заставилъ тебя колебаться, сказалъ Ришардъ съ укоризною.

— Я не поколебался бы, Государь, еслибѣ вѣ томѣ не заключалась ваша безопасность

— Такѣ поди же, подозрительный человѣкѣ, посмотри, что дѣлается сѣ больнымѣ щитоносцемѣ. Мнѣ даже хочется, чтобѣ этотѣ лѣкарь уморилѣ, или вылѣчилѣ бы меня; потому, что мнѣ уже наскучило лежать растянувшись на постелѣ, когда слышу барабанный бой, ржаніе лошадей и трубные звуки.

Баронѣ тотчасѣ вышелѣ, рѣшась однакожѣ напередѣ сообщить порученіе свое какой духовной особѣ, потому, что ему казалось совѣстно ввѣрить Государя своего попеченіямѣ басурманина.

Тирскому Архіепископу прежде всѣхѣ ввѣрилѣ онѣ сомнѣнія свои, зная, какую власть имѣетѣ онѣ надѣ умомѣ Короля Ришарда, который любилѣ и уважалѣ Прелата за его прозорливость и познанія. Архіепископѣ выслушалѣ Вокса, какѣ тонкой политикѣ; а этимѣ качествомѣ отличалось всегда Католическое духовенство. Онѣ тотчасѣ разрѣшилѣ набожныя сомнѣніи Рыцаря, сколь-

ко позволяло ему приличіе и благопристойность обнаружить мнѣніе духовнаго человѣка передъ свѣтскимъ.

— Лѣкаря, сказалъ онъ, могутъ быть полезны, хотя бы они были самаго низкаго званія, и не знали никакого обращенія, равно какъ и употребляемыя ими лѣкарства служатъ въ облегченію, хотя и составлены часто изъ самыхъ гнусныхъ веществъ. И такъ, въ случаѣ нужды можно прибѣгать къ помощи язычниковъ и музульманъ, которые, какъ видно для того только существуютъ на землѣ, чтобъ быть въ чемъ нибудь полезными истиннымъ Христіанамъ. Потому-то самому, мы и въ правѣ порабощать Музульманскихъ плѣнниковъ. Да и первобытные Христіанѣ, какъ извѣстно, держали въ услуженіи своемъ необращенныхъ язычниковъ: и такъ, на кораблѣ, въ которомъ плылъ блаженный Апостолъ Павелъ въ Италію, матросы неоспоримо были язычники. Что же говоритъ о нихъ Святый Павелъ, когда пришла нужда въ ихъ помощи? *Nisi hi in navi manserint, vos Salvi fieri*

non potestis. »Вы не можете спастись, если они не останутся на корабль!« Потомъ и Жиды равно отвергаютъ Христіанство, какъ и Мусульмане; однакожъ, почти всѣ лѣкаря въ нашемъ станѣ изъ Жидовъ, и мы пользуемся у нихъ безъ зазрѣнія совѣсти и соблазна. То равномѣрно можно лѣчиться и у Магометанъ; *quad erat de monstrandum.*

Но когда дѣло дошло до сомнѣнія Вокса, на щетъ измѣны со стороны Сарацинъ, то Прелатъ остановился въ недоумѣніи, не зная самъ, какъ разрѣшить этотъ вопросъ. Баронъ показалъ ему довѣрительную грамоту Султана; онъ читалъ и перечитывалъ ее, сравнивая подлинникъ съ переводомъ.

— Прелакомое блюдо для услажденія вкуса Короля Ришарда, сказалъ онъ, и я не могу совершенно положиться на совѣсть этихъ хитрыхъ, пронырливыхъ Сарацинъ. Они слишкомъ знающи въ отравахъ, и умѣютъ такъ искусно ихъ приготовлять, что ядъ начнетъ дѣйсшвовать нѣсколько недѣль спустя, и покусившійся на жизнь имѣетъ все

время избѣгнуть наказанія. Они могутъ напитать ядомъ самыя тончайшіе сукна, кожи, даже бумагу и пергаментъ. Прости Господи! Да за чѣмъ же я, зная это все, такъ долго держалъ въ рукахъ эту грамоту? Возьмите ее, Сиръ Фома, возьмите ее скорѣй.

Онъ поспѣшно протянулъ руку, чтобъ отдать ее обратно Барону, прибавивъ: — Пойдемъ-те Милордъ, поспѣшимъ-те скорѣй въ палатку больнаго щитоносца, и посмотримъ-те, точно ли Гакимъ такъ искусенъ въ лѣченіи своемъ, какъ онъ утверждаетъ. Потомъ мы разсмотримъ, прилично ли будетъ позволить ему лѣчить Короля Ришарда. Однакожъ погодите, я схожу сперва за коробочкой своей съ ароматами; говорятъ эти горячьки прилипчивы. Совѣтывалъ бы и вамъ, Милордъ, запастись для предохраненіи себя розмариномъ, обмоченнымъ въ уксусѣ.

— Благодарю, Ваше Преосвященство, отвѣчалъ Фома Гисландъ; но я давно бы могъ заразиться у постели моего Государя, еслибъ былъ склоненъ къ тому.

Тирской Архіепископъ покраснѣлъ, избѣгая, сколько можно, съ болѣзни Короля Ришарда бывать у него. Онъ просилъ Барона указать ему дорогу, и они вскорѣ пришли къ дверямъ бѣдной хижины, служившей палаткою Рыцарю Барса.

— Не ясноли, Милордъ, сказалъ Прелатъ Воксу, что эти Шотландцы гораздо меньше имѣютъ попеченія объ ихъ служителяхъ, нежели мы о своихъ собакахъ. Вотъ и этотъ рыцарь, говорятъ прехрабрый, и со временемъ достигнетъ высшихъ степеней: какъ же онъ могъ помѣстить щитоносца своего въ такую лачужку, которая хуже всякой собачей конурки въ Англіи? Вы какъ думаете о вашихъ сосѣдяхъ, Милордъ?

— Я думаю, что господинъ довольно дѣлаетъ для своего служителя, когда помѣщаетъ его наровнѣ съ собою, отвѣчалъ Воксъ, войдя въ шалашъ.

Архіепископъ послѣдовалъ за нимъ, съ примѣтнымъ отвращеніемъ, потому, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ былъ отваженъ, но

отважность его соединялась съ разными предосторожностями. Однакожъ, вспомнивъ, что ему необходимо было самому испытать Мавританскаго лѣкаря, онъ съ величественнымъ видомъ вошелъ въ шалашъ, воображая тѣмъ возбудить къ себѣ почтеніе въ этомъ искусномъ чужестранцѣ.

У Архіепископа точно былъ важный видъ; въ молодости своей слылъ прелестнѣйшимъ мущиною своего времени, и въ старости даже любилъ почитаться красавцемъ. Епископская его одежда была богатѣйшая, опушенная дорогимъ мѣхомъ, а верхнее платье изъ самаго тонкаго кружева. Пальцы его были унизаны драгоцѣннѣйшими перстнями. На коропткой мантіи, отброшенной назадъ, отъ чрезмѣрнаго жара, свѣшились изъ чистаго золота застежки. Длинная борода его, посребренная лѣтами, лежала на груди. Одинъ изъ двухъ Ипподиковъ, сопровождавшихъ его, по Восточному обычаю, держалъ надъ нимъ зонтикъ изъ пальмовыхъ листьевъ; другой навѣвалъ ему прохладу, обмахи-

вая его вѣеромъ изъ павлиныхъ перьевъ.

Шотландскаго рыцаря не было въ шалашѣ по приходѣ Тирскаго Архіепископа. Мавританской лѣкарь, видѣнный имъ, сидѣлъ поджавъ ноги на циновкѣ, сплетенной изъ листьевъ, въ томъ же самомъ положеніи, какъ нашелъ его Воксъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, подлѣ постели больнаго, щупая пульсъ его по временамъ, который казалось спалъ глубокимъ сномъ. Прелатъ въ молчаніи остановился передъ нимъ, простоя двѣ или три минуты, выжидая отъ него почтительнаго поклона, надѣясь покрайности ослѣпить его блистательнымъ своимъ саномъ. Но Адонебекъ, безъ всякаго вниманія взглянулъ на него вскользь; и когда Архіепископъ наконецъ удостоилъ его своимъ привѣтствіемъ на Левантскомъ языкѣ, служившемъ для общественныхъ сношеній съ Восточными народами, то лѣкарь отвѣчалъ ему простымъ отзывомъ: *саламъ аликомъ,* т. е. да будетъ миръ надъ вами.

— Не ты ли лѣкарь, Музульманинъ? спросилъ его Прелатъ, нѣсколько оскорбленный такимъ холоднымъ привѣтомъ: я хотѣлъ бы поговорить съ тобой относительно къ твоему искусству.

— Если ты знающъ сколько нибудь въ медицинѣ, отвѣчалъ Эль-Гакимъ, то не ужъ ли тебѣ не извѣстно, что лѣкаря не вступаютъ никогда ни въ изслѣдованія, ни въ совѣщанія въ покоѣ больнаго. Научись, прибавилъ онъ, слыша тихое ворчаніе собаки во внутреннемъ отдѣленіи шалаша, отъ этаго животнаго, какъ должно поступать. И собака, по врожденному побужденію, удерживаетъ лай свой, чтобы не встревожить больнаго. Выдь отсюда вонъ, если тебѣ нужно о чемъ переговорить со мной.

При этихъ словахъ онъ всталъ, располагаясь самъ выити изъ шалаша.

Не смотря на простой нарядъ Мавританскаго лѣкаря и низкой ростъ его, составлявшій разительную противуположность съ величественнымъ станомъ Прелата, и ис-

полинскимъ ростомъ Англійскаго Барона, было что-то такое въ его поступкахъ и движеніяхъ, удерживающее Тирскаго Архіепископа изъявить ему явное негодованіе за такой невѣжливый выговоръ. По выходѣ ихъ изъ шалаша онъ нѣсколько минутъ въ молчаніи смотрѣлъ на Адонебека, не зная самъ, какъ заговорить съ нимъ. Ни одного волоска не выставлялось изъ-подъ большаго колпака, надѣтаго на головѣ Мавра, котораго полузакрытый лобъ, повидимому былъ широкой и возвышенный, равно и на нижней части лица не было ни бороды, ни морщинъ. Мы уже упоминали о черныхъ, проницательныхъ глазахъ его.

Прелатъ, пораженный молодостью Адонебека, наконецъ перервалъ продолжительное молчаніе, котораго не думалъ нарушать Мавръ, спросивъ его, который ему годъ?

—Годы обыкновенныхъ людей, отвѣчалъ Эль-Гакимъ, исчисляются по ихъ морщинамъ, а лѣта мудрецовъ по ихъ познаніямъ. Я не смѣю ска-

заться старѣе ста лѣтъ, по счисленію Эгиры? (*)

Баронъ Гисландъ принявъ слова его въ буквальномъ смыслѣ, какъ бы Мавританецъ обьявилъ себя столѣтнимъ, съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на Прелата, который хотя и гораздо лучше понялъ сказанное Эль Гакимомъ, но отвѣчалъ ему таинственнымъ киваніемъ головы. Потомъ принявъ на себя важный видъ, спросилъ Адонебека повелительно, чѣмъ докажетъ онъ искуство свое въ медицынѣ.

— Даннымъ словомъ могущественнаго Саладина, отвѣчалъ мудрецъ, поднеся руку свою къ чалмѣ въ знакъ почтенія; слово, которому онъ никогда не измѣнялъ, ни съ друзьями своими, ни съ врагами; какое еще тебѣ надобно свидѣтельство, Назарянинъ?

— Я хочу очевиднаго доказательства твоего искусства, сказалъ Баронъ, а безъ того не подпущу тебя къ постелѣ Короля Ришарда.

(*) Означая тѣмъ, что пріобрѣтенныя имъ познанія равняются числу ста лѣтъ.

— Доказательствомъ лѣкарскаго знанія, отвѣчалъ Эль-Гакимъ, служитъ исцѣленіе больнаго. Взгляни на этаго солдата, который лишился сна отъ распаленія горячки, отъ которой запеклась вся кровь въ немъ; она усѣяла вашъ станъ костями, и все искусство вашихъ Назарянскихъ лѣкарей передъ нею также слабо, какъ шелковая протупея противъ стальнаго клинка; посмотри на его руки и пальцы, тощіе какъ журавлиныя лапы. Нынѣшнимъ утромъ смерть простирала надъ нимъ покровъ свой, но Азраель оберегалъ одръ его съ одной стороны, я съ другой, и душа его не отдѣлится отъ тѣла. Не тревожьте меня другими разспросами, но подождите перелома болезни, и въ безмолвіи воздайте хвалу за чудесное его исцѣленіе.

Тогда лѣкарь прибѣгнулъ къ своей астролябіи, оракулу Восточной науки, и съ важною точностію дождавшись наступленія минуты вечерней молитвы, сталъ на колѣни, обращаясь лицемъ къ Меккѣ, прочиталъ молитвы, которыми Музуль-

мане оканчиваютъ дневные свои труды. Архіепископъ съ Барономъ переглядывались съ видомъ презрѣнія и негодованія, но ни тотъ, ни другой не счелъ нужнымъ перервать Эль-Гакима въ набожномъ его упражненіи, какъ ни богохульно оно казалось имъ.

Наконецъ распростертый Мавръ всталъ, и вошедъ въ шалашъ, гдѣ лежалъ его больной, вынулъ изъ серебреной коробочки губку, можетъ статься напитанную какимъ ароматическимъ составомъ, потому, что какъ скоро онъ поднесъ ее къ носу щитоносца, то онъ чихнулъ, пробудился, окинувъ вкругъ себя блуждающимъ взоромъ. Видя его лежащимъ на постелѣ полуобнаженнымъ, невольно возбуждалось сострадание и жалость; кости его, всѣ составы и хрящи выставлялись сквозь обтянутой кожи, какъ бы никогда не были они покрыты тѣломъ; лице его совсѣмъ осунулось, ссохлось и сморщилось. Однакожъ глаза его, казавшіеся сначала иступленными, вскорѣ стали спокойны; онъ повидимому замѣтилъ при-

сутствіе обоихъ вельможъ, бывшихъ въ шалашѣ, и спросилъ слабымъ, почтительнымъ голосомъ о своемъ господинѣ.

— Знаешъ ли ты насъ, Вассалъ? сказалъ ему Лордъ Воксъ.

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ щитоносецъ, но по вашему красному кресту вижу, что вы знатный Англійской Баронъ; а другой этотъ баринъ, кажется мнѣ святый Прелатъ, и я испрашиваю его благословенія бѣдному грѣшнику.

— Ты его получишъ, сказалъ Архіепископъ: *Bene dicti Domini sit tecum*, и благословилъ его рукой, но не подступая къ постелѣ.

— Вы видете собственными глазами, сказалъ Адонебекъ, что горячка утолилась. Онъ говоритъ спокойно, вошелъ въ память, пульсъ его также тихо бьется какъ и вашъ. Посмотрите сами.

Архіепископъ уволилъ себя отъ этаго осмотра; но Фома Гисландской, рѣшительнѣе его, взявъ руку больнаго, пощупалъ пульсъ его и увѣрился, что горячка миновалась.

По чести, это чудо, сказалъ рыцарь, смотря на Прелата; онъ совершенно выздоровѣлъ. Я сей же часъ отведу этаго лѣкаря въ шатеръ Короля Ришарда. Какъ вы думаете о томъ, Ваше Преосвященство?

— На минуту, сказалъ Эль-Гакимъ; дайте мнѣ вылѣчить сперва одного больнаго, прежде нежели примусь за другаго. Я пойду за вами, давъ ему пріемъ цѣлительнаго элексира.

При этихъ словахъ, онъ вынулъ серебряную чашу, налилъ ее полную водой изъ тыквенной бутылки, стоящей близь постели. Взявъ потомъ маленькой мѣшечикъ, связанный изъ серебра и шелку, такъ плотно, что сквозь него ничего не было видно, что въ немъ лежало, опустилъ его въ чашу, продержавъ въ ней пять минутъ, храня глубокое молчаніе. Въ продолженіи этаго времяни, Баронъ замѣтилъ въ водѣ шипѣніе, продолжавшееся съ секунду.

— Выпей это, сказалъ лѣкарь больному, потомъ ты уснешъ и

проснувшись будешЪ совсѣмЪ здоровЪ.

— И этимЪ-то простымЪ питьемЪ ты думаешЪ вылѣчить Монарха? сказалЪ Тирской Архіепископъ.

— Ты видишЪ, что я вылѣчилЪ имЪ нищаго, отвѣчалЪ мудрецЪ.

— Повѣдемъ-те его скорѣе кЪ Государю, сказалЪ БаронЪ ГисландЪ. ОнЪ доказалЪ, что знаетЪ тайну его исцѣленія. Если же онЪ не употребитЪ всѣхЪ средствЪ своихЪ, то я такЪ поступлю сЪ нимЪ, что никакая кабалистика ему не поможетЪ.

КакЪ они збирались выттии изЪ хижины, то больной, возвыся голосЪ свой, сколько силы его позволили ему, вскричалЪ: — достопочтенный ПрелатЪ, благородный рыцарь, и вы, достойный лѣкарь, если вы хотите, чтобы я заснулЪ и выздоровѣлЪ, то изЪ жалости скажите мнѣ, что здѣлалось сЪ любезнымЪ моимЪ господиномЪ?

— ОнЪ отправился вЪ дорогу, другЪ, отвѣчалЪ ПрелатЪ, сЪ важнымЪ порученіемЪ, и можетЪ стать-

ся еще нѣсколько дней тамъ пробудетъ.

— На что обманывать этаго бѣдняка? сказалъ Баронъ Гисландъ. Послушай, другъ, твой баринъ возвратился въ станъ, и ты немедленно его увидишъ.

Больной поднялъ тощія руки свои къ небу, какъ бы въ возблагодареніе, и уступая усыпительному питью, принятому имъ, заснулъ сладкимъ сномъ.

— Вы искуснѣйшій лѣкарь, Сиръ Фома, нежели я, сказалъ Архіепископъ: успокоительная ложь гораздо приличнѣе для больнаго, нежели непріятная истинна.

— Что вы подъ этимъ разумѣете, Ваше Преподобіе? съ живостью сказалъ Воксъ; не ужъ ли вы думаете, что я согласился бы солгать для спасенія дюжины такихъ тварей?

— Вы сказали, отвѣчалъ Прелатъ примѣтно встревоженный, что господинъ этаго щитоносца возвратился, то есть рыцарь Барса говорю я.

— Онъ точно пріѣхалъ, сказалъ Воксъ; нѣсколько часовъ тому назадъ, какъ я говорилъ съ нимъ. Искусный этотъ лѣкарь пріѣхалъ съ нимъ.

— Мати Божія! вскричалъ Архіепископъ съ очевиднымъ смущеніемъ; за чѣмъ же вы не сказали мнѣ объ его возвращеніи.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что рыцарь Барса привезъ съ собой этаго лѣкаря? Кажется, я вамъ это сказывалъ, отвѣчалъ Воксъ съ безпечнымъ видомъ. Впрочемъ, что нужды въ томъ; его возвращеніе не имѣетъ никакой связи съ искуствомъ этаго лѣкаря, ни съ здоровьемъ Его Величества.

— Возвращеніе его значительно, Сиръ Фома, очень значительно, сказалъ Архіепископъ сложивъ руки, топнувъ крѣпко ногой, и здѣлавъ невольно нѣсколько другихъ знаковъ, изъявляющихъ его нетерпѣніе. Но куда дѣлся этотъ рыцарь? Куда онъ ушелъ? Боже оборони! чтобъ не вышло какого пагубнаго недоразумѣнія.

— Молодой этотъ малый, сидящій въ переднемъ покоѣ, сказалъ Воксъ, будучи удивленъ волненіемъ Прелата, можетъ сказать вамъ, куда дѣвался его баринъ.

Онъ кликнулъ малаго, о которомъ мы упоминали, и тотъ, на едва понятномъ имъ языкѣ, кой какъ изъяснилъ имъ, что какой-то офицеръ приходилъ за бариномъ его отъ имени Короля, за нѣсколько минутъ до ихъ прихода. Тогда волненіе Архіепископа до такой крайности увеличилось, что Воксъ, не бывъ ни проницательнымъ наблюдателемъ, ни подозрительнымъ, ясно увидѣлъ его смущеніе. Онъ поспѣшно распростился съ рыцаремъ, который глядя на него съ изумленіемъ при уходѣ его, пожавъ плечами, въ молчаніи повелъ Мавританскаго лѣкаря въ шатру Короля Ришарда.

КНИГА IX.

„Подозрѣніе слишкомъ тяжелые латы; они больше угнѣтаютъ, нежели защищаютъ, и для носящаго ихъ служатъ новою опасностію."

Лордъ Байронъ.

Баронъ Гисландъ шелъ медленными шагами, съ безпокойнымъ лицемъ къ Королевскому шатру. Онъ во всемъ мало довѣрялъ себѣ, выключая битвъ на ратномъ полѣ; не полагаясь на свой умъ и прозорливость, онъ обыкновенно изумлялся при встрѣчающихся обстоятельствахъ, тогда какъ люди, одаренные пылкимъ воображеніемъ, стали бы стараться изыскивать причины ихъ, или по крайности размышлять о нихъ. Однакожъ, странно и ему казалось, что Архіепископъ, вдругъ позабывъ совсѣмъ о чудесномъ изцѣленіи щитоносца, которому были они очевидными свидѣтелями, и надеждѣ къ излѣченію Ришарда, занялся совсѣмъ незначущимъ возвращеніемъ бѣднаго Шотландца, ничтожнѣй-

шаго человѣка, по мнѣнію Фомы Гисланда, изъ всѣхъ благородныхъ рыцарей; и не смотря на закорѣнелую привычку свою оставаться непоколебимымъ посреди всѣхъ происшествій, Баронъ напрягалъ все свое воображеніе, чтобы разгадать причину такого страннаго явленія.

Первая представившаяся ему мысль была, не составился ли въ станѣ союзниковъ заговоръ противъ Короля Ришарда, и пр., въ которомъ Тирской Архіепископъ, какъ малосовѣстный политикъ, какимъ почитали его многіе, вѣрно участвовалъ. Правда, что по мнѣнію Вокса, не было человѣка совершеннѣе его Государя: Ришардъ, какъ краса Рыцарства, начальникъ всѣхъ Христіанскихъ военачальниковъ, и точный исполнитель предписаній святой церкви, былъ превосходное существо въ глазахъ Барона, а о прочемъ онъ и не заботился. Однакожъ онъ зналъ, что Ришардъ, не смотря на превосходныя свои свойства, былъ всегдашнимъ предметомъ укоризны и неблагорасположенія однихъ, и приверженности, похвалъ другихъ; и что

даже въ станѣ Христіанъ, между владѣтелей приверженыхъ торжественнымъ обѣтомъ къ крестовому походу, многіе охотно бы пожертвовали всѣми надеждами на успѣхъ и завоеванія, для удовольствія погубить, или покрайности унизить Ришарда Англійскаго.

—И такъ, легко статься можетъ, говорилъ самъ въ себѣ Баронъ, что этотъ Султанъ, что этотъ Эль Гакимъ, съ очевиднымъ или мнимымъ излѣченіемъ больнаго Шотландскаго щитоносца, самъ Рыцарь Барса, лишъ соумышленники коварнаго заговора, въ которомъ Тирской Архіепископъ, не смотря на духовное свое званіе, также участвуетъ.

Такое заключеніе мало однакожъ согласовалось съ испугомъ Прелата, когда онъ нечаянно узналъ о неожиданномъ возвращеніи Шотландскаго Рыцаря въ станъ крестоносцевъ; но Воксъ дѣйствовался только закоренѣлыми предразсудками, которые заставляли его почитать достовѣрнымъ, что коварный Италіанской Прелатъ, вѣроломный Шотландецъ и языческой лѣкарь, какъ сообщники

всего злаго, способны только ко вреду, а не къ добру. Однакожъ онъ рѣшился ввѣрить опасенія свои Ришарду, имѣя столько же высокое понятіе объ его здравомъ разсудкѣ, какъ и мужествѣ.

Тѣмъ временемъ случились разныя происшествія, совсѣмъ противныя заключеніямъ Фомы Вокса. Лишь только онъ вышелъ изъ Королевскаго шатра, какъ Ришардъ, по дѣйствію ли усилившагося жара горячки, или по свойственному нетерпѣнію, сталъ роптать на медленное возвращеніе Вокса, изъявляя пылкое желаніе скорѣе его видѣть. Онъ столько еще былъ разсудителенъ, что для успокоенія минутнаго раздраженія, удвоеннаго болѣзнію, старался чѣмъ нибудь развлечь себя; онъ утомилъ бывшихъ при немъ офицеровъ, прося ихъ, чтобы они разсѣяли его; но напрасно прибѣгалъ онъ къ молитвеннику, къ роману, и къ арфѣ любимаго своего Менестреля. Наконецъ, часа за два до захожденія солнца, слѣдственно гораздо прежде, нежели могъ онъ ожидать подробнаго отчета объ успѣхѣ лѣченія Мавританскаго лѣ-

каря, послалъ, какъ уже извѣстно намъ, одного изъ своихъ дежурныхъ офицеровъ, съ приказаніемъ Рыцарю Барса немедленно къ нему явиться, надѣясь умѣрить свое нетерпѣніе, разсказами Сиръ Кеннета о причинѣ его отсутствія изъ лагеря, и встрѣчѣ его съ знаменитымъ этимъ лѣкаремъ.

Шотландской Рыцарь бывъ такимъ образомъ потребованъ къ Королю, явился къ нему, какъ человѣкъ, для котораго такая честь ни мало не удивительна. Ришардъ зналъ его только по виду, хотя Сиръ Кеннетъ не смотря на гордость свою и постоянную приверженность къ тайному предмету своей страсти, присутствовалъ на всѣхъ пиршествахъ двора Англійскаго Короля, приглашавшаго всегда отличнѣйшихъ изъ Рыцарей. Онъ подошелъ къ постѣлѣ Ришарда, устремившаго на него глаза свои, преклонилъ одно колѣно, и потомъ вставъ, остановился передъ нимъ въ приличномъ положеніи воину въ присутствіи своего Государя, означающемъ уваженіе и по-

чтеніе, но не раболѣпство и униженіе.

—Ты называешся Кеннетомъ Барсомъ, сказалъ Король: кто возвелъ тебя въ Рыцарское достоинство?

— Мечь Вилльяма, Шотландскаго Льва (1), Государь, отвѣчалъ Шотландецъ.

— Достойное оружіе для такого знаменитаго достоинства, сказалъ Ришардъ, и плечо, которому оно коснулось, стало заслуживало эту честь. Мы видали тебя храбро сражающимся въ битвахъ, и въ самыхъ отважныхъ случаяхъ; ты конечно знаешъ и то, что намъ не безъизвѣстны твои заслуги; но ты такъ далеко простиралъ дерзость свою въ другихъ отношеніяхъ, что величайшею наградою за нихъ можетъ послужитъ тебѣ прощеніе твоей вины. Что ты на это скажешъ?

Кеннетъ хотѣлъ говорить, но не могъ вымолвить двухъ словъ. Внутреннее чувство честолюбивой страсти, прозорливый взглядъ Ришарда, который казалось хотѣлъ проник-

(1) Валласа.

нуть въ сокровеннѣйшіе изгибы его сердца, все соединилось къ усугубленію его смущенія.

— Однакожъ, прибавилъ Король, хотя солдатъ долженъ повиноваться своему начальнику, а подданный чтить верховнаго своего властителя, но мы можемъ простить храброму Рыцарю гораздо важнѣйшую вину противъ той, что онъ въ противность обнародованныхъ нами приказовъ, держалъ у себя борзую собаку.

Говоря такимъ образомъ, Ришардъ продолжалъ устремлять глаза свои на Рыцаря, котораго по видимому обличали послѣднія слова Ришарда, давшему совсѣмъ другой оборотъ начальному своему обвиненію. Это замѣчаніе не ускользнуло отъ Львинаго - Сердца, и онъ внутренно улыбнулся.

—Не во гнѣвъ, Вашему Величеству, сказалъ Кеннетъ, вы должны снисходить на этотъ щетъ къ намъ бѣднымъ Шотландскимъ дворянамъ. Мы теперь отдалены отъ своего отечества; доходы наши слишкомъ ограниченны, и мы не въ силахъ, какъ

ваши дворяне, прибѣгать къ помощи Ломбардцевъ. Сарацинамъ чувствительнѣе будутъ наши удары, когда мы по времянамъ станемъ приправлять кускомъ дичины, скромные наши обѣды изъ овощей и ячменнаго хлѣба.

— Тебѣ не нужно испрашивать на то моего позволенія, потому, что Фома Воксъ, дѣлая, какъ и всѣ окружающіе меня, все что имъ вздумается, далъ тебѣ уже право звѣриной и птичьей ловли.

—Одной только звѣриной, но не птичьей ловли, Государь. Но естьли бъ, Ваше Величество, соблаговолили позволить мнѣ и птичью охоту, то я льщусь, что съ соколомъ могъ бы доставлять къ Королевскому столу отборныхъ птицъ.

— Думаю, что естьли бъ у тебя былъ соколъ, то ты вѣрно не дождался бы и позволенія моего. Я знаю, что говорятъ, будто мы Анжуйскіе Принцы, столько же оскорбляемся нарушеніемъ постановленій нашихъ о звѣриной ловлѣ, какъ бы покушеніями на Царскую власть; и однакожъ, проступки на щетъ первой

вины легко прощаются нами храбрымъ людямъ, которыхъ считаемъ достойными пользоваться изключительными этими правами. Но дѣло не о томъ. Я желаю знать отъ васъ, Сиръ Рыцарь, за чѣмъ, и по чьему приказанію вы на дняхъ были въ степяхъ Мертваго моря и у Энгадія?

— По приказанію Совѣта Владѣтельныхъ Князей крестоноснаго воинства, Государь.

— Ктожъ осмѣлился дать вамъ такое повелѣніе, когда я, который вѣрно не въ числѣ послѣднихъ изъ союзниковъ, я не былъ о томъ предувѣдомленъ?

—Этотъ вопросъ ко мнѣ не относится, Государь. Я воинъ креста, служу безотговорочно, на теперешній разъ подъ знаменами Вашего Величества, гордясь полученнымъ на то позволеніемъ; но я принялъ священный этотъ знакъ для поддержанія правъ Христіанства, и чтобы способствовать освобожденію гроба Господня; слѣдственно я обязанъ повиноваться приказаніямъ Владѣтелей и Полководцевъ, которые управляютъ священнымъ этимъ подви-

гомъ, не имѣя права разспрашивать ихъ о причинахъ побудившихъ къ тому. Долгъ мой соболѣзновать со всѣми Христіанами, что нездоровье ваше не допускаетъ васъ на теперешнее только время, какъ я надѣюсь, присутствовать въ ихъ совѣтѣ, гдѣ вашъ голосъ такъ могущественъ; но, какъ солдатъ, я долженъ исполнять приказанія тѣхъ, которые имѣютъ законныя права располагать мною, а иначе я подамъ собою примѣръ ослушанія всему войску.

— Ты правъ; не тебя должно винить, но тѣхъ, которые дадутъ мнѣ отвѣтъ, когда Богу угодно будетъ возстановить меня съ проклятаго этаго одра болѣзни и бездѣйствія. Въ чемъ состояла твоя посылка?

— Извольте лучше спросить о томъ, Государь, посылавшихъ меня, потому что имъ приличнѣе увѣдомить васъ о причинѣ моей поѣздки. Что касается до меня, то я могу говорить только о постороннихъ предметахъ.

— Не лукавь со мной, Сиръ Шотландецъ, вскричалъ раздраженный

Монархъ, естьли ты хоть мало дорожишь своею жизнію.

— Моею жизнію, Государь! съ твердостью отвѣчалъ Рыцарь; я всегда считалъ ее за ничтожную вещь, когда обрекъ себя на знаменитый этотъ подвигъ, и съ тѣхъ поръ гораздо больше пекусь о несмертной душѣ своей, нежели о тлѣнномъ тѣлѣ.

— Клянусь, ты храбрый воинъ! вскричалъ Ришардъ. Слушай же меня, Сиръ рыцарь; я люблю Шошландцевъ; они неустрашимы, хотя упорны и упрямы; и я полагаю ихъ даже откровенными, хотя Государственныя причины принуждали ихъ иногда къ коварству. Я заслуживаю нѣсколько ихъ привязанность, потому что добровольно здѣлалъ для нихъ то, чего не могли бы они никакъ исторгнуть у меня оружіемъ своимъ, какъ у моихъ предшественниковъ. Я воздвигнулъ вновь Рокзургскую и Бервигскую крѣпости, отданныя въ залогъ Англіи. Я возстановилъ древнія ваши границы, я старался пріобрѣсть достопочтенныхъ и независимыхъ друзей въ той зем-

лѣ, гдѣ въ старину Англійскіе Короли хотѣли только покорять недовольныхъ и бунтующихъ подданныхъ.

—Такъ, Государь, вы все это здѣлали, по предложеннымъ условіямъ, заключеннымъ въ Кенторбери съ нашимъ Государемъ. И отъ того-то вы видете меня, съ многими другими Шотландцами, гораздо достойнѣйшими меня, подъ знаменами вашими для пораженія невѣрныхъ; въ противномъ случаѣ, мы теперь опустошали бы ваши границы въ Англіи. Естьли число моихъ соотчичей теперь умалилось, то это отъ того, что они не щадили своей жизни.

—Согласенъ; но въ награду за оказанныя мною услуги вашей землѣ, прошу васъ вспомнить, что какъ главный членъ этаго Христіанскаго союза, я въ правѣ знать переговоры моихъ союзниковъ. И такъ, воздайте мнѣ должное, увѣдомивъ меня о томъ, что я долженъ знать, что отъ васъ узнаю вѣрнѣе, нежели отъ всякаго другаго.

—Убѣжденный такимъ образомъ, я открою передъ вами истинну, Го-

сударь, будучи увѣренъ, что вы стремитесь къ цѣли нашего предпріятія съ похвальнымъ и прямымъ намѣреніемъ, чего не смѣю я сказать о прочихъ военачальникахъ священнаго союза. И такъ, да будетъ вамъ извѣстно, что мнѣ поручено было предложить, посредствомъ Энгадскаго пустынника, святаго отца, уважаемаго и покровительствуемаго самимъ Саладиномъ.....

—Предложить вѣрно о перемиріи? сказалъ Ришардъ, перервавъ его.

—Нѣтъ, Государь, клянусь Св. Андреемъ; но объ утвержденіи прочнаго мира, и отступленіи нашихъ войскъ отъ Палестины.

— Милосердый Богъ! вскричалъ Ришардъ, какъ не основательны были мои заключенія объ ихъ постыдныхъ намѣреніяхъ, но я никогда не считалъ ихъ способными унизиться до такого позора. Какъ могли вы взяться за такое порученіе? Отвѣчайте, Сиръ Кеннетъ.

—Съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ Государь, потому, что бывъ лишены благороднѣйшаго нашего военачальника, который остался един-

ственною нашею надеждою въ этомъ подвигѣ, я не знаю никого, кто бы могъ чамъ замѣнить Вашего Величества, чтобы весть насъ къ побѣдѣ; и въ такихъ обстоятельствахъ, я полагалъ благоразумнымъ избѣгнуть пораженія.

—На какихъ же условіяхъ долженъ былъ заключиться достославный этотъ миръ? спросилъ онъ Кеннета, едва удерживая гнѣвъ свой.

—Они не были ввѣрены мнѣ, Государь; я вручилъ ихъ пустыннику за печатію Совѣта.

—А за кого почитаете вы достопочтеннаго этаго пустынника? за безумнаго? за измѣнника? за святаго?

—Я думаю, Государь, отвѣчалъ благоразумный Шотландецъ, что безуміе его одна лишь личина, которая служитъ ему для пріобрѣтенія благосклонности и уваженія язычниковъ, почитающихъ людей лишенныхъ ума вдохновенными свышѣ. Покрайности, мнѣ казалось, что безумнымъ представляется онъ соображаясь съ обстоятельствами, но невсегда, какъ бываетъ то въ настоящемъ сумасшествіи.

—Хорошо отвѣчали, сказалъ Монархъ, опустясь опять на изголовье, съ котораго онъ до половины приподнялся. А покаяніе его?

—Я полагаю его чистосердечнымъ, Государь; оно вѣрно происходитъ отъ раскаянія въ величайшемъ преступленіи, за которое почитаетъ онъ себя осужденнымъ на вѣчныя муки.

—А какого онъ мнѣнія о войнѣ?

—Онъ отчаевается въ безопасности Палестины, какъ въ собственномъ спасеніи, развѣ какое сверхъестественное чудо поможетъ намъ, покрайности такъ думаетъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ рука Ришарда Англійскаго перестала поражать невѣрныхъ.

—И такъ, политическая система этаго пустынника, одинакова съ этими Князьями, которые забывъ Рыцарское свое званіе и вѣру, отважны и рѣшительны только на отступленія, и вмѣсто того, чтобы итти противъ вооруженнаго Сарацина, готовы попрать ногами, въ бѣгствѣ своемъ, тѣло умирающаго ихъ союзника,

—Прошу меня простить, Государь, естьли я осмѣлюсь замѣтить вамъ, что такой разговоръ лишь умножитъ вашу болѣзнь, которая пагубнѣе для Христіанъ, нежели всѣ орудія невѣрныхъ.

И точно, лице Короля Ришарда было воспламенено, движенія его становились часъ отъ часу буйственнѣе; руки его были вытянуты, кулаки стиснуты, глаза сверкающи. Повидимому, онъ вытерпливалъ ужасныя тѣлесныя и душевныя мученья, тогда какъ неукротимое его мужество поощряло его къ разговору, какъ бы преодолѣвая ихъ и гнушаясь ими.

—Вы умѣетѣ льстить, Сиръ Рыцарь, сказалъ онъ, но вы не отвернешесь отъ меня. Вы не все еще сказали мнѣ, о чемъ я хочу знать. Видѣли ли вы Королеву въ бытность вашу въ Энгади?

—Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Сиръ Кеннетъ съ большимъ смущеніемъ, вспомнивъ о ночной процессіи, видѣнной имъ въ придѣлѣ упиеса.

— Я спрашиваю васъ, сказалъ Король строгимъ голосомъ, не были ли вы въ придѣлѣ Кармелитскихъ мо-

нахинь Энгадскаго монастыря, и не видали ли тамъ Беренжеры, Англійской Королевы, и прочихъ дамъ ея свиты, бывшихъ тамъ на богомольѣ?

—Я буду отвѣчать, Вашему Величеству сущую правду, какъ на исповѣди. Я видѣлъ въ подземномъ придѣлѣ, куда привелъ меня пустынникъ, хоръ женщинъ, воздающій поклоненіе наивеличайшей святынѣ; но не видавъ ихъ лицъ, и слыша только голоса ихъ въ пѣтыхъ ими гимнахъ, не могу знать, была ли тутъ Англійская Королева.

— И ни одна изъ этихъ женщинъ вамъ неизвѣстна?

Кеннетъ хранилъ молчаніе.

— Спрашиваю васъ, продолжалъ Ришардъ, приподнявшись на локтяхъ, какъ Рыцаря и какъ благороднаго человѣка, и по вашему отвѣту буду знать, какъ цѣнить мнѣ васъ, узнали ли вы которую нибудь изъ этихъ дамъ, составлявшихъ хоръ? Да или нѣтъ.

— Государь, отвѣчалъ Кеннетъ запинаясь, я могъ здѣлать заключенія.

— И я могу также сдѣлать свои, сказалъ Король, наморщивъ брови. Но довольно. Хотя вы и Барсъ, Сиръ Рыцарь, но берегитесь попасть въ когти Льва. Слушайте меня: влюбиться въ луну безумно; но хотѣть перескочить черезъ высокую башню, въ безумной надеждѣ возвыситься до нее, значитъ покушатся на жизнь свою.

Въ эту минуту послышался шумъ въ передовомъ покоѣ, и Король, вошедъ въ себя, прибавилъ поспѣшно обыкновеннымъ своимъ голосомъ: — Довольно. Ступайте, сыщите мнѣ Вокса, и пришлите скорѣе сюда съ Мавританскимъ лѣкаремъ. Я ручаюсь головой своей за праводушіе Султана. Естлибъ онъ только отрекся отъ своего Магомета, то я готовъ способствовать ему самъ, чтобы выгнать изъ владѣній его наводнившихъ ихъ Французовъ и Австрійцевъ, и тогда Палестина гораздо бы лучше была управляема, нежели какимъ другимъ Монархомъ.

Рыцарь Барса удалился, и почти въ ту же минуту дежурный офицеръ вошелъ съ докладомъ, что депутаты

отъ Совѣта прибыли для освѣдомленія о здоровьѣ Его Величества, Англійскаго Короля.

— Какое благополучіе, что они удостоили вспомнить, что я еще живъ, сказалъ Ришардъ. А кто эти достопочтенные депутаты?

— Гросъ-Мейстеръ Тампліеровъ и Маркизъ Монтфератъ.

— Братъ нашъ Французской Король не жалуетъ постели больнаго, сказалъ Король; а естьлибъ онъ былъ болѣнъ самъ, то давно уже видѣлъ бы меня у себя. Жакелинъ, поправь постель мою; она вся взворочена, какъ волны на разъяренномъ морѣ. Подай мнѣ стальное это зеркало. Разчеши мнѣ голову и бороду; волосы всѣ всклокочены какъ грива льва, и не похожи на человѣческіе. Подай мнѣ воды.

— Государь, сказалъ Жакелинъ съ трепетомъ, лѣкаря говорятъ, что холодная вода можетъ сдѣлать вамъ вредъ.

— Убирайся къ черту съ своими лѣкарями! вскричалъ Монархъ; если они не въ силахъ вылѣчить меня, то не ужъ ли ты думаешъ, что я дамъ

имѣ мучить себя. Теперь, прибавилѣ онѣ, умывшись, впустите почтенныхѣ этихѣ пословѣ. Надѣюсь, что они не замѣтятѣ, чтобы страданья Ришарда заставили его небречь обѣ его особѣ.

Знаменитый Гросѣ-Мейстерѣ Тампліеровѣ былѣ высокаго роста, сухощавѣ, истощенный воинскими трудами; взглядѣ имѣлѣ пасмурный, но проницательный; заботы и пронырства провели глубокія морщины на челѣ его. Избранный начальникомѣ своего ордена, для котораго они сами составляли все, а прочіе ни что, стараясь умножать могущество свое, сѣ ущербомѣ даже самой религіи, служившей ему основаніемѣ. Обвиняемый вѣ ереси и чародѣйствѣ, не смотря на воинское и духовное его званіе, подозрѣваемый вѣ тайныхѣ сношеніяхѣ сѣ Султаномѣ, хотя и далѣ онѣ торжественный обѣтѣ защищать или обратно завоевать святый храмѣ. Свойство Гросѣ-Мейстера, какѣ и всего ихѣ ордена, было настоящею загадкою, приводящею вѣ содроганіе тѣхѣ, которые старались ихѣ проникнуть. Гросѣ-Мей-

стерЪ былЪ вЪ парадномЪ своемЪ одѣяніи; на немЪ надѣта была *Абакуза*, таинственный символЪ его сана, котораго особенный покрой подалЪ поводЪ кЪ стольким заключеніямЪ и страннымЪ толкамЪ, заставляя подозрѣвать ОрденЪ ХристіянскихЪ этихЪ Рыцарей, что они подчинили себя служенію гнуснѣйшаго идолопоклонства.

КонрадЪ МонтфератЪ былЪ гораздо пріятнѣйшей наружности, нежели мрачный и таинственный священникЪ воинЪ, котораго онЪ сопровождалЪ. ОнЪ былЪ строенЪ, нѣсколько выше средняго роста, отважный на полѣ битвы, осторожный вЪ совѣтѣ, веселый и щеголеватый на пиршествахЪ и празднествахЪ; но сЪ другой стороны, его вообще обвиняли вЪ перемѣнчивости, вЪ холодномЪ и наблюдательномЪ властолюбіи, вЪ желаніи распространить свое владѣніе. Не заботясь о благѣ Латинскаго Государства вЪ Палестинѣ, онЪ пекся только о личныхЪ своихЪ выгодахЪ, ведя тайные переговоры сЪ СаладиномЪ, ко вреду прочихЪ ХристіянскихЪ полководцевЪ.

Когда оба они вошедъ, раскланялись съ Ришардомъ, отвѣчавшимъ имъ равною вѣжливостью, то Маркизъ Монтфератъ началъ изъяснять причину ихъ посѣщенія. Они присланы, сказалъ онъ, отъ Королей и Князей составляющихъ совѣтъ крестоносцевъ, для освѣдомленія о здоровьѣ великодушнаго ихъ союзника, храбраго Короля Англійскаго.

— Не безъизвѣстно намъ, какъ дорожатъ Князья Совѣта нашимъ здоровьемъ, отвѣчалъ Англійской Король; извѣстно намъ и то, какъ тягостно было для нихъ воздерживать любопытство свое, въ продолженіе двухъ недѣль; безъ сомнѣнія они опасались умножить болѣзнь мою, изъявленіемъ своихъ опасеній на щетъ моего нездоровья.

Это возраженіе пресѣкнувъ красноречіе Маркиза, смутило всѣ мысли его; товарищь его, суровой наружности, приступивъ къ разговору, съ важнымъ видомъ, сухо, отрывисто, сколько позволяла ему благопристойность, въ сношеніи съ такимъ знаменитымъ Государемъ, увѣдомилъ Ришарда, что они присланы къ нему съ

прозьбою отъ всего Совѣта, и отъ имяни всего Христіянства, не ввѣряться попеченіямъ Музульманскаго лѣкаря, присланнаго, какъ слышно, отъ Султана, прежде нежели Совѣтъ взявъ мѣры свои, разсмотритъ, можно ли безъ опасенія положиться на сомнительныя увѣренія Саладина.

— Гросъ-Мейстеръ достопочтеннаго и храбраго ордена Тампліеровъ, и вы, преблагородный Маркизъ Монтфератъ, отвѣчалъ Ришардъ, естьли соблаговолите удалиться въ ближній покой, то услышете чрезъ нѣсколько минутъ, какъ цѣнимъ мы нѣжныя убѣжденія Государей и Князей, нашихъ сотоварищей въ священной этой войнѣ.

Маркизъ и Гросъ-Мейстеръ удалились въ передовой покой, и чрезъ нѣсколько минутъ потомъ вошелъ туда Мавританской лѣкарь, въ сопровожденіи Барона Гисланда и Рыцаря Барса. Баронъ нѣсколько отсталъ отъ нихъ, остановясь въ дверяхъ, отдавая приказанія часовому.

Эль-Гакимъ, при входѣ своемъ поклонился по восточному обычаю Маркизу и Гросъ-Мейстеру, кото-

раго видъ и нарядъ означали важный санъ его; Гросъ-Мейстеръ раскланялся съ нимъ съ презрительною холодностью; а Маркизъ съ вѣжливостію, привлекавшею къ нему всѣхъ, съ какою обыкновенно поступалъ онъ съ людьми всякаго званія, и какой бы ни были они земли. Послѣдовало минутное молчаніе; Сиръ Кеннетъ въ ожиданіи Фомы Вокса, не смѣлъ самъ собою войти въ Королевской покой.

Въ этотъ промежутокъ, Гросъ-Мейстеръ, оборотясь къ Музульманину, сказалъ ему съ строгостью: —Невѣрный, какъ ты осмѣливаешься браться за лѣченіе одного изъ Государей Христіянской арміи?

— Солнце Аллы, отвѣчалъ мудрецъ, свѣтитъ равно какъ на Назарянина, такъ и на правовѣрнаго, и служитель его не смѣетъ дѣлать между ими различія.

— Нечестивый Гакимъ, сказалъ Гросъ-Мейстеръ, или какимъ бы имянемъ ни назывался рабъ тьмы, не очищенный водою крещенія, знаешъ ли ты, что члены твои будутъ изтерзаны на части, если Король

Ришардъ погибнетъ въ твоихъ рукахъ.

— И вы поступите неправосудно, отвѣчалъ лѣкарь, потому, что въ моей власти состоятъ только человѣческія пособія, а успѣхъ моихъ попеченій назначенъ въ книгѣ судебъ.

— Достопочтенный и храбрый Гросъ-Мейстеръ, сказалъ Маркизъ Монтфератъ, не забудьте, что этому человѣку неизвѣстны Христіянскіе законы, основанные на страхѣ Божіемъ, для безопасности помазанника Божія. Познай, степенный лѣкарь, въ искуствѣ котораго мы ни мало не сомнѣваемся, что лучшее средство для твоей безопасности, явиться передъ знаменитымъ Совѣтомъ священнаго нашего союза, въ присудствіи искуснѣйшихъ лѣкарей, назначенныхъ отъ насъ, и объяснить средства, какія намѣренъ ты употребить для излѣченія вѣнценоснаго больнаго. Этимъ средствомъ ты избѣгнешъ строжайшей отвѣтственности, которой можешъ подвергнуться, взявшись самъ собою за такое важное дѣло.

— Я очень понимаю васъ, отвѣчалъ Эль-Гакимъ, но моя наука имѣетъ своихъ поборниковъ, какъ воинское ваше искуство, и равно въ той и другой подвергаются погибели. Я получилъ отъ моего Государя, Султана Саладина, повелѣніе вылѣчить этаго Назарянскаго Короля, и съ благословеніемъ Пророка буду ему повиноваться; если не успѣю, то у васъ есть мечи, жаждущіе крови правовѣрныхъ, и я повергаю тѣло свое ихъ ударамъ. Но не хочу вступать въ споры съ необрѣзанниками о качествѣ лѣкарства, котораго дознался я помощію Пророка, и прошу васъ не дѣлать отлагательствъ въ исполненіи моего долга.

— Кто говоритъ объ отлагательствахъ? вскричалъ Воксъ, вошедъ поспѣшно въ шатеръ; мы и такъ слишкомъ долго медлили. Здравствуйте, Маркизъ Монтфератъ, здравствуйте, храбрый Госъ-Мейстеръ; но мнѣ нужно теперь же итти къ Королю съ этимъ лѣкаремъ.

— Милордъ, сказалъ Маркизъ Французско-Нормандскимъ языкомъ, или Уискимъ, какъ тогда называли

его, знайте, что мы присланы отъ имяни Совѣта съ представленіемъ къ вашему Государю, какъ опасно позволять невѣрному Музульманскому лѣкарю вмѣшиваться въ лѣченіе въ Христіянскомъ станѣ, особливо повѣрять ему здоровье драгоцѣнной особы Короля Ришарда.

— Благородный Маркизъ, отвѣчалъ Воксъ нѣсколько вспыльчиво, я не краснорѣчивъ, и не люблю слушать длинныхъ разсказовъ. Къ тому же я скорѣе положусь на то, что видѣлъ собственными глазами и слышалъ своими ушами, нежели на возраженія всѣхъ нашихъ лѣкарей: я увѣренъ, что этотъ язычникъ можетъ вылѣчить болѣзнь Короля Ришарда, и полагаюсь въ томъ на усердное его стараніе. Время дорого. Еслибы самъ Магометъ, да будетъ надъ нимъ проклятіе Божіе, пришелъ къ дверямъ этаго шатра съ такимъ же добрымъ намѣреніемъ, какъ этотъ Адонебекъ Эль-Гакимъ, то я почелъ бы за грѣхъ удержать его минуту. И такъ, благородные господа, пропустите насъ.

—Но самъ Король, возразилъ Конрадъ Монтфератъ, сказалъ намъ, чтобъ мы присутствовали при дѣйствіяхъ этаго лѣкаря.

Баронъ сказалъ нѣсколько словъ потихоньку Жакелину, видно чтобы узнать отъ него, правду ли говоритъ Маркизъ, и потомъ отвѣчалъ ему:— Вы можете войти съ нами, если вамъ угодно, благородные господа, только вооружитесь терпѣніемъ; потому, что если вы перервете искуснаго этаго лѣкаря въ его дѣйствіяхъ хоть однимъ словомъ, хоть однимъ знакомъ угрозы, то не смотря на достопочтенное ваше званіе, я принужу васъ выттти изъ Королевскаго шатра. Знайте, что я столько удостовѣренъ въ пользѣ лѣкарства этаго искуснаго человѣка, что еслибы самъ Ришардъ поколебался принять его, то клянусь Ланеркосткою Богоматерью, что нашелъ бы въ душѣ своей довольно силы, чтобы принудить его проглотить свое исцѣленіе.— Эль-Гакимъ, войдите.

Онъ проговорилъ послѣднія эти слова на Левантскомъ языкѣ, и лѣ-

карь тотчасъ повиновался. Гросъ-Мейстеръ искоса посмотрѣлъ на слишкомъ нецеремоніальнаго воина, но брошенный на него взглядъ Маркиза, разгладилъ морщины произведенныя гнѣвомъ, и они оба послѣдовали за Воксомъ и Мавромъ во внутренній покой, гдѣ Ришардъ ожидалъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ больнаго, который прислушивается къ шагамъ своего лѣкаря. Никто не приглашалъ Сиръ Кеннета входить туда, но никто и не запрещалъ; и полагая, что сами обстоятельства даютъ ему право послѣдовать за важными этими особами, онъ вошелъ: чувствуя же свою подчиненность, остановился поодаль въ продолженіи слѣдующаго дѣйствія.

Ришардъ увидя ихъ вошедшими въ спальню свою, тотчасъ вскричалъ:— О! о! какое многочисленное общество собралось, чтобы видѣть переходъ Ришарда отъ жизни къ смерти. Въ лицѣ вашемъ привѣтствую благородныхъ моихъ союзниковъ; вы увидете опять посреди васъ Ришарда, какимъ онъ былъ прежде, или снесете въ могилу прахъ его. А ты, Воксъ,

прими благодарность Государя твоего, живъ ли останется онъ или умреть. Но, тамъ еще кто-то стоитъ; отъ этой горячки затмилось въ глазахъ моихъ. А! это храбрый Шотландецъ, который безъ лѣстницы хотѣлъ взобраться на небо. Добро пожаловать и его. Ну, Сиръ Гакимъ, приступай, приступай!

Лѣкарь, разспросившій уже подробно о всѣхъ признакахъ болѣзни Короля Ришарда, долго и съ большимъ вниманіемъ щупалъ пульсъ его, тогда какъ всѣ окружающіе его въ ожиданіи хранили глубокое молчаніе, удерживая свое дыханіе. Потомъ наливъ кубокъ ключевой воды, обмакнулъ въ него маленькой кошелекъ изъ краснаго шелка, вынувъ его изъ-за пазухи, какъ то было и съ щитоносцемъ. Когда вода, по мнѣнію его, довольно настоялась напитаннымъ веществомъ, то онъ хотѣлъ поднесть ее Государю, какъ Ришардъ остановилъ его, сказавъ:— На минуту; ты пробовалъ пульсъ мой, дай и мнѣ попробовать твой. Я не много знающь въ медицинѣ, по долгу всякаго Христіянина.

Мавръ немедленно протянулъ руку, и смуглые, длинные, тощіе его пальцы, пролежали нѣсколько минутъ въ широкой рукѣ Короля Ришарда.

—Его пульсъ такъ спокоенъ, какъ ребячій, сказалъ Король; не такимъ образомъ бился бы пульсъ человѣка, сбирающагося отравить Монарха. Воксъ, останемся ли мы въ живыхъ или умремъ, лѣкаря этаго должно отпустить съ честію и въ совершенной безопасности. Другъ, поклонись отъ меня благородному Саладину. Если я умру, то безъ малѣйшаго сомнѣнія въ его искреннемъ желаніи мнѣ добра; если останусь въ живыхъ, то отблагодарю его какъ знаменитаго воина.— Онъ сѣлъ на постель, взялъ кубокъ въ руки, и оборотясь къ Маркизу и Гросъ-Мейстеру, сказалъ имъ:— Внемлите словамъ моимъ, и пусть братья мои, Короли, соотвѣтствуютъ мнѣ Кипрскимъ виномъ: — Въ вѣчную славу знаменитаго Крестоносца, который первый поразитъ копьемъ своимъ или мечемъ врата Іерусалима; въ вѣчный стыдъ и позоръ того,

кто отстранится отъ священнаго подвига!

Онъ заразъ опорожнилъ кубокъ, отдалъ его назадъ лѣкарю, упавъ въ изнеможеньи на подушки, изготовленныя для принятія его. Эль-Гакимъ, молча, выразительными знаками просилъ тогда всѣхъ вытти вонъ. Въ слѣдствіе чего всѣ зрители удалились, выключая лѣкаря и Фомы Вокса, котораго никакія представленія не могли убѣдить оставить своего Государя.

Конецъ первой части.

